

Джим Оуэн

ХРИСТИАНСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ В БОРЬБЕ СО СЛОВОМ БОЖЬИМ

Виктимизация верующего

Missionswerk FriedensBote
Миссия Вестник Мира
2006

Originally published in English under the title
Christian Psychology's War on God's Word by Jim D. Owen
Copyright © 1993 James D. Owen
Published by EastGate Publishers
4137 Primavera Road
Santa Barbara, CA 93110

Titel der deutschen Ausgabe:
Christliche Psychologie im Krieg mit Gottes Wort von Jim D. Owen
© Verlag "Bekenntnis der Hoffnung", 2000

Джим Оуэн. Христианская психология в борьбе со Словом Божиим
© Missionswerk FriedensBote, 2005

Перевод с немецкого
Редактор *Татьяна Климошенко*
Теологический редактор *Геннадий Гололоб*
Оформление обложки *Сергей Споденюк*

Missionswerk FriedensBote
Postfach 1416
D-58530 Meinerzhagen

ISBN 3-937032-20-7

Содержание

Предисловие	7
Пролог. Письмо воображаемому другу	9
1. Полное удовлетворение во Христе?	21
2. Поговорим о грехе	31
3. На полных парусах в фарватере самоуважения	51
4. Джон Стотт и самоутверждение	67
5. В пустыню виктимизации	83
6. Ещё о виктимизации	95
7. Как найти выход из пустыни?	111
8. За кем последнее слово?	127
9. Неверные ответы на неверные вопросы	141
10. Верой, и только верой	157
11. Человек веры	171
12. Тайна Его силы	183
Эпилог	199

Предисловие

«Достижения» науки – в данном случае психологии – всё больше проникают в область мышления Церкви Иисуса, стремясь вытеснить библейские истины. Многие верующие считают их верными и важными, своего рода дополнением к Слову Божьему.

«Христианская» психология претендует на знание причины нашего неправильного поведения, нашей вины и греха. Она утверждает, что причина кроется в нашем самосознании и нашем окружении. Наши прародители, отец и мать, братья и сёстры, воспитание в школе, супруг или супруга и даже дети сделали нас «жертвой». Именно это имеется в виду, когда речь идет о виктимизации*.

Наше «я» с детских лет повреждено, и только «христианская» психология в состоянии предложить нам помощь и выздоровление, прибегнув к терапевтическим мерам, которые не имеют ничего общего с библейским душепопечительством.

* В криминалистике под виктимизацией (от англ. victim – жертва) понимается процесс превращения отдельного человека или группы людей в жертву преступления под воздействием неблагоприятных обстоятельств. Поскольку фактор умышленной провокации преступления обычно не берется в расчет, на первый план выступают свидетельства невольного содействия преступлению, которое не осознается самой жертвой. Такое определение виктимизации ограничивается ситуацией, когда потерпевшие оказываются в роли жертв преступления в силу опасного для них, но вынужденного поведения.

Примененное к сфере психологии, понятие виктимизации делает человека лишь пассивной жертвой внешних обстоятельств, предоставляя ему возможность безответственно относиться к собственному поведению. В результате причастность жертвы к случившемуся оправдывается неблагоприятными обстоятельствами.

Уже первая человеческая пара вела себя подобным образом, пытаясь переложить вину за грехопадение на другого: «Жена, которую Ты мне дал, она дала мне от дерева, и я ел», – сказал Адам Богу. «Змей обольстил меня, и я ела», – оправдывалась Ева. Однако Бог не играет в прятки. Он спрашивает: «Почему ты это сделал?» Его приговор основывается на конкретном факте: «За то, что ты сделал это...». К сожалению, многие возрожденные христиане тоже практикуют перекладывание вины на другого. Кто из нас не предпочел бы быть лучше «бедной жертвой», чем виноватым?

Мы с большой радостью прочитали этот труд Джима Оуэна, в котором он так ясно разоблачает ошибочность такого взгляда и показывает Божий путь спасения для людей. Мы, христиане, обладаем большим богатством; ведь из Слова Божьего мы знаем, что наш Искупитель Иисус Христос дарует нам полное освобождение от рабства нашему «я», которое и есть настоящий виновник наших проблем.

Слово Божье – единственная действенная помощь для нас самих и для людей, которые доверяют нам свои нужды и проблемы. Никто не знает нас лучше Того, Кто создал нас и Кто любит нас. Поэтому мы не нуждаемся в безбожном учении о душе, пусть даже оно и в христианском одеянии.

Каждый, кто озабочен усиливающимся влиянием на Церковь духа времени, умаляющим нашу вину, с благодарностью примет этот труд. Мы желаем, чтобы эту книгу прочитали духовно одаренные душепечители, а также христианские критики, сверив ее с Библией, и чтобы она получила широкое распространение в Церкви Иисуса Христа.

*Проф., д-р Теодор Эллингер и госпожа Хедвиг,
март 1999 г.*

ми. Опасность такого подхода к христианской жизни в том, что при анализе постигших человека проблем и неудач исключаются факторы его личной вины, уступчивости и попустительства. В этом смысле термин «виктимизация» может означать жалость к себе, злоупотребление своим положением жертвы, если не вообще игру в эту роль.

Проблема «христианской» психологии состоит в том, что своими реабилитационными программами (преступников, наркоманов, алкоголиков, гомосексуалистов и т.п.) она подготавливает человека к такому принятию Христа, которое не включает в себя решительного осуждения греха и сознательного отречения от него, а ищет лишь извинения своему поведению. С библейской же точки зрения, наличие внешнего принуждения, вызывающего недостаток самоуважения, – далеко не единственная причина существующих проблем в межличностных отношениях. – *Примеч. теолог. редактора.*

Пролог

Письмо воображаемому другу

Вне всякого сомнения, эта книга вызовет протест, возможно, даже весьма резкий и страстный протест. Но, учитывая своеобразие темы, такой протест, видимо, неизбежен. Основные положения и методы психологии настолько глубоко проникли во все области христианского мышления, что всякий, кто осмеливается критиковать их, неизбежно навлекает на себя гнев и упреки ее защитников. Мы уже недалеко от того, чтобы место, которое раньше принадлежало исключительно Писанию, предоставить «истинам», практикуемым так называемой «христианской» психологией.¹ Это весьма опасное развитие событий.

В поисках способа выразить «радикальные» идеи этой книги мне легло на сердце указать на те разрушительные последствия, какие возникают при сопоставлении Священного Писания и якобы не противоречащих христианским принципам психологических идей. При этом я не мог избежать того, чтобы не вступить в противоречие с пылкими убеждениями и практикой других верующих. Как преодолеть всеохватное нежелание человека подвергнуть необходимой корректуре свои ложные представления, которые стали уже любимыми и дорогими?

Я решил начать так, как будто пишу письмо старому другу, который когда-то был мне близок. Сегодня он идет собственным путем, стал убежденным психологом и считает себя обязанным соединять с открытыми Богом истинами Писания познанные людьми «истины» психологии. Он так ревностно посвятил себя этой

задаче, что не заметил внутреннего противоречия, существующего между этими откровениями. И кажется, он также оказался неспособным распознать небиблейские последствия своих методов.

Он пытается помочь излечиться «израненным» душам. Но оправдывает ли эта благая цель средство, которое заключается в применении гуманистической философии для диагностики и лечения «больных» людей?

Конечно, мой друг – это лишь плод моего воображения, но его консультационная психология весьма конкретна и широко признаётся христианской общественностью. Если описание личности моего «друга» затронет кого-то из читателей, то я хотел бы искренне просить таковых серьезно поразмыслить о тех доводах, какие я привожу против «христианской» психологии.

Новое христианство?

«Время течет, и все меняется». Тебе знакомы эти слова? Если мне не изменяет память, это выражение фигурировало в песне Боба Дилана, модной в прошлом поколении. В хаосе конца шестидесятых годов она была на устах почти всех студентов, когда они устраивали демонстрации и проклинали государственные устои. Именно это время пришло мне на память, когда я размышлял о том, что написать тебе.

К своему и, возможно, твоему огорчению, я вынужден признать, что мои слова не будут приятными. Ведь и в наших евангельских кругах времена изменились, и ты олицетворишь собой это изменение. Меня волнуют последствия. Нет, волнуют – слишком слабое выражение. Я больше чем взволнован. Я обеспокоен происшедшей переменой. Я обеспокоен и полон опасений, я встревожен и разгневан. Возможно, здесь есть и негативные чувства, но они оправданы. Позволь мне объяснить тебе, почему это так.

Мне очень хотелось бы сказать, что то, что ты делаешь, прекрасно; но я не могу сказать так. В последнее время я внимательно слушал тебя, вникал в твои книги, читал и перечитывал твои письма, снова и снова обдумывал твои идеи и аргументы и вынужден констатировать тот факт, что ты весьма изощренно уклонился от Писания как от авторитетного и достаточного Слова Божьего, хотя ему можно полностью доверять, какими бы ни были наши проблемы и обстоятельства.

Или действительно обманчивое сердце современного человека слишком заумно для того, чтобы изменяться лишь посредством простоты Писания? Кажется, к такому заключению ты пришел. «Конечно, человек грешен,— говоришь ты,— но он только жертва». По сути, последнее производит на тебя более сильное впечатление, чем первое. Человек — жертва! Какая достойная сожаления оценка человека 20-го столетия! Видимо, героев уже не существует, не так ли? Более того, какая печальная оценка человека, который сотворен по образу и подобию Божьему! Человек — жертва; такое представление рождает совершенно новое понимание человека и его проблем, так сказать, внебиблейскую интерпретацию человека. Она дистанцируется от Писания, считая его скучным и ограниченным в том, что касается «самых насущных» потребностей человека.

Мне жаль, но я вынужден спросить тебя, не утратил ли ты то, что когда-то так мужественно исповедовал: веру в Писание, страстную веру в то, что оно способно изменить грешное сердце и исцелить его испорченность?

О, я слышу твой протест. Ты настаиваешь на том, что веришь Писанию так же, как и я. Ты даже цитируешь его, защищая свои аргументы. Но когда ты делаешь это, я часто спрашиваю себя, одну ли и ту же Книгу мы читаем? Я отвергаю твой подход к Писанию и со всё возрастающим разочарованием наблюдаю за тем, как библейские категории превращаются в психологические, будто от этого они становятся лучше и действеннее.²

Да, время течет, и все меняется.

Что случилось?

На протяжении многих веков и независимо от жизненных обстоятельств верными спутниками всякого истинно верующего человека были наставления из Писания, чудо и сила молитвы, общение духа с другими христианами, готовность к самоотречению, жажда узреть нашего Господа и ускорить Его возвращение, а также невыразимое и славное блаженство принадлежать Ему независимо от жизненных обстоятельств. Всё это создало святую общность, которая не зависит от времени, смерти и культуры. Эти семь своеобразных, не ограниченных временными рамками друзей помогают нам возрастать в благодати, силой этой благодати

говорить «нет» греху и посредством этой благодати приносить плод, прославляющий Иисуса.

Как случилось, что сегодня многие пренебрегают этими друзьями, считают их слишком неудовлетворительными, слишком слабыми, слишком неспособными, чтобы коснуться, как ты выражаешься, «глубочайших сердечных ран»? Когда конкретно в нашем веке наступил тот момент, когда благодать перестала быть сильнее греха? Когда непоколебимая вера в то, что Иисус силен освободить нас, превратилась в ностальгическую нелепость?

Или ты считаешь, что наша вера предъявляет чрезмерные требования к благодати, ожидает от нее больше, чем та может дать? Возможно, ты думаешь, что наши грехи, грехи 20-го века, действительно стали настолько сложными, что нашей веры уже недостаточно, чтобы и впредь доверять помощи старых, традиционных друзей? Как бы то ни было, ты настаиваешь на том, что считаешь более действенным. «Новые» истины призваны обогатить и дополнить устаревшие надежды на открытую Богом истину. В нашем случае речь идет о «новых» истинах психологии. *Искусство поведения* – вот выражение, которое ты часто используешь. Для христиан, находящихся в борении, это термин огромной важности. Грех можно победить наукой. Кто когда-либо считал это возможным? Методика заменяет веру, и научные данные приходят на помощь слабой вере.

Те христиане, которые, несмотря ни на что, сомневаются в твоей новой мудрости и продолжают доверять Писанию, вынуждены за это расплачиваться. Они, со своей старомодной надеждой на Божьи обетования и Его могущество, объявляются отсталыми и невежественными. Разве не удивительно, что многие христиане теряют уверенность и покой и начинают сомневаться в достоверности Писания, когда слышат слово «наука»? Они сразу же начинают искать возможности установить гармонию между Писанием и наукой, чтобы люди не посчитали и Самого Бога устаревшим и невежественным.

Кто же отважится спорить с наукой, даже такой сомнительной, как психология? Кто захочет показаться глупцом? Едва ли такой найдется. Хотя и надо бы, чтобы ради Христа многие были к этому готовы. Но, к сожалению, сегодня дело обстоит не так.

Я думаю, что сказка о новом платье короля – хорошая тому иллюстрация. Ты помнишь ее? Никто не хотел показаться глупцом, так как только глупец мог не восхищаться новой, мастерски

сшитой, но на самом деле не существующей одеждой тщеславного повелителя. Ни первый министр, ни знатные придворные, ни люди на улицах, ни сам король не были готовы к тому, чтобы признать, что ничего не видят. Слишком многое было поставлено на карту. «Неужели другие умнее меня? – спрашивал каждый сам себя. – Неужели я глупец? Если даже и так, то никто не должен узнать об этом». И когда король шествовал в торжественном одеянии – голый, как в день своего рождения, никто и виду не подал, что ничего не видит, пока маленький мальчик не воскликнул: «А король-то голый!»³

Таковыми мы бываем робкими, так быстро способны поддаваться внушению! И я спрашиваю сам себя: не стали ли мы сегодня свидетелями такого приспособленчества в наших евангельских общинах? «Всякая истина – Божественная истина, независимо от того, научная она или получена через откровение», – утверждает «христианская» психология, как будто само это утверждение уже решает вопрос о ее истинности и освящает всё, о чем она говорит и что делает. Я могу только удивляться такой доверчивости. Разве мы не знаем, что существуют сотни теорий о личности человека и практически тысячи психологических методологий? Как ты определишь, что из всего этого действительно является Божественной истиной?

Суррогат Евангелия

Сейчас самое время показать тебе суть происходящего. В наши церкви проникает опасная философия. Боюсь, что та путаница, которую ты вместе со своими друзьями сеешь в сердцах верующих, приводит к тому, что они начинают сомневаться в достаточности слова Того, Кто их спас.

Вне всякого сомнения, то, что ты проповедуешь, – лишь суррогат Евангелия, и меня это возмущает. Ты проповедуешь «иное евангелие», которое делает зависимыми от тебя и твоих методов всех нас, кто познал истинную христианскую свободу. Когда-то нам было сказано, что без Христа мы не можем делать ничего. Теперь же нам почти уже говорят, что Христос ничего не может делать в нас без помощи «христианской» психологии. Даже Дух Святой представлен в таком виде, что без правильных методов Он бездейственный. Разве такой подход может не волновать меня? Разве я могу не возмущаться этим?

Да, я встревожен, потому что не уверен, что ты знаешь, что творишь. Я просто не могу поверить, что ты делаешь это преднамеренно. Ты кажешься настолько занятым своей «научной истинной», настолько восхищенным своим «расширенным» евангелием, настолько довольным тем, что удалось сделать, что уже не видишь, как далеко ты ушел от правильной тропы.

Меня тревожит это, потому что я верю, что ты любишь Христа так же, как и я. Я верю в чистоту твоих мотивов. Ты заботишься о людях и хочешь им помочь. И в какой-то степени это тебе удается. Или нет? Вот вопрос, который не дает мне покоя.

Мне почти хочется, чтобы ты не был искренним христианином, каким я тебя считаю. Тогда мне легче было бы произнести те суровые истины, которые я намерен высказать тебе. Но когда я изучаю твои труды, когда я слушаю твои программы, когда вижу, какое влияние ты оказываешь на Тело Христово, **я встревожен!**

Нет, я не хочу удерживать в себе то, чем наполнены мое сердце и мой разум. Я не намерен играть с тобой в кошки-мышки и не буду ходить вокруг да около, боясь сказать тебе прямо: «Мой друг, а ведь король-то голый!»

Позволь мне наглядно показать тебе суть стоящего перед нами вопроса, чтобы ты больше не думал, что я преувеличиваю или что речь идет о маловажном различии во взглядах или вообще лишь о каком-то буквоедстве с моей стороны.

Речь идет не о том, оправдано ли вообще консультирование, а также не о том, что многие христиане отчаянно борются со своими греховными мыслями и поведением. Действительно, много, ох, как много таких людей, и позже мы еще поговорим о причине этого печального факта. Но в настоящий момент главное в том, что любой применяемый на практике метод (будь то в личной или групповой беседе), который призван помочь верующему человеку преодолеть греховное поведение или содействовать успеху в деле освящения, без ясного проникновения в его сердце Слова Божьего, без того, чтобы он полностью доверился этому Слову и на нем основывался,— любой такой метод не имеет права называться христианским или библейским. Более того, любой метод, который определяет нашу проблему, исходя из гуманистических предпосылок, который игнорирует, изменяет или умаляет значение ясного учения Писания, должен рассматриваться как нехристианский и небиблейский. Однако ты, мой друг, основываешься именно на такой системе и практикуешь ее.

Только Христос

Хотя ты прикрываешься христианской терминологией, ясно, что действительность ты рассматриваешь не с духовной позиции. Ты не считаешь основным всемогущее и таинственное величие Святого Духа. По сути, ты представляешь горизонтальное мировоззрение. Плоть против плоти, родители против своих детей, нынешнее поколение виктимизирует грядущее, и таким образом прошлое не только производит уродливое настоящее, но и держит его в своих цепях.

Духовная действительность представляется тебе всего лишь театральными кулисами, возможно, и нелишним, но всего лишь дополнением, в то время как ты в центре сцены борешься с действительной проблемой «расстройства личности», прибегнув к сценарию, взятому напрокат у гуманистической психологии.

Хочешь ты этого или нет, но твой метод отодвигает Иисуса, нашего Спасителя, на задний план, так как Его сила лишь тогда находится в распоряжении нашей слабости, когда сообщается нам через твои методы. Ты становишься незаменимой личностью для благополучия верующего во Христа. А результаты? Психология восхваляется, а Писание отодвигается в сторону. Я знаю, что это звучит резко. Однако нелегко сохранять приветливый тон, когда читаешь то, что написал один из твоих коллег:

Напоминание о Божественной любви и призыв утешаться тем, что Иисус никогда нас не покинет, порой помогает не больше, чем раздача рецепта приготовления пищи голодным людям, стоящим у раздаточного окна.⁴

Едва ли это можно назвать первоклассной рекомендацией нашего Господа как помощника в кризисных ситуациях. Нет здесь и выражения веры в Его обетования.

Конечно, есть такие христиане, которые просто указывают израненным людям на Христа, не проявляя и тени сострадания и участия. Но, с другой стороны, когда трудные обстоятельства угрожают сломить нас, Писание призывает нас управлять сердца наши «в любовь Божию и терпение Христово» (см. 2 Фес. 3,5).

«Народ! надейтесь на Него во всякое время,— призывает псалмопевец,— изливайте пред Ним сердце ваше: Бог нам прибежище» (Пс. 61,9). Если Бог хочет, чтобы мы так поступали, то почему такое увещание должно нас унижить или оказаться несостоятельным,

чтобы ободрить нас? Почему оно должно оказаться неподходящим, чтобы удовлетворить наши непосредственные потребности? Почему вместо этого мы должны искать облегчения в безудержной жалости к самим себе или в каких-то других человеческих методах?

Ты – мой друг и брат во Христе. Но признаком настоящей дружбы является и то, чтобы я прежде всего был верен Господу Иисусу и послушен Его Слову и тебя призывал к тому же. Ты стоишь на опасном основании. Одно высказывание Джона Буньяна лучше всего характеризует мою точку зрения: «Христос, и только Христос, – писал он, – может сделать нас способными радоваться в Боге; Он дарует нам жизнь и радость во веки веков».⁵ Поистине глубокое и яркое свидетельство достаточности Господа славы. Господь славы – какой возвышенный титул! И какие обетования связаны с этим титулом!

Слова Джона Буньяна потому так нравятся мне, что я научился любить Писание. А люблю я его потому, что люблю Господа, Автора Писания. Он Тот, Кто творит всё. Лишь Он должен руководить моей жизнью посредством Своего Слова, содействуя мне Своим Духом. «Довольно для тебя благодати Моей, – сказал Он мне, – ибо сила Моя совершается в немощи» (2 Кор. 12,9). Я верю в это. Я испытал это.

Тем не менее я не претендую на духовное превосходство. Ведь я не верю в моего Господа и не люблю Его так, как Он того заслуживает. К своему большому стыду, я должен признаться, что слишком часто отвращался от Него ради какого-то глупого греха. Кажется, Джон Весли сказал, что вся жизнь христианина состоит из тайны и благодати. Иисус верен – и это в конечном итоге самое главное. Несмотря на все мои большие и малые согрешения, Его любовь никогда не перестает возгревать мою любовь. Это чудо Его благодати. «Христос в вас, упование славы», – писал Павел (Кол. 1,27). Именно поэтому мы можем испытывать «неизреченную и преславную радость».

Как могу я сомневаться в Его Слове, которое Он оставил для меня, чтобы приводить в порядок все аспекты моей жизни? Как могу я ограничивать область действия силы Его Слова, если это Его сила? Как могу я отвергать достаточность моего Царя, Который обещает мне, что, начав во мне доброе дело, Он и совершит его (Фил. 1,6)? Если же я буду лелеять в своей жизни грех и он будет господствовать надо мной, то разве я отважусь сказать, что

грех слишком силен, а мой Господь слишком слаб? Нет, Писание истинно, но я должен признать, что всё дело в том, что я слишком мало люблю Господа и слишком сильно люблю свой грех (хотя и стараюсь прикрыть свое идолослужение тысячью лживых масок).

Дело не в том, что я лишь потому увяз по пояс в болоте греха, что, как утверждают, слишком мало ценю себя. Напротив, причина скорее в том, что я слишком высокого мнения о себе. (У сатаны не было недостатка в самоуважении, когда он восстал против верховенства Божьего.) И конечно же, я не осмелюсь сказать, что всё дело в том, что в каком-то искусно скрытом архиве моего сердца я накопил травмы и разочарования, которые заставляют меня удовлетворять свои глубочайшие желания извращенным и бунтарским образом. Есть ли более распознаваемый самообман, чем этот? Позволь повторить мое исповедание, чтобы быть верным Писанию: существует лишь одна конкретная и постыдная причина моей греховности – я оспариваю у моего Царя присущий Ему суверенитет и пренебрегаю Его величием.

Мой друг, возникшая между нами пропасть всё более увеличивается! В каком тяжелом положении ты оказался! С одной стороны, ты не веришь в достаточность Писания, но при этом не имеешь в себе мужества полностью отказаться от него. С другой стороны, ты признаешь мудрость гуманизма, который отвергаешь в качестве мировоззрения, но признаешь именно в той области, где должен бы отказаться от нее. И как трагично, что ты даже не сознаешь размеры такого компромисса!

Множество евангельских христиан нашего века как будто обезумели: они жертвуют авторитетом и достаточностью Писания в угоду идолам модернизма. Одну часть получает устаревшая эволюционная «наука», которая сегодня стоит перед нами в своем изношенном старомодном платье. Другую часть они жертвуют современному рациональному мышлению общества, опасаясь, чтобы учением о неограниченном суверенитете Бога не задеть его либеральной чувствительности. Не уступят ли они наследию Зигмунда Фрейда также и мудрость, и силу креста? Избави Бог! И все же трудно отделаться от впечатления, что многие к этому готовы.

Ввиду такого развития событий возникает вопрос: сколько еще церковь будет верить в авторитет Библии и призывать к тому, чтобы последователи Иисуса безоговорочно доверяли ей? Пять лет? Десять? А может быть, это уже в прошлом?

После того как американская интеллигенция признала дар-

винизм, за какие-то двадцать пять лет практически каждая крупная семинария капитулировала перед либерализмом. Безошибочное Божье откровение? Невозможно! Непорочное зачатие? Да что вы! Божество Иисуса Христа? Попытка ранней церкви конкурировать с язычеством! Искупительная жертва? Как жестоко и примитивно! Как можем мы верить в такого варварского Бога?

В ногу с «новыми истинами» своего времени эти мужи учили нас, что необходимо согласовать христианство с надежными результатами современной «науки». И чтобы избежать многих неприятностей, значительная часть американских церквей позаботилась о таком христианстве. Сорок лет спустя Х. Ричард Нибур вынужден был написать, что либеральное христианство свелось «к вере в Бога без гнева, Который с помощью Христа без креста приведет человека без греха в Царство без суда».⁶

Эти люди верили, что «всякая истина – это Божественная истина». Сегодня, с приходом «христианской» психологии, которая смешана с гуманизмом и покоится на том же принципе, я предвижу подобное вторжение в среду евангельских общин. Правда, в данный момент я сомневаюсь, что ты согласишься со мной. Поэтому прочти эту книгу, в которой я покажу тебе, как далеко уже завела нас «христианская» психология.

Примечания

1. «Христианская» психология – неверный термин. Есть христиане с психологическим образованием, но нет такого предмета, который можно бы назвать христианской психологией в противоположность, так сказать, светской психологии. Тем не менее в кругах евангельских христиан понятие «христианская» психология широко употребляется и формирует представление, что фактически такая отрасль науки существует. Слово «христианская» я заключил в кавычки, этим подчеркивая, что неверно говорить о «христианской» психологии, как будто она представляет собой нечто существенно отличающееся от гуманистической психологии.
2. Я хочу привести здесь некоторые слова-заменители. Наиболее используемым является слово «болезнь». Оно употреб-

ляется вместо слов, указывающих на греховную природу человека и его привязанность к какому-то пороку. Другое слово-заменитель – «зависимость». Люди уже не порочны, они уже не предаются распутству и не делают всякую нечистоту с ненасытностью, как об этом сказано в Ефесеям 4,19. Нет, теперь они зависимы (этим словом выражается как трагизм, так и беспомощность). И если в связи со своей зависимостью они лгут, то это не настоящая ложь. Ведь они находятся в своеобразной стадии болезни. Автор одной из книг захотел заменить слово «идолопоклонство» словом «зависимость». Он был убежден, что это одно и то же. Другой психолог постоянно описывает греховную природу человека как его «самоуправляемый инстинкт». Слово «неблагополучный» служит заменой слова «грешник». В наши дни люди живут в «неблагополучных семьях» и вследствие этого «неблагополучны» сами.

Слово «самовыражение» приравнили к слову «освящение», и Христос – это, по-видимому, личность, которая за всю историю человечества самовыразилась наиболее полно. Словом «перепрограммировать» объясняют то, что Библия называет «обновлением ума» (Рим. 12,2). Люди, стремящиеся использовать других людей и господствовать над ними, уже не считаются эгоистами. Они скорее страдают особого рода «зависимостью».

И этот перечень можно продолжать. Один Бог знает, где он заканчивается. Порой у меня создается впечатление, что мы впали в безнадежную глупость. Во всяком случае, ясно одно: мы не готовы использовать библейские выражения, когда говорим о нас и о нашем мире. Нам уже не подходит лексика, которая на сто процентов обвиняет нас. После того, как один из преподавателей библейской школы заявил, что охотнее всего прыгнул бы с библейского трамплина в собственную жизнь, Мэри Анн Белл в одном из комментариев в журнале «Мир» подняла вопрос:

Должны ли мы сделать из этого вывод, что посредничество вдохновенного Автора менее полезно для утешения, чем вся болтовня 20-го века? (Mary Ann Bell, *World*, March 24, 1990, p. 19).

Многие христиане, которые увлеклись философией, видимо, полагают, что нашли истину. Язык Библии не подходит наше-

му патологически растленному обществу. Он не дает нам права на вседозволенность и не позволяет поговорить о травмах и разочарованиях, которые испытывает наша беззащитная душа. Такие понятия, как «болезнь», «расстройство» и «жертва», гораздо приятнее. Госпожа Белл заканчивает свой комментарий словами:

Культура, которая для всего находит новые определения: болезнь для греха, отрицание для лжи и т.д., создает новые нравственные ценности. Вопрос только в том, готовы ли мы жить с тем, что из этого выйдет?

Нам тоже необходимо задать этот вопрос. Будут ли эти новые нравственные ценности все еще библейскими?

3. Ганс Христиан Андерсен, *Новое платье короля* (New York: Random House, 1971).
4. Larry Crabb, *Inside Out* (Colorado Springs: NavPress 1988), p. 194.
5. John Bunyan, compiled by Roger C. Palms, *Upon a Penny Loaf* (Minneapolis: Bethany Fellowship, Inc., 1978), p. 16.
6. Sidney E. Alhstrom, *A Religious History of the American People* (New Haven: Yale University Press, 1972), p. 784.

1

Полное удовлетворение во Христе?

«Мы встретили врага, и этот враг – мы». Бессмертная фраза из уст Пого Поссума, героя комиксов. Фраза, которая может вызвать на наших лицах мимолетную кривую улыбку понимания. Да, часто, слишком часто не наше окружение, не наше прошлое, не другие люди или что бы то ни было, а мы сами бываем своими собственными и притом злейшими врагами. По сути, иной раз приходится лишь удивляться, с какой решимостью, с какой гордостью человеческие существа сообща и в одиночку занимаются саморазрушением. С трудом созданное мы разрушаем как бы играючи, одним ударом – брак, карьеру, нравственность. Список удручает. Мы, так сказать, преднамеренно разбиваем себе пальцы молотком своего упрямства.

Даже самые лучшие намерения не предохраняют нас от причинения вреда самим себе. «Дорога в ад, – гласит пословица, – вымощена благими намерениями». Так оно и есть. Это подтверждают даже небольшие переживания нашей повседневной жизни. Возможно, мы, люди оптимистического века, ориентированного на позитивное мышление и самоуважение, как-то изворачиваемся ввиду такой пессимистической самооценки. Но кто из нас не будет вынужден признать, что с мудростью Пого мы знакомы не понаслышке?

Даже верующие – не исключение. Конечно, мы боремся не (только) с плотью и кровью, и верно то, что против нас выступают могущественные и злые силы, однако же мы не можем свали-

вать на них вину за нашу несостоятельность. Нет, как практика жизни, так и Писание подтверждают непреложную истину: мы встретили врага, и этот враг – мы сами. Разрушаются церкви, разваливаются семьи, благочестивые христиане покрыты рубцами от ран, нас преследуют постыдные воспоминания, имя Господа в поношении и крест в пренебрежении. И все это потому, что верующие предпочитают быть сами себе злейшими врагами. К этому их побуждают гордость и эгоизм, а порой хотя и добрые, но ошибочные намерения, которые никак не осуществимы в этом падшем мире.

Задолго до того, как Пого научил нас своей мудрости, ее знал Джон Буньян, который писал:

Я знал, что от всего сердца люблю Христа. О, моя душа привязалась к Нему, мое сердце льнуло к Нему. Моя любовь к Нему жгла меня как огонь. Однако скоро я понял, что моя великая любовь была слишком маленькой, и я, думавший, что горю любовью ко Христу, мог променять Его на что-то совершенно ничтожное.¹

Опасное соединение

Слова Пого врезались мне в сознание совсем недавно. Я пришел к убеждению (и в процессе написания этой книги оно только окрепло), что евангельское общество стоит перед серьезной проблемой. Конечно, снаружи фасад выглядит прочным. Разве не Слово Божье является нашей движущей силой? Разве мы не народ, верящий в Библию? Однако за этим фасадом началось разложение. Некоторая пресыщенность Писанием поколебала его авторитет. Наша вера становится всё более и более обычным делом. Сила Христа и Его личность превращаются в чистую абстракцию.

И этот процесс в евангельских кругах укрепляют и ускоряют две тенденции. Первая – то восхищение, какое вызывает у церкви светская культура. (Можно уже говорить почти о рабстве.) О чем бы ни шла речь, – о языке, об одежде, о музыке, об амбициях, о желаниях или потребностях, о целях, о моральных ценностях – слишком часто верующие едва отличаются во всем этом от неверующих. Вместо того чтобы ориентироваться на Христа и Его крест, мы беспрерывно заняты самими собою, своими проблемами, сво-

ими правами и ценностями. И уникальность Евангелия, и его цельность – всё приносится в жертву. И цена, которую мы платим, высока. Однажды Дж. Пакер составил следующую смету расходов: «Хотя мы и отвергаем учение секулярного гуманизма, однако живем его системой ценностей и страдаем его симптомами».² Пакер сказал это несколько лет назад, но кто отважится утверждать, что с того времени положение улучшилось? Создается впечатление, что наше поколение уже не знает или не желает знать, как сохранять себя от заблуждения.

Подобная готовность к компромиссам привела многих христиан к жизни, исполненной безнадежности и позора, самобичевания и огромной вины, греховных привычек и привязанности к плотским страстям. Многие христиане ничего не знают о новом творении, о победе, радости и хвале. А почему? Потому что живой Христос с Его преизбыточной благодатью не стал для них действительностью.

Как это ни плохо, всё же это еще не самое худшее. Мы не только согласились с ценностями гуманизма, не только страдаем его симптомами, но пошли еще дальше. Чтобы понять страдания человеческой души, мы сверх всего прочего переняли диагностику гуманизма и усердно принялись применять прописанные им методы лечения. Это вторая опасная тенденция, и она нигде не выступает более отчетливо, чем в предпосылках и методике «христианской» психологии.

Наблюдающийся в последнее десятилетие поворот евангельских церквей к психологии – это огромная трагедия. Слова «сфера знания» гипнотизируют церковь! Сегодня самые любимые книги, кассеты, радиопередачи и телевизионные программы те, авторство которых принадлежит христианским психологам. В их клиниках теснятся озабоченные и разочарованные верующие. Их семинары хорошо посещаются, их видеокассеты пользуются огромной популярностью и демонстрируются в бесчисленных церквях Америки.

Почему же так много христиан подружилось с «христианской» психологией? Одни рады тому, что таким образом могут уклониться от послушания вере. Другие находятся в неведении или запуганы. Третьи, как весьма образованные, считают недопустимым для себя «просто доверяться Христу». Есть и такие христиане, которые не воспринимают верой реальность силы Христа. Они отчаянно стараются сбросить с себя цепи греха и в конце концов готовы испытать любой метод, обещающий им свободу.

Если бы меня спросили, кто в настоящее время пользуется наибольшим влиянием в среде евангельских христиан, я был бы вынужден указать на христианских психологов, но сразу бы добавил: «Это беспрецедентная катастрофа как для церкви, так и для Писания, на котором основывается авторитет церкви».

И это не просто сильное выражение; это своего рода судебный приговор. Однако я сознательно выбираю слова. Цель этой книги – показать, почему мое утверждение соответствует действительности.

Хотя «христианская» психология утверждает, что приводит «познанные» (т.е. научные) истины в соответствие с истиной Писания, на самом деле никакого соответствия не получается. Да оно практически и невозможно. «Христианская» психология устраняет историко-грамматический метод толкования Писания и заменяет его герменевтикой, основанной на извращенных понятиях.

Такая герменевтика не считает человека грешником; она скорее считает его жертвой, у которой чувство неудовлетворенности и неполноценности вызвано собственной уязвимостью. Это состояние приводит к развитию расстройства в поведении и делает человека инвалидом. Согласно такому подходу, **существенная проблема человека заключается в его неосведомленности о себе самом и о своих психических расстройствах, а не в его незнании живого и истинного Бога и преднамеренном отказе быть послушным Ему.** Первостепенная потребность человека – превыше всего ценить самого себя, а не умереть для своего «я» и верою во Христа начать жить для Бога (Рим. 6,8–14).

Таким образом, «христианская» психология основывает свою методику на заимствованных у гуманистической психологии предпосылках. Она прямо говорит о человеке как о жертве, а не о грешнике. Отсюда вытекают сомнения в библейском учении об абсолютной вине человека, о значении Духа Святого в деле освящения верующего и особенно об авторитете и достаточности Писания для жизни верующих. Поскольку «христианская» психология представляет извращенное понимание человека, она принимает радикальное перетолкование Евангелия, что несет ошеломляющие последствия для христианства.

Не менее удивительно, с какой готовностью и как некритично воспринимают евангельские общины такую «христианскую» психологию. Редко где раздается слабый голос протеста. Еще больше удивляет меня тот факт, что «христианская» психология, ни-

чуть не смущаясь, то прямо, то косвенно бросает упрёки в адрес церкви. Она говорит об отсутствии у них отзывчивости и их неспособности надлежащим образом удовлетворять реальные потребности своих членов. Она не боится нападать и на тех, кто в своей душепопечительской работе с поработанными грехом людьми основывается только на Писании.³

Невозможный душевный мир

Не так давно я слышал на одной лекции: «Писания просто недостаточно для решения всех проблем человека. К примеру, оно не дает мне соответствующего совета в случае анорексии (потери аппетита)». Лектор был настолько уверен в правильности своего аргумента, что считал все возражения просто излишними.

«Да, это так», — подумал я. Но ведь Писание так же мало говорит мне, какой совет я должен дать лжецу, или блуднице, или какому-либо другому грешнику. Я просто начну с проблемы его самообожествления, поставлю его перед крестом и призову к покаянию. Я знаю, что это звучит несовременно, ненаучно, а также не очень дифференцированно. К сожалению, я ничего не возразил лектору, хотя и был уверен, что он неправ.

Однако как мне хотелось через несколько дней, чтобы этот лектор вместе со мной мог бы послушать свидетельство одной молодой женщины, которая лечилась от булемии (повышенного чувства голода). Прежде, чем ее нашел Христос, она обращалась за консультацией к психологу и присоединилась к группе самопомощи, но без какого бы то ни было успеха. Затем она стала христианкой, но вначале продолжала вести греховный образ жизни. Снова она пошла к психологам и в группу самопомощи, только теперь это были христиане. И снова всё было напрасно. Наконец она рассказала о своем до того скрываемом образе жизни своему жениху. К ее удивлению, он обратил ее внимание на Слово Божье, познакомил с его заповедями и обетованиями и указал на ее ответственность перед Богом. В этот момент, с радостью заявила она, ее булемия прекратилась и никогда больше не возвращалась.

О, что это значит для всех тех, кто просто верует! Любовь Божья способна творить удивительные и чудесные вещи. Даже сегодня! Это действительно так, Он разрывает цепи греха и творит всё новое.

Однако я почему-то допускаю, что многие не порадуются свидетельству этой молодой женщины. Я представляю, что они, чего доброго, скажут, что она наложила на свои проблемы своего рода временную повязку или просто закрывает глаза на свою неудовлетворенность и скрывает боль, которую определенно чувствует.

Почему чудесная реальность Святого Духа, Который неумолимо ходатайствует за нас, Который направляет Божественную благодать и силу на решение непосредственных потребностей и конфликтов верующего и обеспечивает ему победу, так чужда «христианской» психологии? Почему так недостает Его в ее советах? Наверное, потому, что Дух Святой не дает заключить Себя в рамки какого бы то ни было метода (что необходимо в психологии) и вследствие этого Его просто игнорируют или дискредитируют.

«Мы встретили врага, и этот враг – мы сами». Я твердо убежден: если в наш век снова и снова будут повторяться нападки на достаточность и авторитет Христа, то церкви придется бороться, пожалуй, с самыми опасными сомнениями, вносимыми в нее «христианской» психологией. Сто лет назад Чарлз Сперджен писал: «Богодуховенность и умозрения не могут мирно сосуществовать длительное время».⁴ То же самое сегодня можно сказать об умозрениях психологии.

Писание нельзя бесконечно мять, вымешивать и, как тесто, втискивать то в одну, то в другую форму, чтобы сделать его подходящим для той формы, какая в данный момент желательна психологии. Невозможно всю жизнь игнорировать противоречия. Если мы все же делаем это, то разрушается сама основа библейского христианства и крест Христа лишается своей силы. Писание просто не может согласиться с той философией, из которой психология черпает свои силы. То, что по своей сути антихристианское, нельзя сделать христианским, какими бы христианами ни были его приверженцы. Предпосылки психологии и соответствующие им методы, по сути, ставят под вопрос преобразующую жизнь силу креста, авторитет Писания и ту полноту во Христе, какой обладает верующий. Другими словами, здесь замахиваются на славу Христа.

Хотя философия успела глубоко проникнуть в христианское мышление, раньше церковь не была готова противостоять этому. Можем ли мы и дальше терпеть такое положение? Я думаю, нет. Если церковь немедленно не подвергнет «христианскую» психологию тщательному испытанию, то она сильно рискует попасть в сети современного лжеучения.

Сегодня в опасности основополагающие христианские истины, которые ни в коем случае нельзя обойти или изменить ни ради единства, ни ради похвального намерения «вылечить» израненного человека. При этом речь прежде всего идет о достаточности Иисуса Христа. Под влиянием «христианской» психологии сомнению подвергается даже элементарная истина, что благодать нашего Господа в состоянии сломить власть греха. Сколько еще можно отрицать тот факт, что речь идет о вопросе чрезвычайной важности?

Цель книги

Большинство пользующихся психологией душепопечителей делают это с самыми лучшими намерениями. Однако мы живем в культурной среде, которая совершает моральное самоубийство, и в обществе, где многие тысячи отчаявшихся и несчастных людей явно не в состоянии противостоять злым и разрушительным страстям. И трагедия состоит в том, что положение в евангельских общинах почти такое же, как и в обществе в целом. В таких обстоятельствах хорошо и похвально протянуть несчастным руку христианского сострадания.

Но если намерения «христианской» психологии и заслуживают признания, этого нельзя сказать о ее методике и предпосылках. Искренняя вера человека или его продиктованные состраданием намерения не дают ему права подрывать истину об авторитете и достаточности Иисуса Христа, явленных в Божьем Слове и открытых нам посредством Духа Святого. Поэтому евангельские церкви стоят перед проблемой гораздо более серьезной, чем недостаток интуиции в отношении якобы вызванных посредством виктимизации проблем в поведении человека.

Позволю себе отметить, что для меня речь идет не о конкретных личностях и не об индивидуальном характере или вере кого-либо из христиан. У меня нет намерения кого-то «добить». В этой книге речь идет о философии и методах. Я выступаю против специфической практики и того, как обращаются с истинами Писания. Если я цитирую и критикую какого-либо автора, то не нужно считать это нападками на личность. Я вынужден приводить примеры и иллюстрации, чтобы правильно осветить исследуемую тему. При этом приходится излагать мнения и методы, принятые и практикуемые «христианской» психологией.

Однако эту книгу ни в коем случае нельзя назвать нейтральной. Чем больше я вникаю в этот вопрос, тем больше во мне крепнет убеждение, что «христианская» психология умаляет славу нашего Господа, подрывает Его авторитет и достаточность и представляет собой явную угрозу библейскому христианству. Как я могу оставаться нейтральным, имея такое убеждение?

По сути, я намерен снова возвеличить славу нашего Господа Иисуса Христа и Его Слова. Они неотделимы друг от друга. И христианство, не основанное единственно на этом фундаменте, не может быть истинным христианством.

Я молюсь о том, чтобы при чтении этой книги в сердцах многих христиан снова воспламенилась живая и победная вера в Божественные обетования, изложенные в Его Слове. Если Бог обещает мне Свою помощь в периоды искушений (1 Кор. 10,13), если Христос говорит мне, что Его силы достаточно для того, чтобы я смог перенести любое испытание и выйти из него победителем (2 Кор. 12,7–10), то разве я не обязан отнестись к Его словам с полным доверием? Или я должен верить тем, которые говорят мне, что не всегда можно полагаться на Его обетования, что без содействия «христианской» психологии они недействительны?

Принимая методику психологии и становясь зависимыми от нее, многие христиане, возможно, сами того не осознавая, близки к отрицанию великих и драгоценных Божественных обетований. Каким бы доброжелательным и способным оказать помощь ни казался метод психологии, все же, накладывая кандалы человеческой интерпретации на обетования Божьи, мы тем самым отказываем Христу в подобающей Ему славе, а себя лишаем Его близости. И сегодня многие, к своему огромному вреду, поступают именно так.

Истина же состоит в том, что Слово Божье и сегодня имеет в виду то, что имело в виду всегда. Автор Послания к Евреям выражает это так:

Посему и Бог, желая преимущественнее показать наследникам обетования непреложность Своей воли, употребил в посредство клятву, дабы в двух непреложных вещах, в которых невозможно Богу солгать, твердое утешение имели мы, прибегшие взяться за предлежащую надежду, которая для души есть как бы якорь безопасный и крепкий, и входит во внутреннейшее за завесу, куда предтечею за нас вошел Иисус, сделавшись Первосвященником навек по чину Мелхиседека (6,17–20).

Иисус Христос не просто какой-то священник; Он мой Священник, Который предстоит за меня перед моим Отцом. Да, я хочу хвалиться этим. Бог не может обмануть. Без всякого сомнения или какого-либо добавления я могу доверять Его обетованиям. Здесь нет места утверждению: «Но ведь тебе нужно нечто большее!» Иисус в состоянии освободить от оков греха каждого, кто попросит Его; и Он делает это. Он делает это теперь!

В высшей степени печально, что кто-то из верующих может сомневаться в этой истине Писания. Даже делая это непреднамеренно, он бросает тень на чудную благодать Христову. Такие действия не следует игнорировать. Нельзя допускать, чтобы этот процесс продолжал развиваться, делая вид, что Тело Христово находится в полном благополучии, несмотря ни на что.

Примечания

1. John Bunyan, compiled by Roger C. Palms, *Upon a Penny Loaf* (Minneapolis: Bethany Fellowship, Inc., 1978), p. 133.
2. J.I. Packer, «Decadence a la Mode», *Christianity Today* (October 2, 1987), p. 13.
3. Если кому-то это утверждение покажется сомнительным, то я хотел бы попросить его обратить внимание на следующее событие. Ответственный за душепопечительскую работу пастор одной большой церкви подпал под сильное влияние учения и методов одного из известных «христианских» психологов и сам обучался этим методам, после чего в своей душепопечительской работе с людьми считал недостаточным использовать только Слово Божье. Это обстоятельство обеспокоило пожилого пастора этой церкви. Он изучил труды того психолога и пришел к твердому убеждению, что его учение не соответствует Писанию и даже подрывает веру в достаточность Писания для преодоления греха. Он побеседовал со своим молодым братом. Но что из этого вышло? Послушаем рассказ пожилого пастора.

Я вынес этот вопрос на рассмотрение коллектива своих сотрудников (десять человек), нашего церковного совета и, наконец, всей церкви. Результаты были ужасающими.

Один молодой служитель сказал мне, что никто из членов совета или из числа моих сотрудников не способен помочь людям, которые, находясь под бременем грехов, нуждаются в полезном совете, поэтому им нужно обучиться методике того психолога. Недостаточно быть зрелым, богобоязненным, основывающимся на Писании христианином. Один из членов совета, который работал вместе с молодым пастором, заявил мне с глазу на глаз, что моя проблема заключается не столько в психологии и ее теологии, сколько в грехе, который сокрыт в глубине моей души. Сам я этого не сознаю, но он готов помочь мне убрать те защитные слои, за которыми скрывается этот грех. Такие же мысли он высказал и на одном из заседаний совета. Однако совет потребовал от него взять назад свои беспочвенные подозрения и извиниться передо мной или уйти в отставку. Он предпочел уйти в отставку.

Несмотря на это, последствия учения этого психолога были печальными для церкви. Вскоре речь уже шла не о теологических вопросах, а о личностях. Тот, кто выступал против психолога и его методики, обвинялся в бессердечности и равнодушии. Кто высказывал мнение, что для победы над грехом достаточно Писания, тот считался поверхностным и неспособным помочь ближнему.

И это не единственный случай. Подобное происходит во многих церквях. Есть немало доказательств тому, что тысячи христиан больше верят словам психолога, чем Слову Божьему.

4. Iain Murray, *The Forgotten Spurgeon* (London: The Banner of Truth Trust, 1973), p. 143.

2

Поговорим о грехе

Я думаю, что в жизни многих верующих бывает такой момент, когда Дух Святой ставит их перед конкретной библейской истиной: «...все согрешили и лишены славы Божией» (Рим. 3,23). Сознавая свое ничтожество и непостижимую славу Божью, они в сокрушении падают ниц перед Богом. Но это не всё. Им также нужно познать всю глубину, и широту, и долготу незаслуженного ими Божественного милосердия и благодати, явленной в Иисусе Христе. Это познание настолько величественно, что они, пав на колени, поклоняются Богу и в глубоком смирении, искренне прославляют и благодарят Его. В этот момент, находясь по эту сторону вечности, они со всей полнотой и ясностью постигают Бога, Которому поклоняются.

Я пережил такое много лет назад. Это было единственное в моем роде, ни с чем не сравнимое переживание. Оно настигло меня так внезапно, что я просто был не в состоянии охватить это разумом. Я как раз читал Псалом 77, когда Дух Святой на примере истории Израиля совершенно неожиданно, как в зеркале, показал мне мое собственное отражение и открыл, что и я грешил против благодати и долготерпения моего Бога, снова и снова злоупотребляя Его отцовским милосердием. Так же внезапно, как я осознал свое вероломство, передо мной предстало и чудо Его прощения и благодати. Филипп Блисс хорошо выразил это в стихе:

Мы виновны, грешны мы.

Божий Агнец в мир пришел,
Искупление совершил.
Аллилуйя! Я спасен!¹

Этим глубоко личным и жизненно важным для меня переживанием я делюсь по вполне определенной причине. Я хочу, чтобы мы сконцентрировались на одной-единственной теме: грех и грешник. Это не будет легким и приятным делом. Даже верующим, осознающим свое полное прощение во Христе, будет тяжело выслушать, что говорит об этом Писание. И все же сегодня, как никогда, необходимо слушать то, что говорит Писание. Ведь особенно там, где речь идет о правильном понимании греха и нашем отношении к нему, «христианская» психология ставит под вопрос авторитет и достаточность Слова Божьего.

Насколько широко распространяется влияние «христианской» психологии в евангельских общинах, настолько она влияет и на наше представление о грехе. Она заменяет библейскую концепцию о греховности человека психологической концепцией: человек – это жертва. В то время как Библия ясно подчеркивает, что грех вменяется человеку в вину, «христианская» психология утверждает, что без ее помощи человек неспособен освободиться от своих греховных поступков.

Я часто спрашиваю себя: смогла бы наша современная церковь вынести проповедь Джонатана Эдварда «Грешник в руках разгневанного Бога»? Наше «я» не получает для себя слишком много ободрения, когда ему указывают на то, как грешен грех и как ужасно состояние грешника в руках святого и разгневанного Бога, Который ненавидит как нечестие, так и нечестивого (Пс. 10,5–6).

Необходимо коренным образом изменить наше отношение к греху. Проповедь Эдварда может помочь нам в этом. Правда, более действенную помощь мог бы оказать классический труд Джозефа Аллайна: «Сигнал тревоги для необращенного грешника». Каким неприятным чтением может стать эта книга! Когда я впервые читал ее, я несколько раз вынужден был откладывать ее в сторону на несколько дней, прежде чем мог продолжать чтение. Автор, не колеблясь, показывает нам на основании Писания, какое ужасное действие оказывает грех на человека и в каком ужасном и плачевном состоянии находится грешник без Христа. Зло и мятеж настолько переполняют его, что, как представляется автору, всё творение отвернулось бы от него, если бы Бог допустил это. Аллайн так писал неспасенным:

Если бы неодушевленные творения могли говорить, твоя пища сказала бы: «Господь, неужели я должна питать такого злодея, как этот, подкреплять его силы, чтобы он бесчестил Тебя?» Даже воздух сказал бы: «Господь, неужели я должен обеспечить этому человеку возможность дышать, чтобы он открывал свои уста против неба и поносил Твой народ, чтобы он давал волю своей гордыне, гневу и грязному языку, извергая из себя проклятия и богохульство?» Его бедная лошадь сказала бы: «Господь, неужели я должна носить его на его злые дела?» Безбожный человек! Земля постоянно стонет под тобой, ад вздыхает о тебе, пока смерть не удовлетворит их. Так как Сам Господь против тебя, то будь уверен, что и всё творение восстало против тебя.²

К сожалению, сегодня лишь немногие пишут с такой убедительной силой. Нас захлестывает софистика. Сегодня нам настоятельно указывают на то, как изранены и разочарованы люди. Им нужно говорить о том, что Бог любит их и отождествляется с их болью. Один христианский психолог выражает это так: «Да, Иисус пришел, чтобы спасти грешника, но Он также пришел испытать, что значит быть разочарованным, чтобы потом сочувствовать нашей разочарованности».³

Такие высказывания показывают, что мы стали равнодушны к греху, и особенно к тому, как Бог относится к нашему греху. Мы превратили покаяние в нечто незначительное. К примеру, не так давно студенты евангелического колледжа принимали участие в опросе общественного мнения, проводимом институтом Гэллапа. На вопрос, порицают ли они добрые половые связи, сорок восемь процентов ответили: «Нет».⁴ Думаю, этим студентам не помешало бы прочитать «Сигнал тревоги» Аллаяна. Кстати, в опросе участвовали христиане. Теперь скажи мне: каким образом они пришли к таким убеждениям? Почему у них такое легкомысленное отношение к греху и к Богу? Кто-то связывает их поведение с ошибочным отношением к себе или с неосознанной реакцией на скрытую виктимизацию. Или я преувеличиваю? Позволь мне привести некоторые примеры, которые, возможно, убедят тебя.

У знакомого мне молодежного пастора был разведенный приятель, который стремился наладить свои отношения с Господом. Однажды этот приятель назначил встречу молодой даме, за спиной у которой было такое же прошлое, как и у него. В конце встречи, к его великому удивлению, она предложила ему провести с

ней ночь. Когда он спросил ее, как она, будучи христианкой, могла прийти к такой мысли, она ответила, что Бог возбудил в ней сексуальное желание, которое нуждается в удовлетворении. К его чести, он отверг ее предложение и больше с ней не встречался. Я уверен, что ей необходимо прочитать «Сигнал тревоги», так как я беспокоюсь за нее.

Одной не менее распушенной молодой женщине христианский психолог рекомендовал виктимизационную консультацию. Она утверждала, что является христианкой, но призналась, что почти после каждой встречи с мужчиной разделяет с ним постель. Психолог сразу же начал связывать ее поведение с ее родителями. Как она относилась к своей матери, к своему отцу? Она ответила, что мать она ненавидит, так как та пыталась господствовать над ней. С отцом она держалась на расстоянии, и между ними нет никаких тесных контактов.

«Видите, именно в этом заключается ваша проблема,— сказал ей психолог на основании своего мгновенного анализа.— Вы стараетесь отомстить своим родителям. Своим поведением вы говорите им, что их дочь такая, какая есть, потому что они ее так воспитали». После этого он посоветовал ей пройти курс лечения.

«О,— возразила она,— я уже провожу его около года».

«Вам потребуется гораздо больше года,— ответил психолог.— Лечение продлится два или три года». Также он рекомендовал ей найти такую церковь, где ее приняли бы и оказали помощь в этот трудный для нее период.

Во время беседы психолог ни разу не призвал эту женщину раскаться в грехе; он даже не сказал ей, что ее поведение заставляет думать, что она, скорее всего, еще не спасена (1 Кор. 6,9–10). Конечно, психолог не оправдывал ее поведение, но обращался с ней, как с жертвой, определенным образом реагирующей на виктимизацию. Думаю, что как психологу, так и молодой женщине было бы полезно прочитать «Сигнал тревоги».

Я все еще слышу вопрос одной женщины, муж который консультировался у психолога по поводу своего прелюбодеяния. Она пришла на консультацию, но лишь для того, чтобы с печалью отказаться от нее. «Меня мучает вопрос,— писала она,— во что мы сегодня превратили грех?»

Я мог бы привести еще множество примеров, чтобы доказать свою точку зрения. Среди евангельских христиан, кажется, основной проблемой является сексуальная распушенность, и при-

чиной этого чаще всего называют виктимизацию и отсутствие самоуважения. Один известный молодежный евангелист назвал это основной причиной сексуальной распушенности у подростков. Возможно. Однако некоторым девушкам, которые занимались у меня на библейских курсах, как и некоторым «христианским» парням, не мешало бы почитать «Сигнал тревоги». Эти парни уговаривали девушек «согласиться», так как Бог уже простил их. Они говорили так: «Ах, зачем лишать себя удовольствия, когда самоуважения так мало, а Божья благодать льется через край?» Один молодой человек напомнил своей подруге о том, что мы каждый день грешим. Вопрос лишь в том, на какой грех я решаюсь сегодня.

Не думаешь ли ты, что, когда речь идет о нашем понимании Божественной любви и евангельской вести о кресте, а также о нашей ответственности за свои грехи, что-то у нас в корне неверно? Я думаю, да. Не думаешь ли ты, что в этом отчасти виноваты постоянные разговоры о виктимизации, недостаточном самоуважении и наших «потребностях»? Я думаю, да.

Если ты сомневаешься в этом, обрати внимание на случай, который я нашел в рубрике комментатора Энн Ландерс. Одна молодая дама, которая подписала свое письмо словами: «Сломленная христианка из Калифорнии», присоединилась к группе холостых людей, раз в неделю собирающихся для изучения Библии. Там она подружилась с молодым человеком из церковного руководства. Знаки внимания с его стороны льстили ей, и когда их отношения стали ближе, она рассказала ему, что скоро получит большую сумму денег. Вскоре после этого молодой человек «открыл» ей, что Божья воля состоит в том, чтобы он женился на ней.

После того как в течение нескольких недель он усердно ухаживал за ней, они договорились о дате бракосочетания. Однако с этого момента ее жених начал командовать ею, так как якобы знал, что является для нее волей Божьей. «Я боялась противоречить ему», — пишет она. Странно, но в Божьей воле было и то, что он начал забирать у нее деньги, которые она обычно жертвовала в церковь. Ей пришлось содержать его, покупать ему одежду и даже приобрести дорогую машину.

Наконец пелена с ее глаз упала, но причиной этого стало не воздействие Слова Божьего, а его очередное «откровение», что Богу якобы не угодно ее намерение освоить профессию медсестры, хотя это было ее сердечным желанием. «Наконец я поняла, — признается эта молодая женщина, — что Божьей воли не было в

том, чтобы я содержала этого ленивого, потворствующего своим желаниям нахлебника». Манипулировать ею именем Бога было, как она пишет, «ужасно жестоко».

Пройдут годы, прежде чем мои душевные раны исцелятся, но, вероятно, я уже никогда не смогу доверять никакому пастору и никакой церкви. Я осталась без денег. В результате этого кошмара я вынуждена лечиться от депрессии. Я страдаю бессонницей, меня посещают мысли о самоубийстве.⁵

Эту молодую женщину использовали самым эгоистичным образом. Но обрати внимание: она ни разу даже не заикнулась о собственной ответственности! Хотя она называет себя христианкой, она даже не допускает мысли о своей вине. Ни одним словом она не предостерегает других верующих от горьких последствий непослушания Божьим заповедям, ни разу не вспоминает о необходимости собственного покаяния. Ведь она не грешница, а только жертва, обманутая, обиженная и исполненная жалости к себе самой.

Новое Евангелие

«Верно и всякого принятия достойно слово,— пишет апостол Павел,— что Христос Иисус пришел в мир спасти грешников, из которых я первый» (1 Тим. 1,15). Здесь в одном стихе изложена полная весть о кресте. Четыре Евангелия и двадцать три послания мастерски изложены в этих пятнадцати словах.

К сожалению, эта весть не достигла претендента на учебу в одном из христианских колледжей, который на вопрос, почему люди нуждаются в Христе, ответил следующим образом: «Люди нуждаются в Христе, чтобы обрести чувство самоуважения и личного достоинства». Можно ли допустить, что молодой человек пришел к такому выводу на основании изучения Библии? Где начинающему студенту сообщили такое странное учение о смерти и воскресении нашего Господа?

Возможно, здесь сказалось влияние кого-то из тех, кто похож на знакомого мне психолога. Этот молодой человек недавно закончил христианский колледж и в настоящее время работает консультантом в одном из миссионерских обществ. В своем письме

мне он говорит о насущнейшей нужде людей. Может быть, эта насущнейшая нужда заключается в том, чтобы люди читали Евангелие? Нет, суть нужды в том, что людям нужно иметь кого-то, кто выслушает их, кто поучаствует в боли и разочарованиях, наполняющих их жизнь.

Чего недостает в этом письме (и в других, полученных мною от этого человека), так это признания того факта, что боль и разочарование наполняют жизнь людей по одной причине: они любят грех. Ни в одном письме не упоминается о том, что если люди, слыша Евангелие, не покаются, они попадут в ад. Ни в одном письме он не просит меня молиться об их спасении. Я думаю, что этот молодой человек рожден свыше. Однако я обеспокоен тем, что он почти преднамеренно игнорирует слова «грех» и «грешник».

Возможно, я слишком строг по отношению к этому молодому психологу. Возможно, он, как новичок, испытывает влияние других. Я вспоминаю одного представителя клинической психологии, который как-то проповедовал в моей церкви. Он избегал кафедры, «чтобы устранить всякий искусственный барьер между нами». Он был симпатичен и полон участия к слушателям. Он подчеркивал, что жизнь многих людей наполняют боль, травмированность, одиночество и разочарования. Он говорил о том, как посредством любви Христовой верующие могут и должны достигать израненных людей.

Эта проповедь была действительно полна сострадания к людям. Но при всем своем сострадании он ни разу не упомянул о том, что люди являются погибшими грешниками, любящими тьму, и что именно грех отделяет их от любви Божьей и причиняет страдания их душе. Он ни разу не упомянул слово «грех». Ни разу не упомянул о важности слов, которые должны услышать грешники, что Иисус Христос умер на кресте за их грехи. Он ни разу не упомянул об их вечной участи, если они не уверуют в Евангелие. Кажется, что он сознательно избегал этих слов в своей проповеди.

Что-то в евангелических кругах выбилось из правильной колеи и развивается по своим собственным законам. Из-за того, что люди всё больше говорят о страдающих жертвах, мы всё меньше готовы говорить о них как о грешащих грешниках. И это особенно проявляется там, где «христианская» психология оказывает наиболее сильное влияние. Ниже маленький пример.

Одно христианское издательство рекламировало во влиятельном христианском журнале «Книгу дружбы», которая была при-

звана научить нас, как стать лучшим другом каждому. «Ты тот, кого другие рады приветствовать,— было написано в анонсе.— Эта книга об искусстве общения, надежде и основательных переменах в вашей жизни». (Неплохое обещание). В объявлении также содержалось высказывание о природе человека, которое меня глубоко потрясло, так как оно в корне противоречит Писанию. Там говорилось:

Нам должно быть ясно, что дружба не имеет ничего общего с сознанием вины. Вы по природе участливая, нежная, общительная личность. Это относится к каждому. Но где-то вы (как и все мы) научились чему-то другому, а именно: как избегать отношений с другими. Однако для вас есть хорошая новость: то, чему мы научились, можно забыть.⁶

Что ты думаешь об утешительных словах этой «хорошей новости»? Действительно ли ты «участливая, нежная, общительная личность»? Я нет. Разве твоя проблема состоит только в том, что, блуждая по жизни, ты «научился» **склонности** к неудовлетворительным отношениям? Моя основная проблема не в этом. Мою основную проблему наилучшим образом описывают другие слова:

Ибо и мы были некогда несмысленны, непокорны, заблудшие, были рабы похотей и различных удовольствий, жили в злобе и зависти, были гнусны, ненавидели друг друга (Тит. 3,3).

Относится ли это описание к человеку, который сам по себе «участливая, нежная, общительная личность», но просто то тут, то там нахватался нехороших привычек? Верит ли вообще «христианская» психология в учение Писания о греховной природе человека? Если да, то почему она постоянно говорит совершенно другое?

Так как «христианская» психология слишком концентрируется на человеке как на жертве с неудовлетворенными потребностями и искаженным самоуважением, многие христианские психологи предлагают людям евангелие, которое не указывает им на собственную вину и не вызывает отвращения к их греховности и никчемности (Рим. 3,12 и далее). Их евангелие состоит из симпатии и любви; там нет места гневу и суду Божьему. Это евангелие, крест которого не очень пугает нас; вместо этого оно вводит нас в Царство Божье через дружеское увещание. Их евангелие никогда глубоко не затрагивает нас, не вызывает отрицательных чувств

вестью о распятом Господе и не предостерегает нас о гневе Божьем, ожидающем нераскаявшихся грешников (Лк. 13,1–5).

Грешник в Писании

Людям очень хотелось бы, чтобы Писание занимало более тактичную позицию по отношению к их грехам. Но в действительности, описывая характер и сущность грешника, Библия не проявляет мягкость и не прибегает просто к снисходительной критике. Писание недвусмысленно утверждает, что человек от рождения своего заблуждается (Пс. 57,4) и что «помышление сердца человеческого – зло от юности его» (Быт. 8,21). Он сравнивается со взволнованным морем, «которое не может успокоиться и которого воды выбрасывают ил и грязь» (Ис. 57,20). Каждое его доброе дело – «как запачканная одежда» в очах Божьих (Ис. 64,6); его сердце лукаво «более всего и крайне испорчено» (Иер. 17,9).

Писание также говорит, что человек любит похвалиться своими мерзостями и преследует бедного (Пс. 9,23–26), что он любит свой грех, говорит ложь и замышляет злое (Пс. 35,3–5). Он не знает, что такое стыд (Иер. 6,15). Не правда ли, малопривлекательный портрет? И это только несколько примеров из Ветхого Завета.

На страницах Нового Завета мы находим портрет еще отвратительнее. Здесь человеческое сердце изображено как вместилище всякого рода зла (Мр. 7,21–23). Евангелие от Иоанна говорит о человеке как о рабе греха (8,34), отец которого диавол (8,44). Эти слова не позволяют допустить, что речь здесь идет просто о склонности к плохим привычкам.

Как говорит нам Послание к Римлянам, человек подавляет истину о Боге (1,18). Он заменяет истину Божью ложью (1,25), а славу Божью – самовосхвалением (1,22–23). Постыдные, нечистые сексуальные похоти не только наполняют его мысли – он их практикует (1:24,26). Как видим, человек предается извращениям (1,27), имеет превратный ум (1,28) и не хочет искать Бога (3,11). Он негоден (т.е. непригоден для Бога), обманщик, полон злословия и горечи и жесток. Результат его жизни – разрушение и пагуба (3,12–17).

Новый Завет нагромождает постыдные качества одно на другое, как бы намереваясь всех нас загнать в безнадежный тупик и вызвать в нас страх и отвращение к греху, чтобы, говоря словами Аллаина, «обвинять наше сердце во всех этих вещах, пока

оно не покраснеет от стыда и не отбросит всякое доброе мнение о себе».⁷

Писание говорит, что человек как по своему характеру, так и по образу мыслей – неумолимый и непримиримый противник своего Творца. И этот мятеж приводит его к нечестивому, постыдному и омерзительному образу жизни (см. 2 Тим. 3,2–5).

Это такой образ жизни, при котором грешный человек хулит Бога и насмехается над Его терпением и правосудием (Пс. 9:32,34). Это такой образ жизни, который возбуждает в глубине человеческого сердца неумолимое желание стать выше Бога (Ис. 14,12–14; Откр. 9,20–21). Это такой образ жизни, при котором человек сознательно решает, что не стоит стремиться к тому, чтобы познать Бога (Рим. 1,28). И это такой образ жизни, который вызывает в человеке ожесточение против Бога и стремление сбросить с себя всякую власть Бога. Грешный человек сознательно распинает Господа славы и насмехается над Ним, когда Он, полный любви, висит между небом и землею (Мр. 15,23–32). Он сознательно попирает Сына Божьего, не почитая за святыню единственную Кровь того единственного завета, который только и может сделать человека приемлемым для Бога (Евр. 10,29).

Таков библейский взгляд на человека, живущего без Христа. Невозможно спокойно смотреть на это зеркальное отражение нашего образа. Мы инстинктивно готовы отпрянуть, увидев столь неприкрытое разоблачение.

Конечно, не таким должен был быть человек согласно воле Божьей, когда Бог сотворил его. Он в отчаянном положении, над ним готов разразиться Божий гнев, он находится на пути к аду, не сознавая своей нищеты и нужды в спасении. Осознание этого факта должно постоянно занимать первое место в наших размышлениях, особенно принимая во внимание то, что «христианская» психология считает унизительным рассматривать человека с такой патологической перспективы, предпочитая говорить о человеке как о жертве.

Здесь мы стоим перед решающим вопросом: каково состояние сердца человека, разобшенного со Христом? Как характеризует его Дух Святой? Из этого мы должны исходить, это должно быть нашим мерилom до конца.

«Христианская» психология говорит о виктимизации; Бог говорит о непримиримой враждебности нечестивого человека по отношению к Богу. «Христианская» психология говорит о болез-

ненном разочаровании и травмированности человека; Бог говорит о развращенных грешниках. «Христианская» психология говорит о недостаточном самоуважении и любви к самому себе; Бог говорит о достойном презрения самообожествлении.

Иисус Христос пришел в мир спасти грешников, а не кого-то другого. Это единственное Евангелие, которое должно проповедовать. Иисус пришел в мир только для того, чтобы спасти грешников. Давайте же не будем замалчивать самое существенное. Мы не можем вести людей ко кресту, исходя из ложных причин или неверных понятий. Христос Иисус пришел в мир спасти грешников, из которых я первый. И этим сказано все!

Никто из нас не был принужден грешить против своей воли. Мы грешим не просто потому, что нас недостаточно любят, или не удовлетворяются наши потребности, или у нас низкая самооценка, или мы стали жертвой своих родителей, друзей или врагов. Мы грешим потому, что рождены грешниками и грех доставляет нам удовольствие, хотя последствия такого поведения для всех нас ужасны.

Я особо подчеркиваю только что сказанное, так как многие христиане, подпавшие под влияние психологии, подвержены опасности поверить, что «виктимизированное прошлое» человека больше ответственно за греховное поведение и удаленность от Бога, чем его порочное сердце. Поддавшийся такому влиянию хотя и соглашается с тем, что человек грешен и у него греховная природа, но оценивает и «лечит» поступки человека так, что это исповедание вызывает сомнение. Концепция виктимизации так глубоко укоренилась в образе мыслей «христианской» психологии, что изменила понимание евангельской вести о кресте.

Хочу пояснить это на одном примере. В книге «Лечение юношества от алкоголизма» христианский психолог Сара Хайнс Мартин, вопреки Писанию, объясняет, почему люди отвергают Христа и почему извинительно то, что они отворачиваются от проповеди Евангелия, не чувствуя за это никакой ответственности. Ее доводы, основанные только на виктимизации этих людей, радикальным образом изменяют наше понимание вины грешника перед крестом. Она пишет:

Недавно я слышала проповедь о том, почему люди отвергают Иисуса. Пастор, видимо, мало знал о существовании отцов, которые жестоко обращаются со своими детьми, и об их отношениях с детьми, страдающими от такого обра-

шения. Он упустил из виду одну важную причину: некоторые отцы передают детям такое отрицательное представление о Боге, что дети сопротивляются всякой попытке привести их к вере в Иисуса.⁸

Госпожа Мартин считает, что первоначальное представление о Боге, по крайней мере на уровне чувств, дети получают от своих земных отцов. Если это представление отрицательное, то такие дети, как она утверждает, отвергают Бога и Его Сына. Она соглашается с Вильямом де Артаго, которого называет «специалистом по лечению скрытых воспоминаний»:

У человека, испытавшего плохое обращение со стороны своего отца, нарушена способность иметь общение с Богом. Если у ребенка в раннем детстве сформировался отрицательный образ отца, то он просто не способен иметь правильное представление о Боге.⁹

Всё это может звучать весьма разумно, но абсолютно противоречит Писанию. В своем труде госпожа Мартин не приводит ни одной цитаты из Библии, подтверждающей ее тезис. Спрашивается, понимает ли она сама теологическое значение собственных высказываний?

Однако она сама по себе хорошо иллюстрирует существенный момент нашей дискуссии: постоянный анализ мира через призму виктимизации всё более и более отодвигает на задний план основанное на Писании утверждение о нашей греховности и необходимости креста. Чем больше виктимизация, тем меньше возникает нужда в кресте.

Давайте рассмотрим теорию госпожи Мартин в свете Библии. Исходя из такого места Писания, как Римлянам 8,6–8, разве можно допустить, что человек без Христа способен иметь позитивное, или «правильное», представление о Боге? (Согласно этим стихам, помышления невожрожденного человека суть вражда против Бога. Он не готов покориться Богу и не стремится угодить Ему.) Ответ однозначный: нет. Если бы мы могли собственными усилиями изменить наше понимание о Боге, то благодать уже не была бы благодатью.

Писание нигде не учит, что от нашего воспитания зависит, примем мы Христа или отвергнем. Апостол Иоанн говорит, что «люди более возлюбили тьму, нежели свет» (3,19). Согласно Титу 3,3, они живут в злобе и зависти, гнусны и ненавидят друг друга.

Эти стихи, а также пояснение Павла в Римлянам 8,6–8 показывают всю ошибочность и опасность высказываний госпожи Мартин. Не наше окружение делает Христа и Его дело желанным для нас, а Дух Святой (Ин. 16,7–11). Кто отказывается внимать Благой вести и веровать в нее, утверждая, что причина этого кроется в особенностях его воспитания, тот лжет. Ведь он поступает так потому, что всем сердцем ненавидит Бога, обожествляя себя самого.

В день Пятидесятницы Петр не начал излагать людям проект двенадцати шагов, чтобы помочь им преодолеть антипатию к Христу. Павел пошел в Коринф не с программой виктимизации. И тот, и другой проповедовали Иисуса Христа, и притом распятого. Они возвещали, что «Бог соделал Господом и Христом Сего Иисуса, Которого вы распяли» (Д. Ап. 2,36). Говорить же, что люди сознательно отвергают Христа, потому что воспитывались в неблагополучных семьях, где отец был «грешником» и не смог представить привлекательный образ Бога,— это не библейское христианство.

Как может кто-то верить, что по этой причине избежит суда? Разве мы не являемся «по природе чадами гнева» (Еф. 2,3)? Или человек хочет предстать перед престолом Божиим и упрекнуть Его в том, что Он дал ему такого земного отца, который помешал ему веровать в Бога и Его Сына? Нет ничего нового в том, что люди выискивают различные извинения, чтобы только уклониться от креста. Но если «христианская» психология оправдывает такие извинения, ссылаясь на виктимизацию, это в высшей степени тревожный симптом. Постоянные ссылки на виктимизацию мешают нам со всей серьезностью осознать собственную греховность, чего ожидает от нас Бог.

Следующая история подтверждает это. Предыдущий пример показал, как виктимизация вроде бы «законным» путем позволяет нам обойти крест; этот же пример поможет нам увидеть, что виктимизация только усиливает необходимость прийти ко кресту.

Один юноша из Южной Америки имел репутацию прожигателя жизни. Однако это был только фасад. В душе молодой человек испытывал глубочайшую боль, так как еще в детстве был изнасилован гомосексуалистом. Его преследовали и мучили отвратительные воспоминания. Перенесенное в детстве насилие подтолкнуло его к тому, чтобы вести жизнь, наполненную «наркотиками, алкоголем и аморальностью».¹⁰

Однажды по соседству с этим молодым человеком поселилось несколько миссионеров. Он вроде бы презирал их, но вско-

ре, к собственному удивлению, принял их приглашение посетить христианский летний лагерь. Ему очень понравилось в этом лагере, вдали от алкоголя и наркотиков. Он слушал свидетельства многих молодых людей, которые рассказывали о своем отношении к Иисусу. Они говорили ему, что Иисус умер за все его грехи и Бог готов принять его и что от него требуется только одно – поверить в Божье прощение его вины.

Молодой человек не всё понял, но тем не менее в нем начала зарождаться вера в то, что он слышал. Слова из Римлянам 8,38–39 произвели на него глубокое впечатление. «Каким-то образом, – рассказывал он, – я начал понимать, что даже пережитое мною сексуальное насилие и моя разбитая жизнь не могут лишить меня любви Божьей». В последний вечер в лагере он сказал Богу: «Моя жизнь – сплошная грязь. Если Ты действительно есть и можешь жить в таком человеке, как я, то войди в мою жизнь и измени ее. Я нуждаюсь в Тебе».

Возвратившись домой, он стремился жить согласно обретенной им вере. При этом у него были и успехи, и неудачи. Но он знал, что «Бог ожидает от меня, чтобы я шел прямым путем», и старался повиноваться Его воле. С возрастом познания Бога его хождение становилось всё более последовательным и в нем росло желание лучше изучить Священное Писание. С этой целью он прибыл в Соединенные Штаты, где окончил Библейский институт Муди. Свое свидетельство он закончил следующими словами: «Наконец-то завершилась величайшая борьба моей жизни: никогда больше меня не мучили ужасные воспоминания о пережитом насилии».

«Ранами Его мы исцелились». Как много верующих не знает об этой удивительной истине! Благодарение Богу, тот молодой человек стал сонаследником Христу; но его свидетельство ясно показывает, как изощренно «христианская» психология изменяет наш ответ на весть о кресте. Более всего меня беспокоит тот факт, что его свидетельству недостает глубокого осознания собственной греховности. Вместо этого он подчеркивает пережитую им в детстве виктимизацию. Именно на нее он возлагает вину за свою жизнь, наполненную аморальностью, наркотиками и ненавистью, и даже за свой характер. Хотя юноша и сознавал, что, несмотря на это, Бог любил его, тем не менее разговор все время вертелся вокруг пережитого насилия и «разрушенной жизни»; он ни словом не обмолвился о собственной греховности. Оказывается, величай-

шая борьба его жизни не имела ничего общего с его виной за собственные грехи и касалась только болезненных воспоминаний о пережитом насилии.

Не следует понимать меня превратно. Я не хочу ни умалить боль его печального детства, ни отрицать ее негативное влияние на жизнь. Я не ожидаю от новообращенного человека ясного познания библейского учения о грехе. Но у меня такое впечатление, — и с этим я ничего не могу поделать — что на его понимание креста оказала сильное влияние психология с ее акцентом на виктимизации. Его свидетельство нельзя считать ясным исповеданием того, «что Христос Иисус пришел в мир спасти грешников, из которых я первый» (1 Тим. 1, 15). Скорее из его истории следует: «Христос Иисус пришел в мир, чтобы удовлетворить потребности виктимизированных, чья жизнь разрушена посредством виктимизации, и я один из них».

Совсем иначе звучит свидетельство другого грешника, Токичи Айчи! Он был изобличен в убийстве и казнен через повешение в 1918 году в Токио. Незадолго до вынесения ему смертного приговора он получил Новый Завет; вскоре его посетили две миссионерки, которые помогли ему в изучении Священного Писания. Когда он прочитал историю о суде над Иисусом и о Его распятии, он доверился Иисусу как своему Господу и Спасителю. До обращения он был грубым, жестоким и неисправимым. Теперь же, примирившись со Христом, он принял свой приговор как «праведный, объективный приговор Божий».

В день своей казни он читал 2 Коринфянам 6, 8–10, после чего написал, что, по всей вероятности, люди думают, что он в отчаянии, но они ошибаются. В своей крошечной тюремной камере он «внутренне гораздо счастливее», чем «в дни своей безбожной греховной жизни». «Я днем и ночью разговариваю с Иисусом Христом», — свидетельствовал он. В прочитанном им тексте ему особенно бросились в глаза слова: «Мы ниши, но многих обогащаем», и он написал по этому поводу:

Конечно, это не относится к той нечестивой жизни, которую я вел до обращения. Но, может быть, в будущем кто-нибудь где-то в мире узнает, что самый большой негодяй, когда-либо живший на земле, покаялся в своих грехах и был спасен силой Христа и, возможно, таким образом сам придет к покаянию. И тогда исполнится это слово, что я, хотя сам и бедный, смогу многих обогатить.¹¹

Токичи Айчи жил до того, как христиан стали учить осознавать себя жертвой. Тяжесть его греховного бремени не облегчалась сознанием, что он был виктимизирован другими людьми. Еще раз повторяю: я не намерен умалять страданий молодого человека из Южной Америки, пережившего в детстве насилие. Кто таким образом поступает с детьми, тот доказывает, как ужасно развращено человеческое сердце. Но из-за этого нельзя терять из вида главное: единственная проблема, которую я решаю посредством креста, — это **моя** греховность. Даже если бы молодой человек не был обременен тяжелыми воспоминаниями, он все равно был бы обманут грехом, вырос бы во грехах и был бы грешником. Факт пережитого им насилия ничего не меняет в том, что без Христа он прежде всего и больше всего любил себя, а не Бога. И, согласно воле Божьей, именно это мы должны понять. Бог хочет, чтобы именно об этом мы скорбели, когда подходим ко кресту.

Грех — это не вирус, которым мы заражаемся от других. Это также не характерная роль, навязанная нам внешним влиянием. Когда мы вне Христа, грех составляет нашу собственную природу. Со своим греховным поведением мы в очах Божьих не что иное, как мы сами. Если другие плохо обращались с нами, мы не избежим ответственности за свои грехи. Ко Христу не приходят пожаловаться на то, что другие против нашей воли принудили нас грешить.

Пока мы со всей серьезностью не воспримем грех и вытекающее отсюда наше ничтожество, мы не в состоянии серьезно отнестись ко кресту. Не воспринимая грех серьезно, мы не примем серьезно и прощение и не сможем ответить Богу послушанием и глубокой любовью (Лк. 7,41 и далее). Нежелание серьезно отнестись к греху будет препятствовать и всякому другому аспекту нашего Богопознания и нашей отдачи Ему.

А как же Божья любовь?

Возможно, ты думаешь, что своей ревностной защитой истины о глубоком осознании и признании греха я отодвигаю на задний план чудную любовь Божью и Его великое милосердие. Возможно, ты считаешь, что я представляю Бога равнодушным к невыразимым нуждам, которые так часто встречаются на нашем жизненном пути. Как часто нас постигают горе и несчастье без

видимой вины с нашей стороны! Однако Бог и в такие моменты заботится о нас и близок к нам.

«Бог есть любовь!» Это истина. Это основополагающая весть Писания. Но если Иоанн пишет: «В том любовь, что не мы возлюбили Бога, но Он возлюбил нас и послал Сына Своего в умилоствление за грехи наши» (1 Ин. 4,10), то я должен возвешать людям и этот аспект любви Божьей. Как я могу, говоря о любви Божьей, умолчать о необходимости покаяния? Могу ли я сказать: «Бог есть любовь», не упоминая о Его святости? Должен ли я прославлять Его милосердие, ничего не говоря о Его гневе? Осмеюсь ли я сказать, что кто-либо на земле заслужил Его любовь своими жизненными обстоятельствами? Разве это называется серьезным отношением к греху? Чаша Божьей любви предлагается лишь тем, кто скорбит о своих грехах (Мф. 5,4).

Бог любил нас, когда мы были еще врагами Ему. Иисус Христос отдал Себя за меня задолго до того, как я перестал находить удовольствие в том, чтобы при каждой возможности хулить Его. Это делает Его любовь еще удивительнее. Поистине, только Божья любовь способна превратить проклятие в хвалу, богохульника в Божьего поклонника, безбожное сердце в сердце, любящее Бога.

Но истинно и то, что Божья святая душа ненавидит нечестивых и злых (Пс. 10,5; 5,5–6). Из-за своего греховного состояния и поведения они не имеют перед Ним извинения (Рим. 1,20). Уже в нынешней жизни Бог предал их последствиям их собственных грехов (Рим. 1,24), а в будущей жизни им будет отказано в наследии (Еф. 5,5). Их греховная природа сама по себе вынудила Бога объявить их чадами гнева (Еф. 2,3), и в продолжение всей своей жизни они все больше и больше собирают себе гнев на день Его гнева (Рим. 2,5).

Именно в этой связи следует понимать и возвешать любовь Божью. Она чудесная и незаслуженная! Говоря о Его любви, мы не должны умалчивать ни о Божьей святости, ни о нашем нечестии. Крайне неверно внушать необращенным грешникам, которые все еще восстают против креста, что Бог каким-то образом находится не только с верующими, но также и с ними во время их «болеи и разочарований». Это неверно! Конечно, Он хочет быть с ними – именно поэтому Он послал Своего Сына умереть на кресте; но Он не с ними!

Божья любовь не принесет нам пользы, если мы прежде не придем ко кресту – не с враждебностью к другим или жалостью к са-

мим себе, а с сокрушенным и раскаянным сердцем. Тогда, и только тогда, Бог готов излить на нас Свою безмерную любовь (1 Ин. 3, 1). В этой связи мне нравятся слова пуританина Вильяма Бриджеса: «Если ты припадешь к стопам Иисуса, Он возьмет тебя на руки».¹²

Мы не можем проповедовать Христа, умалчивая о Его распятии. Это единственное Евангелие о Божьей любви. Это весть для грешника, а не для жертвы. Это весть для грабителя, а не для ограбленного. Если бы я ожидал от Бога только понимания и сострадания к тому, что я травмирован, разочарован и недостаточно себя уважаю, то Христу не надо было бы умирать. Напротив, для грешников крест жизненно необходим. Они нуждаются в прощении, а без пролития Крови, Крови Христа, прощение невозможно (Евр. 9, 22–28).

Нам поручено проповедовать Евангелие, которое Бог дал нам в Своем Слове. И наша проповедь должна быть свободной от всякого психологического дополнения. Нам необходимо возвратиться к ясному провозглашению Писания. Мы должны проповедовать Евангелие так, как оно передано нам однажды, или же отвергнуть как его авторитет, так и достаточность. «Христос Иисус пришел в мир спасти грешников, из которых я первый». Вот причина, почему Божья любовь во Христе так удивительна, так непостижима и способна смирить и освободить нас.

Примечания

1. Philip P. Bliss, «Hallelujah! What a Saviour».
2. Joseph Alleine, *An Alarm to the Unconverted Sinners* (Grand Rapids: Baker Book House, 1978), p. 112.
3. В «христианской» психологии тема разочарования или «виктимизации», кажется, стоит на первом месте. Верующие должны глубоко прочувствовать боль своей виктимизации, если хотят когда-то освободиться от ее рабства или от собственных греховных реакций. Попытки обосновать такое понимание Писанием приводят порой к абсурдным толкованиям библейских событий. Например, один консультант наставлял класс воскресной школы, состоящий из девочек-подростков, что они должны отождествить себя с Марией, чтобы испытать то чув-

ство разочарования, какое, вероятно, испытала она, когда узнала, что Иосиф намерен расторгнуть помолвку.

Такое толкование наталкивается по крайней мере на две серьезные трудности. *Во-первых*, мы не знаем, откуда Иосиф узнал о беременности Марии; также нигде не сказано, что Иосиф говорил с Марией о своем намерении. Сообщение, приведенное в Матфея 1,18–24, слишком кратко, чтобы делать из него такие выводы.

Как сказано в Писании, Иосиф лишь тогда узнал, что Мария беременна от Духа Святого, когда Господь открыл ему это во сне. Но мы не знаем, говорил ли он когда-либо с Марией об этом и сообщал ли ей о своем намерении расторгнуть помолвку. Согласно сообщению Матфея, едва ли можно упрекнуть Иосифа в том, что он разочаровал Марию. Напротив, он вел себя по отношению к ней в высшей степени тактично и чутко. Он не хотел повредить ей или опозорить открытым разоблачением. Если кто и имел основание чувствовать себя «разочарованным», то это Иосиф. Но мы ничего не читаем о том, что Иосиф тревожился о себе. Он гораздо больше заботился о Марии.

Во-вторых, каждый, кто читает хвалебную песнь Марии, вряд ли допустит мысль, что здесь отражен образ женщины, наполненной чувством страха и разочарования. Она исполнена смирения, но в то же время полна чудной радости о том, что Бог избрал ее вынашивать обещанного Мессию. Мария славит Бога и торжествует в Нем, «что сотворил мне величие Сильный, и свято имя Его» (Лк. 1,46–55).

Кажется, Марию совершенно не беспокоило, какие непосредственные последствия для других могла принести ее беременность. Бог говорил с ней через Гавриила и Елисавету. Мария знала своего Бога и верила Ему. Этого было более чем достаточно для ее эмоционального благополучия.

Этот случай показывает, какие проблемы рождает «христианская» психология и ее учение о виктимизации. Сначала она пытается навязать Писанию свои представления, затем искажает правильное толкование. Попытка использовать историю Марии и Иосифа для подтверждения своего учения о разочаровании представляет собой пример злоупотребления Писанием.

В какой степени внутреннее отношение к Богу влияет на реакцию верующего на «боли и разочарования» его жизни – это

останется непостижимой тайной «христианской» психологии. Психология говорит, что Мария должна была чувствовать себя разочарованной, однако Писание показывает нам Марию полной радости и доверия своему Богу.

4. «Religious Belief vs. Behavior», *The Church Around the World* (September, 1989).
5. Ann Landers, «Beware the Wolf in Minister's Clothing» (*The Los Angeles Times*, August 17, 1989), p. 25.
6. Объявление появилось в *Christianity Today*, с. 28 (September 8, 1989). Книга под названием «*Friendship*» была опубликована издательством Zondervan.
7. Alleine, op. cit. p. 103.
8. Sara Hines Martin, *Healing for Adult Children of Alcoholics* (Nashville: Broadman Press, 1988), p. 135.
9. Там же.
10. Мануэль Загата, как он рассказал это Венди Камерону, «First Person», *Moody Monthly* (September 1989), p. 80.
11. Свидетельство Tokichi Ichii, изложенное в John Piper's *Desiring God* (Portland: Multnomah Press, 1986), p. 120–121.
12. *The Golden Treasury of Puritan Quotations*, compiled by I. D. E. Thomas (Chicago: Moody Press, 1975), p. 149.

3

На полных парусах в фарватере самоуважения

Если есть слово, способное оказать волшебное действие на евангельскую общину, то это слово «самоуважение». И оно действительно очаровало христиан. Но, вероятно, этого и нельзя было избежать, принимая во внимание то, как интенсивно занимается «христианская» психология больным человеком. В результате слишком многие христиане взяли за правило постоянно заниматься самоуважением – состояние, не очень стимулирующее духовный рост. Поэтому давайте поближе посмотрим на христианина или христианку и на его или ее самоуважение.

Однако прежде, чем начать анализ, я хочу, во избежание недоразумений, пояснить некоторые моменты. Мне необходимо быть осторожным, так как я не хочу принадлежать к числу тех, кто только бьет воздух или воюет с тенью.

Во-первых, большое число христианских психологов согласно с большинством светских психологов в том, что мнение человека о себе самом, то есть степень его самоуважения, или самооценки, или самовлюбленности, решающим образом зависит от того, что человек делает и насколько хорошо справляется со своим делом.

Во-вторых, многие христианские психологи вместе с большинством светских психологов исходят из того, что причиной поведенческих проблем человека обычно является недостаточное самоуважение. Созданная в штате Калифорния комиссия безрезультатно израсходовала 735 000 долларов для того, чтобы проверить правильность этого предположения. Кто-то часто меняет брачных

партнеров, насилует других или сам подвергается насилию, принимает наркотики, имеет проблемы в семейной жизни или просто страдает от чувства неполноценности? Назови хотя бы одно из перечисленного – и виной будет отсутствие самоуважения.¹

В-третьих, «христианская» психология согласна со светской психологией в том, что практически каждый человек страдает от недостаточного самоуважения, хотя это предположение и не доказано. Родители, другие члены семьи, посторонние люди, общество в целом и вообще мир – все вносят свою долю в то, чтобы лишить нас здорового чувства собственного достоинства. Я вспоминаю один комикс, в котором одна комическая фигура жалуется другой, что с ней плохо обращаются, то есть она подверглась «виктимизации», так как ее потрепала собственная комнатная собачка.

Высокая самооценка проникает и в церкви

Бесчисленное количество журналов и газет, теле- и радиопрограмм, семинаров и книг вдалбливают нам эту так называемую истину, и теперь к этому потоку присоединились христианские средства информации и издательства. Высокое мнение о себе – одна из самых эффективных гуманистических идей, обрушившихся на церковь в наше столетие. Вне всякого сомнения, это самая опасная атака на Писание за последнее время. Среди различных вопросов, допускающих злоупотребление Писанием, призыв к самоуважению стоит едва ли не на первом месте.

Несколько лет назад я набирал из числа студентов сотрудников для выездной работы колледжа. Некоторые студенты отказывались под тем предлогом, что еще недостаточно любят самих себя. Так как им еще недостает любви к самим себе, они не считают себя способными любить других, проявляя послушание Слову Божьему.

Откуда они взяли такое странное толкование второй заповеди? Вскоре я понял это. Они позаимствовали его у христианского психолога, который преподавал на факультете общей психологии. Ссылаясь на Матфея 22,39 («возлюби ближнего твоего, как самого себя»), ему удалось убедить многих студентов, что Христос заповедал любить самих себя прежде, чем мы сможем любить наших ближних.

Не удивительно ли, как всё большая часть евангельских цер-

квей с восторгом принимает это учение, основанное на в высшей степени сомнительной интерпретации? Не должно ли это побудить нас повсюду бить тревогу? Но, к сожалению, вокруг царит молчание.

Я спрашиваю себя: будут ли евангельские христиане и дальше руководствоваться правильно истолкованным и обладающим авторитетом Священным Писанием? Если да, то необходимо, чтобы мы серьезно и критически отнеслись к учению о любви к самому себе. Соответствует ли оно Писанию? Начнем с Матфея 22,39 и, основываясь на этом стихе, попытаемся прийти к правильному заключению.

Как мы должны любить самих себя?

В Матфея 22,39 сказано: «Вторая же [заповедь] подобная ей: возлюби ближнего твоего, как самого себя». Звучит очень просто, не так ли? Нам не нужно долго думать, не хочет ли Иисус научить нас сначала любить самих себя? Если бы Его заповедь была нацелена на это, Он не оставил бы нас в сомнении. Могу себе представить, что Он выразился бы примерно так: «Возлюби самого себя, и после того, как ты этому научишься, ты должен будешь так же возлюбить и своего ближнего». Но Он так не говорил!

Он сказал: «Возлюби ближнего твоего, как самого себя». Господь знал, как сильно развито в нас самолюбие. И тот факт, что Христос уподобляет вторую заповедь первой, а также целенаправленность предложения (потребность нашего ближнего) и использование глагола «агапао» (подразумевающего любовь, обращенную на других) – все это противоречит представлению, что Христос учит нас здесь сначала возлюбить самих себя.² Истолкование заповеди Христа о любви к другим как заповеди о любви к самому себе представляет собой явное злоупотребление Словом Божиим.³

В одной из своих последних книг, названной «Спасаящая благодать», Дэвид Симендс вынужден признать: «В этом месте Писания прямо не говорится, что мы должны любить себя». Но затем он утверждает, что Писание предполагает как нечто само собой разумеющееся наличие у нас определенной любви к себе, определенного чувства собственного достоинства, на основании чего мы в состоянии исполнить заповедь Христа.⁴

К сожалению, психология исходит из того, что у большинства

людей весьма жалкое представление о самих себе, а некоторые даже ненавидят себя. Вот эти-то люди и должны якобы научиться любить самих себя, прежде чем смогут любить других (возможно, и Бога) в библейском смысле.

Какой интересный маневр! Здесь примерно такая аргументация: мы не можем дать то, чего у нас нет. Кто не умеет ценить себя и не сознаёт своей значимости, тот не может дать другим той любви, в какой они нуждаются, чтобы осознать свою ценность и значимость. Если из-за недостаточного самоуважения я «закомплексован», то как я могу помочь другим, которые «закомплексованы» по той же причине? Отсюда и вывод о необходимости любить самих себя.

И подобный материал, поступающий к нам от «христианской» психологии, весьма обширен. Поэтому было бы полезно поближе рассмотреть такое оправдание любви к себе, чтобы правильно понять значение ее объединения с Писанием. Действительно ли Писание призывает нас научиться любить самих себя?

Психолог Раймонд Честер верит этому и, желая привести нас к такому же убеждению, написал брошюру по самообразованию под названием «Действительно ли я представляю ценность? Исследование вопроса о любви к себе».⁵ Брошюра д-ра Честера представляет собой типичный пример материала, который старается публиковать «христианская» психология.

По мнению Честера, большинство христиан считает грехом всё, что связано с собственной личностью. Он с этим не согласен. Он убежден, что, любя себя, человек способен осознать собственную ценность, так как он сотворен по образу Божьему. Из этого осознания вырастает уважение к самому себе, которое коренится в любви Бога к нам.

Д-р Честер также считает, что лишь «немногие христиане способны любить себя в библейском смысле этого слова», так как большинство верующих не знают, кем они, по сути, являются. Это мешает им понять, что представляют собой другие, и, следовательно, по-настоящему любить других людей и служить им.⁶ Брошюра призвана помочь нам найти ответ на вопрос: «Кто я?». Ответ же сообщит нам позитивное (и библейское) чувство собственного достоинства. И тогда читатель будет способен и других вести к библейскому осознанию своей ценности. Однако Библия нигде не говорит об осознании собственной ценности и не считает это необходимой предпосылкой к тому, чтобы любить других в пол-

ном послушании заповеди Христа. Скорее Христос основывает наше послушание на нашей любви к Нему и на нашей благодарности Ему за Его любовь к нам (Ин. 13,34; 14,15).

С помощью серии вопросов и поощрительных текстов Писания, которые, по мнению д-ра Честера, подчеркивают нашу самооценку, участник подводится к тому, чтобы увидеть свою истинную ценность. Последнее задание – изложить в позитивном ключе, кем я являюсь в свете Божьем, как Он видит меня.

Д-р Честер надеется, что все мы сможем «помочь другому в осознании его самооценки – не ради тебя или меня, но ради Христа. Кто мог бы желать большей ценности... Я есмь, – смело заявляет д-р Честер, – *потому что Он есмь!*»⁷ (курсив Р.Ч.)

Интересно, что д-р Честер включает в свою брошюру короткое эссе «из светского источника». Оно озаглавлено «Мое заявление по поводу самоуважения» и заимствовано у Виржинии Сатир, светского психолога.⁸ Я обобшу ее выводы, так как, хотя и считаю их захватывающими утверждениями о любви к себе, однако был потрясен, встретив их на страницах христианского исследования вопроса о самооценке, основанного якобы на Писании.

Эссе госпожи Сатир представляет собой упражнение в самовосхвалении. Она принадлежит себе самой. «Всё, что имеет отношение ко мне, принадлежит мне», – заявляет она. Что бы она ни говорила, думала, делала или чувствовала – в каждый момент это она, Виржиния. Если она обнаруживает то, что ей не соответствует или не подходит, она может это отложить и «вместо него придумать что-то новое». Безмерно уверенная в себе на основании своей способности овладеть высотой и глубиной человеческой сущности, она заключает: «Я принадлежу себе и потому буду строить свою жизнь. Я – это я, и я одобряю себя».

В конце этого заявления д-р Честер предлагает нам:

Пусть это будет темой твоей молитвы, чтобы познание о тебе самом проникло в твою повседневную жизнь (профессия, семья, свободное время и т.д.). Как личность, обладающая ценностью и достоинством, ты фактически можешь делать все «от души, как для Господа, а не для людей» (Кол. 3,23).⁹

Если принять во внимание тот дух, который стоит за словами госпожи Сатир, то это страшный призыв, к которому я еще кратко вернусь. Но прежде обратимся к Писанию.

Библия и наше самоуважение

Хотя «христианская» психология настаивает на том, что мы должны научиться любить себя, однако, в виду того факта, что Библия описывает людей как грешников, нелегко найти такого человека, который уже давно не любил бы себя сверх всякой меры. К примеру, Псалом 9 характеризует людей как высокомерных, хвастливых, заносчивых и самодовольных. Когда мы читаем Римлянам 1,18–32, создается впечатление, что людей прямо-таки распирает от самовлюбленности и высокого мнения о себе.

Такой же образ вырисовывается из 2 Тимофею 3,1–5. Здесь Павел предупреждает нас о сущности людей последнего времени. Кроме всего прочего, он описывает их как самолюбивых, гордых, надменных, напыщенных.

Хоть и невольно, д-р Симендс оказался прав. Писание говорит о том, что мы любим самих себя. Однако Писание не говорит о том, что наша любовь к себе уместна и правильна или что Бог ее одобряет (за исключением Ефессянам 5,28–29, где естественное желание телесного и духовного благополучия вполне нормально). Скорее Писание говорит о том, что любовь к себе – это неизбежное выражение нашей греховной природы. По природе мы любим самих себя больше, чем всё другое и прежде всего Бога.

Объясняя обе великие заповеди, Христос испытывал чувство глубокой скорби, так как знал, что мы неспособны повиноваться ни одной из них. И причина этого кроется не в том, что у нас недостает любви к самим себе. Наоборот. Мы слишком сильно любим себя, так сильно, что не в состоянии любить наших ближних так же, как себя.

Только во Христе мы избавляемся от такого самообожествления. И если «христианская» психология говорит нам, что мы должны научиться правильно любить самих себя, то тем самым она противоречит учению нашего Господа Иисуса. Он пришел, чтобы послужить всем нам, и Его пример должен поощрить нас отказаться от греховного стремления к самовозвышению.

Теперь рассмотрим некоторые типичные примеры из Писания. Они покажут нам, как Бог оценивает людей – как тех, которые уверены в себе и высокого о себе мнения, так и тех, которые считают себя «жалкими и бедными».

В Луки 7,36–50 рассказана история о фарисее Симоне и грешнице. Симону, этому самоуверенному человеку с явно выраженным самолюбием, кажется, нетрудно превознестись даже перед

Иисусом. Он был вполне доволен собой. А ведь именно это самоуважение, вызванное мнимыми взаимоотношениями с Богом, и делало его бесчувственным к своей собственной греховности и отдаляло от Мессии.

Напротив, грешница видела свое жалкое состояние. Она вполне сознавала свою греховность. Но она пришла к Иисусу не как женщина, с которой плохо обращались и у которой отняли здоровое чувство собственного достоинства. Она пришла ко Христу, так как знала, что Он пришел в мир спасти грешников, среди которых она была одной из худших. Она пришла, потому что искала милости и прощения, — и получила и то, и другое. Сомневаюсь, что, возвращаясь домой, она думала: вот теперь у меня есть причина высоко мнить о себе. Скорее она рассталась с Иисусом, испытывая чувство переливающейся через край благодарности и любви, которая глубоко смиряла ее и побуждала стать послушной слугой и ученицей Иисуса.

Подобное событие описано и в Луки 18,9–14. Это притча о фарисее и мытаре. Уверенный в своих правильных взаимоотношениях с Богом, фарисей прямо-таки излучал надменное чувство собственного достоинства. Можно подумать, что, основываясь на своих отношениях с Богом, он считал себя кем-то особенным. Но именно упование на эти отношения отделяло его от Бога.

Мытарь, напротив, как и та грешница, низко склонился перед Богом. Он сознавал, каким жалким грешником был он в глазах святого и праведного Бога. Хорошо понимая, что не заслужил Божьего прощения, он просит милости. Однако я допускаю, что он знал обетование из Писания, которое говорит: «Сердца сокрушенного и смиренного Ты не презришь, Боже» (Пс. 50, 19). Бог в Своей неисследимой благодати обитает не только «на высоте небес и во святилище», но и «с сокрушенными и смиренными духом, чтобы оживлять дух смиренных и оживлять сердца сокрушенных» (Ис. 57, 15).

Люди, поистине испытывавшие богатство незаслуженной Божественной благодати во Христе, уже не спрашивают о надлежащей любви к самим себе. Они из глубины сердца поют: «Хвала Тебе, Боже, Ты дивен в любви!»

Святые мужи Божьи и самоуважение

Полагаю, будет полезно поразмыслить о том, что думали о

себе великие библейские святые в свете своих взаимоотношений с Богом. Способствовало ли осознание того, что Бог любит их, возрастанию в них чувства собственного достоинства? Давайте посмотрим.

Авраам, друг Божий, в присутствии Господа называл себя прахом и пеплом (Быт. 18,27). Моисей, с которым Бог говорил лицом к лицу, просил Бога поставить вождем народа кого-нибудь другого, потому что даже с помощью Бога не считал себя способным выполнить Его поручение (Исх. 4). Иов получил похвалу от Бога, но, когда Бог явился ему, он воскликнул: «...я отрекаюсь и раскаиваюсь в прахе и пепле» (Иов. 42,6). Давид, муж по сердцу Божьему, вызывает в Псалме 50 о прощении и восстановлении общения с Богом. Он исповедуется: «Грех мой всегда предо мною». Но в то же время он цепляется за истину: «Жертва Богу – дух сокрушенный; сердца сокрушенного и смиренного Ты не презришь, Боже» (ст. 19). Исаия, глубоко убежденный в своей греховности, в присутствии славы Божьей мог лишь воскликнуть: «Горе мне! Погиб я!» (Ис. 6,5).

Среди двенадцати апостолов Иоанн был особо любим Иисусом. Но, увидев Иисуса в Его славе, он «пал к ногам Его, как мертвый» (Откр. 1,12–17). Апостол Павел называл себя первым грешником, который получил от своего Господа не только незаслуженную милость, но и жало в плоть, чтобы не превозноситься. Он подчеркивает свою полную зависимость от силы и благодати Христа (2 Кор. 12,7–10). Все свои желания и стремления он сконцентрировал на одном: «познать Его, и силу воскресения Его, и участие в страданиях Его, сообразуясь смерти Его» (Фил. 3,10). Для него ничего не было более чуждым, чем сказать, что теперь во Христе он может любить самого себя.

Никто из перечисленных мужей не помышлял о своей самооценности. И едва ли кто-либо из них любовь к себе стал бы оправдывать словами д-ра Честера: «Я есмь, потому что Он есмь!» Я сомневаюсь, что они стали бы приобретать его брошюру по самообразованию, обучающую любви к самому себе. Для них гораздо важнее были слова их Господа: «А вот на кого Я призрю: на смиренного и сокрушенного духом и на трепещущего пред словом Моим» (Ис. 66,2).

Эти библейские святые имели бы мало общего с д-ом Честером или с целой армией современных психологов, которые настоятельно подчеркивают, что мы должны больше любить себя «в библейском смысле». Они гораздо скорее согласились бы с

основателем современного миссионерства Вильямом Кареем, который просил, чтобы на его надгробном камне были написаны следующие слова:

Вильям Карей

Родился 17 августа 1761 г.

Умер в июне 1834 г.

Как жалкий, бедный и беспомощный червь
падаю я в Твои милосердные руки.

Вот человек, который, считая себя жалким червем, совершал с Божьей помощью великие дела.

В каком направлении двигаться?

Перед нами решающий вопрос: в каком направлении должны мы двигаться? Какого пути должны твердо держаться? Действительно ли Писание, которое в настоящее время используют для того, чтобы дать зеленый свет провозглашению самооценности, дано нам для этой цели? Или оно написано, чтобы направить наше внимание на непревзойденное чудо Божьей благодати и в то же время укрепить наше упование на Его верность, чтобы мы могли научиться более всего другого почитать Бога?

Писание написано, чтобы направить наш взор на Божье величие, на Его всемогущество и верность, чтобы возбудить в нас чувство невыразимой радости и благоговейного поклонения. Использовать же это Писание для того, чтобы сконцентрировать внимание человека на себе самом и позволить ему лелеять свою самооценку, — просто дерзость. Это совершенно противоречит намерениям Духа Святого, Который и дал нам Писание.

Всякий, кто настаивает на том, что без «соответствующей» любви к себе мы не можем исполнить вторую заповедь, не понимает, что значит быть новым творением (2 Кор. 5, 16–17). Только Христос освобождает нас от природного стремления любить самих себя.

На основании того, что по вере в совершенное Христом искупление на кресте мы стали в Нем новым творением, каждый верующий может исполнить эти заповеди, потому что:

1. Сущность Божественной любви такова, что мы не можем удерживать ее в себе. «Любовь Божия излилась в сердца наши Духом Святым, данным нам» (Рим. 5, 5). Иоанн говорит о великой

любви, которую Он дал нам (1 Ин. 3,1). Она наполняет наши сердца и изливается в жизнь других людей. Об этом прекрасно сказал Джон Пайпер: «Любовь – это преизбыточная радость в Боге, которая удовлетворяет нужды ближнего».¹⁰

2. Христос научил нас, что такое любовь и как мы должны ее выражать (см. 1 Ин. 3,16–18; 4,7–11; Фил. 2,5–8). Он отдал Свою жизнь, чтобы и мы могли иметь жизнь. Он сменил Свой царский венец на головной убор раба. Он не заботился о Своей самооценности, не смотрел на то, как Его воспринимали, не искал Своего благополучия и не думал о Своем влиянии. Он просто служил, и служил вплоть до креста. И за это Отец превознес Его.

3. Если Дух Божий живет в нас, то любовь Христова объемлет нас и делает способными а) любить уже не себя, а Его (2 Кор. 5,14–15); б) быть Его посланниками, возвещающими миру радостную весть о примирении грешника с Богом через Христа (2 Кор. 5,20); и в) постоянно погашать наш долг любви по отношению к другим людям, «ибо любящий другого исполнил закон» (Рим. 13,8–10).

По сути, любовь, которую мы проявляем к нашему ближнему, уже не наша собственная, а дарованная нам Христом. Его любовь изливается в наши сердца, а из наших сердец – на наших ближних. Таким образом, нет необходимости ждать, пока во мне разовьется «соответствующая библейская любовь к самому себе», чтобы потом проявить ее к ближнему. Павел напоминает нам о том, что «сокровище сие мы носим в глиняных сосудах, чтобы преизбыточная сила была приписываема Богу, а не нам» (2 Кор. 4,7), так что все должны понимать, Кто сделал нас способными любить.

Любовь к моему ближнему не имеет ничего общего с моим уважением к самому себе, но целиком и полностью связана с Иисусом Христом, нашим Господом. Вторую заповедь можно понять лишь в связи с незаслуженной нами любовью Бога Отца, которую Он излил на нас, когда мы действием Святого Духа оказались во Христе. Так что христианин может соблюсти эту заповедь лишь тогда, когда пребывает во Христе и когда Христос и Его Слово пребывают в нем (Ин. 15,4–7).

В своей брошюре о самооценности д-р Честер советует нам изучить Псалом 138, чтобы тем самым разбудить в нас соответствующую любовь к себе. Но разве таково было намерение Святого Духа, когда Он вдохновлял автора записать этот Псалом? Псалмопевец с глубоким благоговением говорит о всемогуществе, всеведении и вездесущности Господа славы. Как нелепо предло-

жить нам этот библейский текст, чтобы с его помощью развить в нас самоуважение!

Возможно, таким образом д-р Честер хотел побудить нас к размышлению над вопросом, почему мы так ценны в очах Божьих? Но между Богом и мною стоит грех, а не неведение о моей ценности в очах Божьих. Тот факт, что Бог сотворил меня, не обязывает Его искупить меня. Однако Он обязался любить меня, если я нахожусь во Христе. Почему? Потому что такова Его воля.

Почему Бог любит нас?

Иисус Христос. Вот единственные слова, которые позволяют мне объяснить, почему я дорог Богу. Или, как Павел писал ефесянам:

Благословен Бог и Отец Господа нашего Иисуса Христа, благословивший нас во Христе всяким духовным благословением в небесах, так как Он избрал нас в Нем прежде создания мира, чтобы мы были святы и непорочны пред Ним в любви, предопределив усыновить нас Себе чрез Иисуса Христа, по благоволению воли Своей, в похвалу славы благодати Своей, которою Он облагодатствовал нас в Возлюбленном, в Котором мы имеем искупление Кровию Его, прощение грехов, по богатству благодати Его, каковую Он в избытке даровал нам во всякой премудрости и разумении (Еф. 1,3–8).

Что же, в свете этих стихов, побуждает «христианскую» психологию лелеять наше уважение к самим себе? Почему все ее рассуждения постоянно вращаются вокруг нашего «я»?

Вопрос становится особенно животрепещущим, если мы задумаемся о том, почему д-р Честер приводит светское эссе о самоуважении, в котором просто повторяется стихотворение Вильяма Хенли «Invictus» (лат. – непобедимый). Этот известный поэт XIX века обращает на себя внимание ложным геройством, с которым отваживается на мятеж против Бога. Ты помнишь его строки?

Мне дела нет, насколько узки
Врата и страшны ли грехи;
Я сам судьбы своей хозяин,
Я капитан своей души.

Ни Хенли, ни автор «Моего заявления по поводу самоуважения» не считали необходимым «иметь Бога в разуме».

Но что общего у Иерусалима с Афинами? Что связывает Виржинию Сатир с Иисусом Христом? Что общего у слов: «Я принадлежу себе и потому буду строить свою жизнь. Я – это я, и я одобряю себя» со словами: «Не знаете ли, что тела ваши суть храм живущего в вас Святого Духа, Которого имеете вы от Бога, и вы не свои? Ибо вы куплены дорогою ценою. Посему прославляйте Бога и в телах ваших и в душах ваших, которые суть Божии» (1 Кор. 6,29–20)?

Допустимо ли, чтобы верующий человек включил в свою повседневную молитвенную жизнь во Христе прославляющую самого себя фантазию госпожи Сатир? Если «христианская» психология считает это желательным, то ясно, что она утратила связь с Главою Христом.

Центр тяжести смещен

Может ли быть состоятельной идея, которая выдает себя за основанную на Писании, но в то же время ищет поддержки в крайних гуманистических взглядах? Христианские психологи сосредоточены на самоуважении, а это не имеет ничего общего с учением, сосредоточенным на кресте. Или, сораспавшись со Христом, верующие сильно обделены? Или тот факт, что они умерли и их жизнь теперь сокрыта со Христом в Боге (Кол. 3,3), вызывает в них разочарование? Есть ли необходимость бегать от зеркала к зеркалу, пока не найдется правильное, которое скажет им, что они могут в «библейском смысле» любить самих себя? Если бы это было так, то мы были бы «несчастнее всех человеков».

Должно ли такого рода «введение в Писание» служить примером того, как мы должны применять «открытые» наукой правила поведения? Все это не заслуживает нашего восхищения, а тем более восхваления.

Не так давно один из моих друзей, молодежный пастор, рассказал мне об интересном происшествии в зимнем лагере отдыха для подростков. В последний вечер их совместного пребывания в лагере проповедник призвал детей поразмышлять о том, на чем может основываться их хорошее мнение о себе. После того, как они посоветовались с руководителями групп (видимо, понимая,

что было бы не по-христиански сказать: «на том, что я хорошо выгляжу» или «на том, что я хороший» или нечто подобное), они ответили, что могут быть о себе высокого мнения на основании текста из Иоанна 3,16.

Мой друг был восхищен их ответом. У меня же, напротив, вырвалось: «Но ведь это же нелепость!» Если бы проповедник спросил детей, почему они, как верующие, могут испытывать чувство радости и умиротворения, я бы не возражал. Верующие могут радоваться тому, что Бог любит их и послал Своего Сына, чтобы умереть за их грехи. Это обстоятельство должно наполнять их радостью и миром. Более того, их должна переполнять благодарность и глубокая любовь к Богу.

Но оба эти чувства не имеют ничего общего с мнением, что я могу возомнить о себе на основании того, что Бог послал Своего Сына умереть за меня на кресте – проявление любви, которой я не заслужил. В Иоанна 3,16 речь идет не о моей ценности, а об удивительной Божьей любви, которую Он в Своем милосердии проявляет к тем, кто возлюбил тьму.

Притча о язычнике

Позволь мне рассказать притчу. Жили-были два соседа. Один был самоуверенным, хвастливым, злым, безнравственным и ужасным эгоистом. Назовем его Язычник. Второй был дружелюбным, смиренным, богобоязненным и постоянно заботился о благе других. Его имя Христианин. Из-за своей грубости и бестактности Язычник то сам попадал в трудное положение, то ставил в такое положение других. Христианин же, напротив, постоянно старался протянуть Язычнику руку помощи, уговаривая его вести порядочный образ жизни. Однако Язычник с презрением отклонял всякое дружеское предложение. Более того, он проклинал Христианина и всячески старался оклеветать его перед соседями.

Громко, так, чтобы все слышали, он называл Христианина шпионом, лицемером и ханжой. «Эти святоши просто лицемеры, и Христианин – худший из них!» Он высмеивал дружелюбие Христианина и при каждом удобном случае делал всё, чтобы навредить ему. Он всегда грубо отвергал предложения Христианина о помощи; все предостережения отворотиться от злого пути, пока еще не поздно, были для него как об стенку горох.

Но наконец настал день, когда предостережения Христианина подтвердились. На Язычника напала банда разбойников. Люди, такие же испорченные и злые, как и он сам, сбили его с ног, и Язычник, лишенный возможности как взывать о помощи, так и защищаться от злодеев (некоторых он знал как своих бывших друзей), видел перед собой неизбежный конец. Смерть и ад предстали перед ним, как отвратительное чудовище, игнорирующее его мольбы и жадно хватающее свою добычу. Но вдруг рядом появился Христианин, который отогнал разбойников, проявив при этом гораздо больше смелости и силы, чем Язычник мог от него ожидать.

После того как последний нападавший скрылся из вида, Христианин склонился над Язычником и перевязал ему раны, хотя повязка, которую он накладывал, была запачкана кровью из его собственных ран. Затем он дал Язычнику напиток, подкрепивший его силы.

Однако Христианину пришлось дорого заплатить за свой самоотверженный поступок. Его собственные многочисленные раны были глубоки и смертельны. Едва оказав помощь Язычнику, он сам вдруг в бессилии упал и умер на том самом месте, где только что лежал Язычник.

В растерянности, не веря своим глазам, Язычник уставился на мертвого Христианина. Затем он повернулся и, плача, внутренне разбитый и глубоко сокрушенный, как никогда раньше, со стыдом возвратился в свой дом. Он сразу же прошел в свою спальню, встал перед зеркалом и внимательно осмотрел свое разбитое, но тщательно перебинтованное лицо. Наконец он заговорил.

«Язычник,— шептал он окровавленными губами,— понимаешь ли ты, что только что сделал для тебя Христианин? Тебе ясно, что он отдал свою жизнь, чтобы спасти тебя?» Затем, после короткой паузы, он шелкнул каблуками, глубоко вздохнул, выпятил грудь, поднял подбородок и посмотрел прямо в глаза своему окровавленному отражению. «Язычник, такой незаслуженной любви ты еще в жизни не встречал. Знаешь что, Язычник? Это ведь основание для того, чтобы теперь лучше думать о себе. Да, теперь у тебя есть настоящее чувство собственного достоинства. Теперь ты можешь любить себя, потому что ради тебя Христианин пожертвовал своей жизнью».

Звучит нелепо, не так ли? Однако мы именно такие, и даже хуже. Как злые, нечестивые грешники, стоим мы у подножия креста. Бог Сам омыл нас Кровью Агнца. О, посмотри на любовь Отца!

Какой ценой Он примирил нас с Собою, не вменяя нам наших преступлений, хотя мы распинали Его Сына на кресте и порочили Его имя! Совершалось ли когда-либо более гнусное дело? Было ли когда-либо явлено большее милосердие? И теперь, после того как мы воспользовались Его милосердием, мы отвращаем наш взор от креста, поворачиваемся к нашему отражению в зеркале и говорим себе: «О, как это помогает мне укрепиться в хорошем мнении о себе!»

Как мне хотелось бы, чтобы каждый признал подобные утверждения бессмыслицей! Тогда мне не пришлось бы писать об этом дальше. Как может верующий человек сказать: «Прежде чем я смогу любить другого, я должен научиться любить самого себя»?

Или мы потеряли рассудок?

Примечания

1. Как далеко зашли мы в этом направлении? Посмотри на следующую цитату из газеты:

Именно Саддам Хусейн вынудил Буша начать военную интервенцию на Среднем Востоке. Саддам, который и внешне весьма несимпатичен, **страдает, кроме того, от недостатка самоуважения.** (Обратите внимание, как редко он выступает по телевидению. Вместо него речи читает внешне похожий на него диктор.) (Bill Thomas, «U. S. Influence Emerging From Persian Gulf War», *The Bakersfield Californian*, March 3, 1991, p. 9.)

2. Достаточно прочитать притчу о милосердном Самарянине (Лк. 10,25–37), чтобы понять, что имел в виду Христос, когда учил нас любить ближних, как самих себя. Всякий, кто извращает эту заповедь и делает из нее заповедь о любви к себе, читает в Писании то, что хочет прочитать, и делает это из эгоистических побуждений.
3. После того, как я написал это, я натолкнулся на следующее высказывание Дэвида Симендса, одного из ведущих специалистов психотерапевтической школы по лечению воспоминаний:

Иисус сказал, что мы должны любить Бога всем сердцем и

ближних, как самих себя. Любовь к себе так же необходима для личной зрелости, целостности и святости, как и любовь к Богу и к другим людям. По сути, чтобы любить Бога и своего ближнего, мне необходимо иметь определенную степень самоуважения и любви к себе. (David Seamands, *Putting Away Childish Things*, Wheaton: Victor Books, 1982, p. 114.)

4. David A. Seamands, *Healing Grace* (Wheaton: Victor Books, 1988), p. 141–142.
5. Raymond H. Chester, *Do I Really Have Value?* (Fresno, CA: Link Care Missions, 1984), p. 1.
6. Там же, с. 3.
7. Там же, с.20.
8. Там же, с. 22. Виржиния Сатир – пионер движения за самооценку и член Калифорнийской группы за содействие самоуважению. Она умерла в сентябре 1988 г.
9. Там же, с. 23.
10. John Piper, *Desiring God: Meditations of a Christian Hedonist* (Portland: Multnomah Press, 1986), p. 96.

4

Джон Стотт и самоутверждение

Шекспировская Джульетта стояла перед проблемой. Хотя она и знала, что отец Ромео – ярый враг ее отца, она не была готова отказаться от Ромео. «Роза пахнет розой, – сказала она, – хоть розой назови ее, хоть нет». Но, любя Ромео, она была вынуждена принять и его имя, и все то, что оно символизировало, а это решение имело роковые последствия как для ее возлюбленного, так и для нее самой.

Так обстоит дело и с теми христианами, которые в глубине своего сердца знают, что невозможно оправдать Библией стремление больше любить самого себя. Но так как психология старается убедить их в необходимости развивать чувство собственного достоинства, они стоят перед дилеммой. Как могут они делать одно и в то же время не оставлять другого? Роза любви к себе пахнет слишком приятно, чтобы ее отбросить, но они не осмеливаются признаться в этом, так как это может им повредить.

В результате появляются вымученные формулировки, нелогичные выводы и неверные толкования. То, что не согласуется между собой, остается несогласованным, лишь бы было хорошо замаскировано. Они не в состоянии привести места Писания, оправдывающие стремление христианина любить самого себя, хотя и пытаются преподнести их в своей интерпретации.

И поскольку они снова и снова предпринимают подобного рода попытки, будет уместным рассмотреть их поближе. Пример,

который я хочу привести, принадлежит перу не христианского психолога, а популярного евангельского теолога Джона Р. У. Стотта.

В своей известной и хорошо написанной книге «Крест Христа» автор предлагает свое понимание христианского самоутверждения. Он выступает против самолюбия, что само по себе хорошо, но в то же время твердо убежден, что христиане должны себя «утверждать» во Христе. Он настаивает на том, что самоутверждение – важная составная вести о кресте. И это уже нехорошо.

Автор спрашивает: «Чем отличается проявление любви к себе от проявления самоутверждения?» Ответ напоминает скорее бессодержательное рассуждение, чем убедительное объяснение. Но прежде чем вынести свое суждение об аргументах автора, сначала рассмотрим их.

Рассматривая тему христианского самоутверждения, д-р Стотт пишет: «Крест производит переворот в нашем отношении как к самим себе, так и к Богу». Тем самым он хочет сказать, что на вопрос, кто я и как я должен смотреть на самого себя, мы можем ответить, только взирая на крест.¹

Стотт твердо убежден, что мы живем в эпоху, изобилующую «парализующим чувством неполноценности» и «недостатком самоуважения». Причины этого широко распространенного состояния, как он считает, многообразны: полное лишений детство, жизнь среди безжалостного и думающего только о конкуренции общества, политическая, экономическая и расовая дискриминация, мир технологий, который превращает людей в ничтожества, и поведенческие теории, требующие от человека обусловленной реакции. «Неудивительно, – уверяет Стотт, – что сегодня многие люди чувствуют себя ничего не значащим нулем».²

Однако автор достаточно мудр, чтобы отвергнуть основанное на гуманистической психологии учение, усматривающее ответ в человеческих способностях, и справедливо называет это одной из форм самообожествления. Согласно этому учению, человек по природе добр, поэтому должен безоговорочно уважать себя и реализовывать свой потенциал.³ Стотт осуждает тех христиан, которые увлекаются этим учением; еще хуже, считает он, когда они пытаются оправдать себя, ссылаясь на вторую заповедь. Правда, он относится к этому терпимо. «Себялюбие – факт, который необходимо признать, – пишет он, – и принцип, из которого можно исходить, но это никак не заповеданная нам добродетель».⁴ Другими словами, себялюбие – это не то, чему мы должны учиться.

Но затем автор ставит вопрос «Джюльетты»: «Как же мы должны оценивать себя, чтобы не любить чрезмерно и не ненавидеть напрасно?» Автор уверен, что ответ дан в кресте Христовом, который «призывает нас как к самоотвержению, так и к самоутверждению».⁵

Под самоотвержением Стотт понимает следующее: мы должны отворотиться от своего «я», распять ветхую природу и троекратно умереть. Во-первых, мы умираем для закона греха. Во-вторых, мы ежедневно умираем для себя. Для того чтобы «умертвить свою ветхую природу,— пишет он,— нам необходимо сознательно действовать самим, хотя и силой Святого Духа». И в-третьих, мы должны умереть для собственного удобства и безопасности и быть готовыми претерпеть гонения.⁶

Однако, как полагает автор, самоотвержение — это только половина истины. Писание содержит в себе и другую мысль, которая «идет параллельно провозглашенному Иисусом призыву к самоотвержению»: это «Его неявный призыв к самоутверждению», что, как уверяет Стотт, «далеко не то же самое, что и себялюбие».⁷

Это ошеломляющее утверждение. И как же Стотт его отстаивает? Он ссылается на Иисуса и говорит, что каждый, читающий Евангелие, вряд ли сможет поверить, что Иисус «отрицательно относился к людям или требовал такого отношения от других». Как утверждает Стотт, Своим учением, Своими действиями и Своим решением прийти в мир Иисус доказал обратное: Он высоко оценивал людей.

Иисус в Своих беседах говорил о ценности людей, обусловленной тем, что они сотворены по образу и подобию Божьему. В качестве позитивного примера Стотт приводит высказывание одного студента: «Я есть я, и я хороший, так как Бог не делает халтуры». «Возможно, здесь плохая грамматика,— добавляет автор,— но хорошее богословие».⁸

Иисус не только говорил о нашей ценности; Его поведение также не оставляет никаких сомнений в том, что Он «никого не презирал и никого не отталкивал»,— говорит Стотт. Он звал к Себе людей порочных и отвергнутых господствующей системой, служил бедным и голодным и общался с грешниками. Тем самым «Иисус признавал их ценность. Он любил их, и благодаря этой любви их ценность возрастала».⁹

Наконец, мы узнаём, как высоко Он ценил нас, из того, что Он решился прийти в мир, чтобы пострадать и умереть за нас.

«Лишь у креста мы можем понять истинную ценность человека», — пишет Стотт.¹⁰

Таким образом, считает автор, крест доказывает ценность человеческого «я» и в то же время убедительным образом показывает, как мы должны отречься от этого «я». Как разрешить это явное противоречие? Стотт полагает, что это возможно, если признать, что мы не совсем хорошие и не совсем плохие, а представляем собой смесь того и другого. Следовательно, в нас есть как «истинное «я», так и ложное «я», которое появилось в нас вследствие грехопадения Адама. Отвергнутое нами «я» — это наше ложное «я», которому свойственны признаки, несовместимые с личностью Христа. «Я», которое мы «одобряем и ценим», представляет собой сотворенное «я», и к нему относится все то в нас, что совместимо с личностью Христа.

Что же в нас заслуживает одобрения? Сюда прежде всего относятся свойства, заложенные в нас при сотворении: разум, чувство моральной ответственности, приверженность семье, потребность в любви и общении, сознание всё превосходящего Божественного величия и заложенная в нас потребность преклоняться перед Богом и служить Ему. Стотт считает, что под воздействием греха эта часть нашего «я» исказилась; но так как «Христос пришел, чтобы искупить нас, мы должны с благодарностью и самым решительным образом признать эту часть».¹¹

Кроме свойств, заложенных при сотворении, христиане должны положительно относиться и к «новосотворенным» свойствам, к своему новому «я», «созданному по Богу, в праведности и святости истины». Став христианами, мы переживаем преобразование, которое, как полагает Стотт, «изменяет также и наше представление о самих себе». «У нас теперь есть гораздо больше того, что мы одобряем — не хвастливо, но с благодарностью».¹²

Так как во Христе наше представление о себе положительно, то Стотт считает, что христиане поступают неверно, когда, характеризуя себя, употребляют такие слова, как *«ничего не значащий»* или *«недостойный»*. Если Христос считает нас весьма ценными, то мы не можем говорить о себе, как о не имеющих никакой ценности. Затем он пишет: «Существенная часть нашего самоутверждения... — то, чем мы стали во Христе». Мы можем иметь позитивное чувство собственного достоинства потому, что Бог принял нас во Христе.¹³

Свои рассуждения о нашем самоутверждении Стотт заканчи-

вает следующим утверждением: с одной стороны, мы обладаем достоинством, благородством и т.д., но, с другой стороны, наши качества испорчены, так как мы – падшие люди. «Мое истинное “я”, – говорит он, – то, кем я являюсь на основании сотворения, искупления Христом и призвания. Мое ложное “я” – то, кем я стал вследствие грехопадения; но Христос пришел, чтобы уничтожить его».¹⁴

Самоотвержение и самоутверждение – это, по мнению Стотта, законный ответ верующего человека на крест. Крест открывает ему как «данную Богом меру» истинного самоуважения, так и «Богом данный пример отвержения нашего ложного “я”, которое должно быть распято».¹⁵

Критика аргументации Стотта

Таким образом, перед нами аргумент д-ра Стотта: хорошо и необходимо уважать самих себя; это особенно важно и библейски оправдано в эпоху, когда люди страдают от чувства собственной неполноценности, считая себя ничем. Прав ли он? Есть ли у него серьезные, основанные на Писании доказательства своих выводов? Или перед нами еще один пример притянутой за уши логики и искусственно сконструированной семантики?

Начнем с того же, с чего начинает Стотт, – с характерных признаков нашего времени. Принимая во внимание нынешние условия жизни, он считает, что мы живем в период «парализующего нас чувства неполноценности», когда чувство собственного достоинства все больше и больше слабеет. Но сравним наше время с эпохой написания Нового Завета, и мы поймем, действительно ли в наши дни люди страдают от недостатка самоуважения.

Едва ли для новозаветного периода характерна возвышенная социальная среда. Унизительное рабство, ужасающая бедность, неизлечимые болезни, аборт и детоубийство, тысячи брошенных детей, мужская и женская проституция и демонизированный мировой порядок, держащий людей в рабском страхе и суевериях, – всё это лишь некоторые факты, характеризующие жизнь людей того времени. Можно ли сказать, что там было место счастливому детству и «самовыражению» взрослых? Однако Писание написано не для того, чтобы поощрить новозаветных верующих к осознанию своей обусловленной сотворением ценности и помочь им преодолеть угнетающее их чувство неполноценности.

Утверждая, что крест призывает нас уважать самих себя или что Иисус «неявно призывает нас к самоутверждению», Стотт явно извращает текст Писания, вкладывая в него то, чего там нет. Возведя в доктрину чувство собственного достоинства, Стотт вынужден теперь платить высокую цену, пренебрегая логикой Библии.

В свете всего того, что Писание говорит о кресте, просто странно слышать утверждение, что крест призывает нас к самоутверждению. Могу с уверенностью сказать, что крест призывает меня к самоотвержению (Лк. 14,26-33) или к покаянию (Д. Ап. 2,22-39), к смиренному отречению от своего «я» и готовности послужить другим (Фил. 2,5-8), к страданиям, в том числе и незаслуженным, ибо мы к тому призваны (1 Петр. 2,20-25). Он призывает умереть для мира и хвалиться крестом (Гал. 6,14), а также оценить искренность моей веры (2 Кор. 13,5). Просматривая Новый Завет, я не могу вспомнить ни одного места Писания, которое говорило бы, что крест призывает меня уверять себя и других в моей ценности.

Возможно, именно по этой причине аргументация автора так сильно основывается на слове «подразумевается». Он говорит о подразумеваемом призыве Иисуса к самоуважению и полагает, что он так же реален, как и призыв взять свой крест и последовать за Христом или как явный призыв умереть для себя (Лк. 9,23). Стотт основывает свою аргументацию на том, что он характеризует как учение Христа, Его отношение к другим и цель Его воплощения. Последнее мы рассмотрим более подробно.

Значение воплощения

Несомненно, что в учении и служении Иисуса отразилось Его великое сострадание к погибшему человечеству. Да разве могли бы мы ожидать чего-то другого от Того, Кто пришел от Отца исполненным «благодати и истины»? Автор Послания к Евреям выражает это так:

А как дети причастны плоти и крови, то и Он также воспринял оные... Посему Он должен был во всем уподобиться братьям, чтобы быть милостивым и верным Первосвященником пред Богом, для умилоствления за грехи народа (2:14,17).

То, что сделал с нами грех (и здесь нам дан ключ), глубоко

касалось нашего Господа, когда Он был на земле. Как исказился образ человека! Но когда Стотт утверждает, что «Бог не делает халтуры» и «никого не презирал и никого не отталкивал», или когда он говорит: «Иисус признавал их ценность и любил их; и благодаря этой любви, их ценность возрастала», то он утрирует свою аргументацию, игнорируя то, что говорил Иисус о различных группах людей.

Действительно, Иисус считал, что люди ценнее птиц и овец. Но разве Он говорил это Своим слушателям для того, чтобы они почувствовали себя лучше?¹⁶ Не о том ли прежде всего шла речь, чтобы обратить их внимание на Божье милосердие, явленное им, несмотря на греховность их сердец? Из чего видно, что Он хотел утешить народ, страдающий комплексом неполноценности, возбуждая в нем чувство самоуважения? Нет, я скорее готов признать, что, указывая на малых птиц и овец, Он упрекал нас, так как в своем себялюбии мы часто обращаемся с ближними не лучше, чем с животными (см. Лк. 13,10–17), при этом ожидая, что Бог будет оценивать нас так, как оцениваем себя мы (см. Мр. 10,26–31). Изучая Евангелия, нельзя упускать из вида, что Иисус часто прибегал к резким выражениям. Возможно, Он никого этим не оттолкнул, но порой был недалек от этого.

Иисус упрекает города Хоразин, Вифсаиду и Капернаум, давая понять, что в день суда Содому будет отраднее, чем им (Мф. 11). Не отвергал ли Христос этих людей за их жестокосердие? В какой мере Его упреки были способны повесить их самомнение? Он также называет этот жестокосердный народ «лукавым родом» (Лк. 11,29), «лицемерами» (Лк. 12,56) и «сынами диавола» (Ин. 8,44). Какое из этих определений можно объяснить как желание повесить их ценность в собственных глазах?

В Матфея 23 Иисус семикратно провозглашает «горе» фарисеям и книжникам. И далее Он говорит: «Змии, порождения ехиднины! как убежите вы от осуждения в геенну?» (ст. 33). Это горькая пилюля. Учитывая строгость, с какой Христос осуждал этих людей, мы должны спросить себя: каким же образом Его слова помогали им испытать «возрастание своей ценности»? Может быть, речь идет скорее об отвержении?

Как нам понять слова автора, что любовь Иисуса к людям повышает их ценность? Каким образом? Если Стотт полагает, что Иисус дал людям возможность больше ценить самих себя (а я думаю, он понимает именно так), то мы вынуждены спросить себя:

правильно ли понят здесь Иисус? Самолюбие, наполнявшее сердца людей, уже само по себе было греховно. Если бы к их и так сверх всякой меры раздутому самомнению добавить что-то еще, то это только укрепило бы корни их эгоцентричности. Многие из тех, кого Иисус любил, отошли от Него, а некоторые даже требовали Его распятия.

Разве в действительности Иисус не стремился научить людей ценить своих ближних так, как они ценили себя? Каждым словом и делом Иисус учил народ заботиться о благе своих ближних так же, как о своем, и быть всегда готовыми доказать любовь к ближнему на деле, не жалея на это сил и времени. Не думаю, что именно это имел в виду Стотт, говоря о «возрастании ценности». Если в словах и действиях Иисуса Стотт находит призыв к самоутверждению, то он проглатывает верблюда, а комара отцеживает.

Видимо, будет гораздо ближе к духу Писания сказать, что Иисус хотел словом и делом открыть истинную сущность Бога народу, слепому из-за своей греховности (Мр. 7,6–23). Он делал это не для того, чтобы повысить в них чувство собственного достоинства, а для того, чтобы освободить их от рабства самообожествления и привести к правильным отношениям с их Создателем.

Как чудесно иллюстрирует эту истину рассказ о слепом у Иерихона (Лк. 18,35–43)! Слепой кричал, умоляя Иисуса помиловать его (ст. 38). Когда «шедшие впереди» заставляли его молчать, он стал кричать еще громче. Только Иисус мог сделать то, что требовалось здесь сделать. И Лука рассказывает нам:

Иисус, остановившись, велел привести его к Себе. И, когда тот подошел к Нему, спросил его: чего ты хочешь от Меня? Он сказал: Господи! чтобы мне прозреть. Иисус сказал ему: прозри! вера твоя спасла тебя. И он тотчас прозрел и пошел за Ним, славя Бога; и весь народ, видя это, воздал хвалу Богу.

Давайте же подражать ему!

Показывает ли крест нашу ценность?

Свое притязание на самоутверждение Стотт основывает не только на словах и делах Иисуса, но и на ценности человека, явленной посредством креста, то есть на том, что наша ценность

обусловлена сотворением, которое Христос обновил, а также нашим призванием. Так как я уже приводил некоторые из качеств, которые, по мнению Стотта, обусловлены сотворением и обновлены Христом, я не буду снова возвращаться к этому.

Достаточно сказать, что Бог действительно «не делает халтуры». Однако было бы неверным заключить из этого, что я «хороший». Разве не человек, восстав против Бога, сделал плохое из того хорошего, что сотворил Бог? Как написал Джозеф Аллайн:

О бедный человек! Каким отвратительным чудовищем сделал тебя грех! Бог «немного унизил тебя пред Ангелами», грех же сделал из тебя нечто не намного лучшее дьявола.¹⁷

Да, Бог наделил нас многими способностями и дарами в похвалу Его славы. Да, Он поставил нас владычествовать над землею, чтобы мы употребляли свои способности и дарования также в похвалу Его славы. Тот факт, что мы служим Ему, несколько не умаляет наше величие, но отражает то, что Он сотворил нас по Своему образу и подобию. Это чудесные и в то же время смиряющие нас истины. Но верно и то, что каждую из этих способностей мы употребили против Него и, лишая Его подобающей Ему славы, утратили и свою.

Из-за своих грехов я уже не могу притязать на то, чтобы Бог относился ко мне, как к Своему ценному творению; я утратил всякое право на Его милосердие. И разве не чудо, что я вообще получил от Него жизнь, не говоря уже о дарованной мне жизни во Христе? Истина такова: какой бы ни была моя обусловленная сотворением ценность, она не избавит меня от ада, если только я не упаду к ногам Иисуса в искреннем раскаянии за свои грехи.

Тот факт, что человек сотворен по образу Божьему, с момента грехопадения утратил решающее значение для человечества; решающим стало то, во что мы превратились. Во внимание принимается не наша ценность, а то, что мы заслужили. Речь идет не о нашем самоуважении, а о нашей испорченности. Вопрос не в том, какова моя ценность, но каким образом я могу примириться с Богом. При таком положении вещей моя «обусловленная сотворением ценность» не играет никакой роли. Одно лишь имеет значение: «во Христе» я или нет. Бог сотворил меня по Своему образу, но это ни в коей мере не обязывает Его спасти меня и любить, как Он это делает. Мое греховное «я» – это не ложное «я», а то, что я собой представляю от рождения. Мы «по природе чада гне-

ва» (Еф. 2,3) и останемся таковыми, если не станем новым творением во Христе.

Если мы пытаемся использовать аргумент обусловленной сотворением ценности человека, чтобы сознательно содействовать росту его самоуважения, и к тому же утверждаем, что это необходимо и соответствует Писанию, то мы оказываем весьма плохую услугу Евангелию. Да, злоупотребляя этим аргументом, мы возбуждаем подозрение в желании завуалировать ужасный образ грешного человека, как он предстает перед нами в Писании.

Однако Бог предлагает нам именно такое описание человека. Если сказано, что гнев Божий пребывает на нас (Еф. 2,3; Ин. 3,36), то совсем не ясно, каким образом повышенное самоуважение, основанное на нашей обусловленной сотворением ценности, должно отвечать нашим человеческим потребностям. Указанные стихи говорят о нашей судьбе, а не ценности. И эта судьба решается не в пределах размытых границ нашей обусловленной сотворением ценности.

Согласно воле Божьей, мы должны понять эти факты, и жизненно важно, чтобы мы их поняли. Если мы говорим о нашей обусловленной сотворением ценности, то должны делать это лишь для того, чтобы обосновать учение о нашей испорченности, как это показал Аллайн в приведенной выше цитате. Посмотри, кем ты должен быть! А также смотри, что из тебя получилось!

Суть Благой вести не в том, чтобы показать нашу обусловленную сотворением ценность, оправдывающую наше самолюбование. Благая весть заключается в том, что гнев Божий на грешного, самолюбивого, мятежного человека умиротворен посредством крестной смерти Христа и нам открыт путь к примирению с Богом.

Кто соглашается с аргументом обусловленной сотворением ценности, тот основывается не на Писании, а на истине, «открытой» гуманистической психологией, — поистине опасное основание! Ведь, согласно учению гуманистической психологии, основная проблема человека кроется не в его греховной, самолюбивой природе, а скорее в недостатке самоуважения, в комплексе неполноценности, что побуждает его на «неверные решения» в стремлении к любви и самоутверждению.

Под влиянием «христианской» психологии центр тяжести смещается с греха человека на его «болезнь», с грешных людей на людей больных. И само собой разумеющееся средство лечения таких людей — делать всё, чтобы человек почувствовал себя луч-

ше. Но при этом также само собой разумеется, что крест не сможет дать ему необходимый импульс.

То, что Писание якобы говорит о ценности человека, обусловленной сотворением, оторвано от контекста Библии и присущего ему зависимого отношения к кресту. Более того, эта идея используется для того, чтобы создать конкуренцию ясной и убедительной вести Евангелия, согласно которой призванные следовать за Иисусом призваны также и к тому, чтобы умереть для себя.

Говоря, что крест подтверждает истинную ценность человека, Стотт уводит нас от того, что крест подтверждает в действительности: от великой любви Божьей, «явленной нам во Христе Иисусе» несмотря на нашу глубочайшую греховность и негодность.

Недостойный или негодный?

Да, именно негодность! Стотт не приемлет этого слова и критикует Элизабет Клефан, которая использует это слово в своей песне «У креста моего Спасителя».

В стыде стою я у креста,
Два чуда видя здесь:
Его великую любовь
И свою собственную негодность.

В чем она права, говоря о *негодности*? Не хочет ли она просто обратить наше внимание на то, что она потрясена этим чудом: как негодная, недостойная грешница может обрести спасение?

«Недостойная, — говорит Стотт, — но никак не негодная». Прав ли он? Может быть, Элизабет Клефан превратно понимает благодать и цель креста? Не думаю.

Прежде всего нам необходимо рассмотреть значения этих слов. Стотт под словом «недостойный» понимает, что кто-то чего-то не заслужил. Но Вебстер в своем словаре первым приводит следующее значение: «без заслуг и достоинств, негодный». Какая тонкая ирония! По сути оба слова означают одно и то же. Зачем же вся эта суета? Защитники самоуважения, кажется, ищут определение, которое звучит менее негативно, чем слово «негодный».

Также в высшей степени интересно посмотреть, как различные переводы Библии передают слова из Римлянам 3,12: «Все со-

вратились с пути, до одного негодны». В переводе короля Иакова сказано: «все бессмысленны», а в Новом американском стандартном переводе: «все бесполезны». Здесь грешный человек представлен нам с Божественной точки зрения. Какое бы слово ты ни выбрал, ни одно из них не говорит о росте ценности человека. Греческое слово «ахрэйоо», переведенное как «негодный», передает представление о том, что лишено всякой ценности, бесполезно, бессмысленно и даже отвратительно.

Итак, можно сказать, что грех сделал меня в очах Божьих до такой степени негодным, что я стал Ему противен. И если читать Римлянам 3,12 в контексте, этот вывод подтверждается. «Один твой вид отвратителен для Меня». Так говорит Бог всем, кто вне Христа.

Психологи могут возразить, что, так выражаясь, мы создадим нашим детям серьезные эмоциональные проблемы. Но здесь Бог обращается к людям, которые не знают Христа как своего Господа и Спасителя. Употребленное в этом смысле значение слова «негодный» делает шаг вперед по сравнению с тем, что хочет сказать Стотт словом «недостойный». Ничто не должно препятствовать нам и дальше петь песню Элизабет Клефан.

Истинно то, что Бог во Христе любит меня так же, как любит Своего единородного Сына. Ни один человек не может проникнуть в тайну этой любви. Ну и что же? Даже если я не могу понять ее, я могу прославлять ее. Более того, при виде этого величайшего чуда я в благоговении повергаюсь ниц перед Ним. Меня, негодного грешника, Бог принял в число Своих сыновей, омыл, очистил и одел в одежды праведности Христовой. Даже моя вера — Его дар. Что за милость!?

Так неужели эта милость призывает меня обратить крест Христа в собственное достоинство, которое я могу приписать на свой счет, или в истину, которая освобождает меня и позволяет видеть свою проблему не в плотской природе, а в чувстве неполноценности? Неужели она показывает, как я могу «вылечить» свою проблему, дружески обращаясь ко мне и утверждая меня в самоуважении? Ответ очевиден.

Бог любит меня — чудо из чудес! Я лишь отдаленно представляю себе, что это означает, и, чтобы ответить Ему на это, хочу призвать на помощь слова песни «У креста моего Спасителя»:

В тени креста стою я,
В душе сомнений нет.
Господь, в Тебе хочу пребыть,

Ты мне и жизнь, и свет.
Не нужно мне ни благ земных,
Ни почестей мирских.
Твой крест теперь мне все во всем
В скитаниях моих.

Дух Святой написал через Своего раба Иоанна: «Достоин Агнец закланный принять силу и богатство, и премудрость и крепость, и честь и славу и благословение» (Откр. 5, 12). Мы должны постоянно подчеркивать: крест учит нас не нашей ценности, а великой ценности нашего Спасителя. Он, а не мы, достоин чести и хвалы.

Хочу еще раз повторить: никто не может стоять перед крестом и в то же время рассматривать себя в зеркале. Говорить же, что крест и Христос учат нас умереть для себя и в то же время уважать себя, – противоречие. При этом даже подмена значений слов не может улучшить неверное учение.

Если действительно уважение к самому себе так важно, то возникает вопрос: почему Бог ясно не открыл это в Своем Слове? Почему Он хранил это в тайне, так что Его Церковь была вынуждена две тысячи лет ожидать откровений «христианской» психологии, прежде чем смогла постигнуть всё «значение» креста?

Также я спрашиваю себя: почему призыв к самоотречению не включает в себя и постоянную заботу о моей ценности, или самоуважении, или самолюбии, или самоутверждении? Я удивляюсь христианству, которое настолько бедно и слабо в вере, что постоянно – письменно или устно – ищет слова, чтобы оправдать себя. Я спрашиваю себя: что побуждает нас сегодня помешать эту тему в центр внимания?

Как бы мы ни пытались скрыть это, но я сам делаю себя центром собственных интересов. Идет ли речь о самоуважении, самооценности, самолюбии, самоутверждении – как бы мы это ни выражали, – нам трудно избежать соблазна, исходящего от слова «сам». От него исходит притягательная сила гордости и эгоцентризма. Но как согласовать постоянную ориентацию на самого себя с личностью Иисуса? Что наполняет мой внутренний мир, тому я и служу и перед тем преклоняюсь.

Не знаю, как другим, но мне недостает компетентности, чтобы провести разграничение между «библейским» и «плотским» самоуважением. Да и есть ли оно вообще? Писанию чужда идея о необходимости изучать Слово Божье, чтобы найти подтверждение собственному самоуважению. Поэтому я почти в ужасе от

того упрямства, с каким некоторые настаивают на том, что такой взгляд библейски обоснован.

Центральной темой Писания является не мое «я», не моя самоценность, а Бог и Его чудные качества, открывшиеся нам в Иисусе Христе. Почему нам так трудно понять это? Мы сотворены и искуплены, чтобы восхвалять Его.

Как точно определить подобающее самоуважение, или соответствующее самолюбие, или законное самоутверждение? Как я узнаю это? И когда мне станет ясно, что я достиг этого? Кто это решает? Как мы можем знать, что наше суждение объективно и наше мнение совпадает с мнением Святого Духа? Нет, мы не можем сами решить это; весь процесс настолько субъективен, что не поддается контролю со стороны Писания.

Как напоминает нам автор Послания к Евреям, тела определенных для всесожжения животных сжигались вне стана. Потому «и Иисус,— говорит он,— дабы освятить людей Кровию Своею, пострадал вне врат». Сознывая это, мы должны выйти «к Нему за стан, нося Его поругание; ибо не имеем здесь постоянного града, но ищем будущего» (Евр. 13,12–14).

В качестве практического и убедительного толкования этих стихов послушаем Джорджа Мюллера. Он завершит наш разговор о самоутверждении, которое рассматривает Стотт в своей книге.

Когда кто-то спросил Мюллера о секрете его успеха, он не сказал: «На основании того, что сделал для меня Христос, я научился и отвергать, и уважать себя». Нет, он дал следующий ответ:

Был день, когда я умер, совершенно умер. Я, Джордж Мюллер, умер для своих собственных мнений, своих любимых занятий, своих вкусов и своей воли; я умер для мира, его одобрения или осуждения; я умер даже для одобрения или порицания братьев и друзей. С того времени я стремлюсь только к тому, чтобы Бог одобрил мои дела.¹⁸

Видимо, Мюллера не беспокоила потребность в самоутверждении и для него не было проблемой предать свое «я» смерти. Его сердечным желанием было одно: засвидетельствовать людям о чудесной реальности его Господа, а самому радоваться в своем Боге. И, кажется, ему это хорошо удалось.

По-видимому, Мюллер, как и тысячи верующих в истории Церкви, совершенно просто, с радостью воспринял то, чему учит Писание: «Да и все почитаю тшетою ради превосходства позна-

ния Христа Иисуса, Господа моего: для Него я от всего отказался, и все почитаю за сор, чтобы приобрести Христа» (Фил. 3,8).

Примечания

1. John R. W. Stott. *The Cross of Christ* (Downers Grove: Intervarsity Press, 1986), p.274.
2. Там же.
3. Там же, с. 275.
4. Там же, с. 276.
5. Там же.
6. Там же, с. 280.
7. Там же, с. 281.
8. Там же.
9. Там же.
10. Там же.
11. Там же, с. 282–283.
12. Там же, с. 283.
13. Там же, с. 284.
14. Там же, с. 285.
15. Там же.
16. К сожалению, утверждения психологии о том, что мы страдаем от недостатка самоуважения и что нам надо больше любить себя, совершенно расходятся с другой, весьма интересной информацией, согласно которой такая точка зрения не подтверждается действительностью.
Дэвид Г. Майерс в своей книге «Самодовольное “я”» (*The Inflated Self*) обращает внимание на следующий факт:

Согласно всеобщему пониманию, большинство людей страдает синдромом «я плохой – ты хороший». Однако исследования показали, что Вильям Саройен стоит гораздо ближе к

истине, когда говорит: «Каждый человек – это хороший человек в плохом мире, как он сам хорошо знает» (с. 21).

Чтобы обосновать свое понимание, Майерс приводит некоторые примеры. В числе прочего он упоминает экзаменационный вопрос, задаваемый школьникам при поступлении в колледж. Абитуриентам предлагается сравнить себя со своими школьными товарищами. Майерс сообщает: «Из ответов (насколько они доступны в последние годы) следует, что студенты Америки не страдают чувством собственной неполноценности» (с. 24). Затем он продолжает:

Обратите внимание, насколько этот результат противоречит общепринятому убеждению, что большинство из нас страдает от недостатка самоуважения... Нет, большинство из нас не страдает тем, что считает других лучше себя (с. 24).

17. *The Golden Treasury of Puritan Quotes*, compiled by I. D. E. Thomas (Chicago: Moody Press, 1975), p. 266.
18. Roger Steer, «Seeking First the Kingdom», *Discipleship Journal*, Issue 35 (1985), p. 24.

5

В пустыню виктимизации

Слова, которые мы используем в повседневных разговорах, многое говорят о нашем мировоззрении. Больше, чем мы сами это замечаем, они отражают действительность так, как мы ее видим. Таким образом, пусть даже несознательно, мы даём ими знать о своей позиции.

К примеру, слово «чувствовать». Прекрасное слово, выразительное слово, часто неверно используемое в нашем обществе. Как часто мы слышим выражение: «Я чувствую, что это должно быть так», когда в действительности имеется в виду: «Я полагаю (или думаю), что это должно быть так». Нельзя чувствами выразить мысли.

Совсем недавно я читал работу одного студента, где он полемизировал с учением известного педагога о четырех моментах образования. Анализируя каждый пункт, студент всякий раз начинал словами: «Так-то и так чувствую...» Я уверен, что и у того ученого были чувства, в том числе и по отношению к своему учению, однако же он ясно его обдумал и выразил. Выбор слов этого студента указывает на тенденцию, существующую в нашем обществе, которое все чаще предпочитает описывать жизнь при помощи эмоциональных выражений. Возможно, это – наследие поколения, в отчаянии соприкоснувшегося со своим внутренним миром?

И наибольшая ответственность за такую подмену значения слов лежит на психологии. Ее лексика стала ходовым инструмен-

том для описания нашей действительности. Так, к примеру, люди, виновные в таком грехе, как насилие над детьми, называются «больными», или «людьми с нарушенной психикой», хотя эти определения не имеют ничего общего со словом «грешник».

Но что меня действительно тревожит, так это то, что христиане не только не оказали ни наименьшего сопротивления этой тенденции, но и сами легко следуют ей. Все чаще мы встречаем подмену библейских определений психологическими – и притом в таком масштабе, что это влияет на наше понимание христианской веры. Один христианский психолог сказал так: «Лечение психических заболеваний преследует ту же самую цель, что и христианская вера: здоровое, нормальное человеческое поведение».¹

Странно, когда произошло изменение цели? Я всегда был убежден, что сущность христианской веры заключается в том, что Бог явил «в грядущих веках преизобильное богатство благодати Своей в благости к нам во Христе Иисусе» (Еф. 2,7).

Одна фраза особым образом показывает огромное влияние психологии на христиан. Она звучит так: «Люди наполнены болью» – и отражает всё возрастающее изменение как нашего понимания Евангелия, так и его провозглашения. Недавно на одном из наших богослужений это стало мне особенно ясно. Молодой член певческой группы просил нас «ближе познакомиться людей с Иисусом, так как они наполнены болью».

Это весьма ходовая фраза в наши дни. Мы читаем ее в миссионерских листках, слышим с кафедры, она звучит в беседах верующих между собой. Но буквально несколько лет назад христиане говорили: «Все люди – погибшие грешники, они находятся на пути к аду, им необходимо услышать весть об Иисусе». По сути, всякое большое пробуждение и миссионерское движение начинались с осознания этого факта. Подмена слов «люди погибшие» словами «люди наполнены болью» показывает, насколько существенно и изощренно влияет психология на христианское мышление.

Я не уверен, что все мы замечаем эту подмену. Но фраза «люди наполнены болью» вызывает также и изменение понятий. Мы не только приняли этот оборот речи в наш лексикон, но, кроме того, приняли психологическую концепцию виктимизации. А это затрагивает не только наше понимание греха, но и наше понимание освящения.

Делая упор на виктимизацию и наше чувство боли, «христианская» психология переводит наш взгляд с познаваемого и объек-

тивного на чисто эмоциональное и субъективное. А это, в свою очередь, порождает тенденцию рассматривать грех только на эмоциональном уровне, вместо того чтобы в свете Писания искать лежащие в его основе мотивы, мысли и вытекающие отсюда поступки. Эта тенденция – полная противоположность тому, что делает Бог, когда требует ответа от Каина (см. Быт. 4,2–7). Бог как бы лишает Каина права на его чувства. Сегодня уже не так. В этой связи хочу привести один интересный пример.

После того как епископы Епископальной церкви с трудом отклонили требование о посвящении в сан гомосексуалистов, они объединились в совместном коммюнике, где, между прочим, сказано:

Мы сознаём, что действовали бы вопреки Евангелию, если бы игнорировали **мучительный крик** мужчин и женщин гомосексуалистов, которые **чувствуют боль, отвержение и гнев из-за того**, что они видят сами в себе. И в то же время мы сознаём, что действовали бы вопреки Евангелию, если бы проигнорировали или просто называли гомофобией **мучительный крик** мужчин и женщин, которые **испытывают боль, отвержение и гнев из-за того**, что не признается грехом то, что они считают таковым.² (Выделено мною.)

Вот как?! Неужели уже нет никого, кто спросил бы, а что же говорит об этом Писание?

Эмоциональная поглощенность нашей виктимизацией – новый и более предпочтительный путь к христианской зрелости. И, как мы увидим, к жертвам относятся не только неспасенные люди; нет, спасенные – тоже жертвы, которые учатся преодолевать свою виктимизацию. Их можно назвать «выздоровливающими жертвами».

Освящение через виктимизационную терапию?

Итак, довольно странный путь к духовной зрелости, к тому же путь, который нелегко обнаружить в Писании. Тот факт, что многие верующие – пасторы, учителя, душепопечители, предприниматели и т.д. – с энтузиазмом воспринимают этот путь, лишь показывает, как далеко зашла евангельская церковь в восприятии искаженного взгляда на человека и его проблемы.

Я не могу дать окончательный ответ на вопрос «почему?», однако хочу показать, что этот путь явно противоречит Слову Божьему. Я хочу показать, что аргументы психологии ни в коем случае не могут быть соединены с последовательным, изложенным в Писании взглядом на мир или с библейской доктриной о продолжающемся освящении. В действительности речь идет об искаженном мировоззрении, которое угрожает разрушить библейское учение. Невозможно соединить мировоззрения, которые в своей сути противоречат друг другу. По крайней мере, одно из них должно быть подвергнуто изменению.

Возможно, наилучший способ живо представить себе эти противоречия – это добавить к множеству фактов немного воображения. В этой главе мы дадим простор воображению. Мы сделаем шаг в далекое прошлое и нанесем визит апостолу Павлу, став при этом слушателями придуманной нами беседы. А в следующей главе мы детальнее рассмотрим затронутые здесь вопросы.

* * *

61-й год после Рождества Христова. Павел сидит за столом в арендованном им доме в Риме. Перед ним лежат два или три открытых пергаментных свитка. В стороне, в углу, разместился римский солдат. Он напоминает нам о том, что Павел находится под домашним арестом, ожидая суда или, что более вероятно, скорого освобождения. Обвинение против него абсолютно необоснованно.

Обстоятельства не смогли помешать апостолу проповедовать Евангелие каждому, кто имеет уши, – большим и малым, друзьям и врагам. Они также не смогли воспрепятствовать его обширной переписке с церквями в Македонии и провинции Малой Азии. Он увещал их, поправляя и наставляя в здравом учении. В этот момент его секретарь сидит с ним за столом и скрипучим пером записывает на пергамент то, что говорит Павел. Павел пишет послание молодой церкви в Колоссах, и если мы прислушаемся, то поймем, что он диктует как раз Колоссянам 3,1–17. Затем, закончив стих 17, Павел поворачивается к двум мужчинам, которых мы раньше не заметили.

На удивление, эти мужчины одеты по моде конца 20-го века; их своеобразное поведение позволяет нам без труда узнать, кто перед нами. Действительно, это христианские психологи! Они сидят здесь, но стулья первого века кажутся им не очень-то удобны-

ми. Один из них, невысокого роста, коренастый и бородатый, нервно закинул ногу на ногу. Время от времени он поправляет свои сползающие очки и с серьезной миной смотрит сквозь толстые стекла в тяжелой оправе. Другой господин сидит неподвижно, опустив свои покатые плечи и слегка наклонив вперед голову. При этом большим пальцем левой руки он то и дело поигрывает своей шариковой ручкой, так что в помещении раздаются громкие шелчки.

Секретарь сердито посмотрел на него; он только что закончил писать и сунул перо в стоящую справа от него чернильницу.

– Видите ли, господа, – начал Павел, – кто-то в Колоссах пытается поколебать веру наших братьев в то, что Господь Иисус Христос достаточен для нашего спасения. О, как бы я хотел сам отправиться туда, чтобы встретиться с этим мошенником! Но на данный момент хватит одного письма. Если у них перед глазами всегда будет наш воскресший Господь и они будут умерщвлять свою плоть силой Духа Святого, – они одержат победу. Но им необходимо познать, что Христос для них – всё во всем, в Нем они имеют всё. Им не нужен другой посредник. Лишь таким образом они смогут уподобляться Ему в своих чувствованиях и поступках. Там, где речь идет об укреплении в вере, нет ничего большего, чем сила Христова. А как думаете вы, уважаемые господа? Нужно ли мне написать еще что-то? Может быть, вы тоже пошлете им слово ободрения?

Последовала пауза; оба психолога обменялись быстрыми взглядами. Затем заговорил господин с шариковой ручкой. Согласно табличке с именем на отвороте пиджака, его зовут Секунд.

– Ну что ж, Павел, то, что ты пишешь, в общем-то отлично. Нельзя терпеть неверное поведение, и христиане должны это знать. Только я боюсь, что своими словами ты причинишь им глубокую боль. – Секунд замолчал и посмотрел в пол, будто надеясь найти написанные там подходящие слова.

Тишину нарушает только монотонное шелканье. Он не замечает, что Павел с удивлением поднял брови. В этот момент в разговор включается второй психолог. Его имя Гессий. Он смотрит поверх очков и произносит:

– Да, Павел, тебе должно быть ясно, что в действительности поступки большинства людей отражают особенности их виктимизации.

– Что-что? – спрашивает Павел.

– Видишь ли, Павел, – продолжает Гессий, – люди наполнены

болью, и даже если они отрицают это, все же чувствуют себя израненными, так как испытали в этом мире многочисленные разочарования.

— Ах, думаю, теперь я понимаю, что вы хотите сказать,— прерывает его Павел.— Да, да, все мы поражены грехом, и последствия этого трагичны. Все мы по своей природе стали чадами гнева, все отвратились и стали негодными, испорченными людьми.

— Ну да, только здесь, Павел, более уместным было бы слово «недостойными». В конце концов, Христос ведь умер за нас, поэтому не совсем уместно называть себя негодными,— снова заговорил Секунд, немного нервничая.— Но я думаю, ты не совсем правильно понял то, о чем говорил Гессий. Для того чтобы быть в состоянии осознать себя грешниками, мы прежде всего должны признать себя жертвами. (Брови Павла снова поползли вверх.) И мы обязаны со всей серьезностью учитывать это, призывая верующих подражать Христу. Мне нравится, как выразил это один из моих коллег. Он сказал: «Прежде, чем мы увидим себя виновными, нам нужно осознать себя израненными жертвами».

— Да, Павел,— вставил Гессий,— каждый из нас в большей или меньшей степени виктимизирован. Некоторые пережили жестокое насилие над собой, и их самоуважение равно нулю. Эта скрытая боль побуждает их искать любви и уважения не там, где надо, и их жизнь проходит в отчаянии и поражениях. Даже христиане страдают от этого; они могут много молиться, читать Библию и стараться быть послушными Богу, но свободы не достигают.

— Минуточку,— перебил его Павел со стальной ноткой в голосе.— Я не могу согласиться с ходом ваших мыслей. Конечно, мы страдаем от последствий нашего рабства греху и с течением времени получаем много болезненных ран. Однако мы не должны терять из виду две вещи.

Во-первых, все мы согрешили и лишены славы Божьей — а это перед лицом святого Бога не мелочь! Мы по природе грешники и заслужили Его гнев. Удивительно, но я пока так и не услышал от вас упоминания об этом основополагающем факте. Мы не можем умалять его значение тем, что вместо этого говорим о разочарованиях и недостатке самоуважения. Бог зовет грешников ко кресту. Христос пришел в мир спасти грешников. Без Христа люди живут в злобе и зависти, ненавидят друг друга и, конечно же, ранят друг друга. Я тоже был одним из них. Я многих преследовал даже до смерти. Но Бог богат в Своем милосердии.

Во-вторых, и это в высшей степени важно, помыслите о том, что во Христе мы стали новым творением; прежнее прошло, теперь все новое. Грех уже не господствует над нами. Наш ветхий человек распят со Христом. То, что было до моего прихода к Христу, уже не имеет значения. Теперь Бог за меня, а не против меня. Та же сила, которая воскресила Христа из мертвых, действенна и для меня.

— Согласен. Только то, о чем ты говоришь, еще не все,— возразил Секунд.— Видишь ли, Павел, даже приняв Христа, люди в определенных обстоятельствах могут поступать недостойно, так как не в состоянии сами помочь себе. Какой-то тихий голос внутри них как бы говорит им: «Смотри, вот путь обрести значимость и любовь» или: «Вот возможность компенсировать то непризнание, которое ты испытал в годы юности». Плохие условия, в которых они росли, воздвигли неосознанный барьер между ними и Божьей благодатью. Они нуждаются в чем-то большем, чем простое увещание помышлять о Спасителе как ответе на все их нужды. Эти люди нуждаются во всеохватывающей, профессиональной и, возможно, многолетней помощи и консультациях, прежде чем смогут освободиться от своих оков.

— Секунд,— ответил Павел,— сознаёшь ли ты сам, что говоришь? Конечно, человек без Христа находится в рабстве, но в рабстве своих страстей, а не прежней виктимизации. К злу его влечет собственное сердце. Но если мы говорим о тех, кто во Христе, то я вынужден спросить тебя: разве ты не знаешь, что Бог обещал восполнить всякую нужду Своего народа по богатству Своему в славе, Христом Иисусом? Согласно Его обетованию, никто из нас не подвергнется искушению сверх сил. Или ты не веришь Ему? Не нужно забывать, что действующая в нас сила может сделать несравненно больше того, о чем мы просим или помышляем. Может быть, этот «тихий голос» побуждает людей к греху, будучи связан не с условиями жизни, а с нашептываниями сатаны?

— Но, Павел, ты впадаешь в идеалистические крайности,— протестует Гессий.— Недостаточно просто сказать «нет», как ты пишешь колоссам. Многие настолько обременены и изранены своим прошлым, что терпят неудачи в хождении перед Богом и потому впадают в отчаяние. Нет, призыва взирать на Христа недостаточно. Вред, причиненный людям, слишком изощрен, и бремя слишком тяжело, чтобы они могли так просто стряхнуть все это. Им нужен помощник с соответствующим образованием, как уже ска-

зал Секунда, который поможет им вернуться в прошлое, обнаружить скрытые раны и обработать их. Лишь тогда они смогут получить освобождение, смогут простить, чтобы и им было прощено. Думаю, ты должен понять это.— Этими решительными словами Гессий закончил свою речь.

— Гессий, почему ты уничижаешь крест Христов? — спрашивает Павел.— Разве он не стал для нас премудростью от Бога, нашей праведностью, святостью и искуплением?

В глазах Гессия вспыхивает досада, но Павел твердым голосом продолжает:

— Позвольте мне, уважаемые, объяснить, что я получил от Господа. Я изо дня в день живу с жалом в плоти, с ангелом сатаны, который удручает меня, и дал мне его Сам Господь. (При этих словах психологи переглянулись, а Гессий украдкой подмигнул.)

Если мы хотим говорить о ранах, я тоже имею их, и мои раны исходят непосредственно от Бога. О, я никак не могу сказать, что они приятны! Чужда ли Богу «безусловная любовь»? Нет. Бог знает мои потребности и может удовлетворить их. Я с благодарностью преклоняюсь перед Ним и принимаю ограничения, ибо именно таким образом Он дает мне познавать Его величие и милость. Возможно, иначе я не смог бы испытать их.

Он сказал мне и научил меня, что Его благодати достаточно, чтобы преодолеть все, что хочет лишить меня радости в Нем. Чем больше я сам по себе немошен, тем могущественнее проявляется во мне Его сила. Поэтому пора заканчивать разговор о наших болезненных разочарованиях и о том, что они мешают нам жить в радостном послушании Богу. Давайте все трудности принимать из руки нашего Господа, как наказание, позволяющее нам быть соучастниками Его святости.

Хочу также повторить то, что уже говорил моим братьям в Риме. Должны ли мы грешить, чтобы умножилась благодать? Сохрани нас Бог от того, чтобы искать извинения, оправдывающие грех. Когда мы умерли со Христом, мы стали мертвы для греха и воскресли для новой жизни в Нем. Неужели это не включает в себя наши так называемые болезненные разочарования? Теперь мы живем силой Божественной благодати через веру во Христа. Ваши высказывания напоминают мне о том, что в свое время я писал галатам: «Так ли вы бессмысленны,— спрашивал я их,— что, начав духом, теперь оканчиваете плотью?»

Конечно, сатана будет делать все возможное, чтобы мы не

верили в это. Он хочет внушить нам, что мы все еще находимся под его властью. Также нам приходится вести нелегкую борьбу со своей плотью. Я сам пережил это. Плоть противится всему тому, к чему побуждает меня дух. Во мне, вернее в плоти моей, не живет ничего доброго. Но благодарение Богу, через Иисуса Христа, Господа нашего, я уже не должник плоти!

Дух Божий живет во мне. И этот живущий во мне Дух служит живым доказательством Божьей любви ко мне. Все это дает мне уверенность в том, что я могу победить похоти своей грешной природы. Я могу быть послушным Богу и вести жизнь праведности, мира и радости во Святом Духе. Нет, я далек от того, чтобы считать себя совершенным. Однако я стремлюсь вперед и благодарю Бога, что ничто уже не может отлучить меня от Его любви. Хотя я и несовершенен, я должен стремиться к совершенству святости и благоговения перед Богом. Во мне живет горячее стремление возрасть в познании Христа. И это стремление, ставшее характерной чертой моей жизни, должно характеризовать и жизнь каждого верующего.

– Боюсь, ты слишком строг, Павел, – сказал Секунд. – Позволь привести для примера гипотетическую ситуацию. Ты только что призывал колоссян умертвить свои земные члены. Теперь представь, что кто-то из них не справился с этим. Мучимый чувством стыда и страха, он снова и снова дает место этому греху. Человек нуждается в помощи, его нельзя отталкивать. Недостаточно только требовать от него контроля над своим поведением. Ему нужно помочь выявить, что подсознательно толкает его на нарушение Божьей заповеди, что владеет им и заставляет думать о том, что, например, сексуальная активность принесет ему удовлетворение. Его чувство собственного достоинства было в прошлом чем-то уязвлено. Возможно, отец упустил что-то в его воспитании, и теперь он пытается самоутвердиться своими действиями, хотя и не так, как надо. Он желает освободиться, но вынужден признать, что не может справиться с этим, тем более, что, по всей вероятности, не знает причины. Я считаю, что неверно осуждать этого человека. Он – всего лишь жертва, пойманная в сети виктимизации. Можешь ли ты войти в его положение? Разве ты не должен сострадать ему?

– Я готов сострадать каждому, кто скорбит о своих грехах. Печаль ради Бога производит неизменное покаяние ко спасению. А спасение, Секунд, означает, что теперь у человека есть сила

покончить со своим распутством и радоваться своему положению во Христе. Спасение будет побуждать его проявлять личное усердие в том, чтобы представить себя Богу чистым и получить Его одобрение. Конечно, есть и мирская печаль, которая не изменяет сердце и производит смерть. Скажи мне, какую из них проявляет твой гипотетический блудник?

Думаю, нам пора заканчивать эту беседу,— сказал Павел, и теперь в его голосе прозвучала предостерегающая нотка.— Вы говорите вещи, которые противоречат Слову Божьему. Будьте осторожны! Смотрите, чтобы кто не увлек вас философией и пустым обольщением, по преданию человеческому, по стихиям мира, а не по Христу. Разве крест — не сила Божья ко спасению всякому верующему? Разве Бог лжет, когда говорит нам, что мы можем противостоять искушению?

Ваш блудник — не жертва чего-либо. Он обожествляет самого себя и служит своему идолу сладострастия. Как сказал Осия об Израиле: «Привязался к идолам Ефрем; оставь его!» Того человека, который живет в сексуальной распушенности, тоже нужно предостеречь. Его поведение вызывает подозрение, что он не имеет части в Царстве Божьем. Кто говорит, что ему недостает необходимой помощи, чтобы измениться, тот отвергает суверенную власть Бога. Зачем вы предлагаете ему извинение, за которым он может скрыть свое идолопоклонство? Ведите его снова ко кресту, от которого он отошел, а не к его прошлому, которое во Христе уже не имеет никакого значения. У креста он найдет прощение. Там он будет омыт; там он сможет поистине испытать любовь Божью. Там он найдет силу для победы.

Я повторяю, что Бог зовет ко кресту только неправедных. Там они получают новую жизнь во Христе. Мое слово к филиппийцам затрагивает и эту тему: «Говорю так не потому, чтобы я уже достиг или усовершенся; но стремлюсь, не достигну ли и я, как достиг меня Христос Иисус. Братия, я не почитаю себя достигшим; а только, забывая заднее и простираясь вперед, стремлюсь к цели, к почести высшего звания Божия во Христе Иисусе».

— Видишь ли, Павел, мы ведь об этом и говорим,— сказал Гессий.— Было бы чудесно, если бы все достигли совершенства; но все не могут, потому что поведение некоторых людей обусловлено их прошлым. Прошое будет преследовать их, пока они не получат необходимую помощь. Павел, всякая истина исходит от Бога, независимо от того, дана она через откровение или найдена чело-

веческими усилиями. То, о чем мы говорили тебе, тоже истина, как и то, что ты говорил нам. Твоя неготовность принять ее только усилит в христианах, которым ты пишешь свое письмо, чувство неприятия, боли и травмированности и повредит и без того мало развитому в них чувству собственного достоинства.

– Бог не требует от нас невозможного, Гессий,– ответил Павел,– и Он не лжет. Смотри, чтобы тебе не оказаться противящимся Святому Духу! А теперь я хочу попросить вас оставить меня, так как я и так услышал больше, чем нужно. Я знаю, что теперь вы будете говорить мне о том, как плохо было с моей стороны исключить из Коринфской церкви того развращенного молодого человека за его блудодеяние со своей мачехой. Или начнете упрекать меня за указание братьям в Коринфе даже не есть с тем, кто, называясь братом, продолжает вести развратный образ жизни.

Секунд нервно откашлялся и преувеличенно громко шелкнул своей ручкой. Он повернулся к своему коллеге, который вдруг занялся протираанием своих очков.

– Ну что ж, Павел,– начал, глядя в потолок, Секунд,– мы действительно намеревались говорить с тобой об этом...

Примечания

1. Jim und Phyllis Alsdurf, «The "Generic Disease"», *Christianity Today* (December 9, 1988), p. 34.
2. «Bishops Narrowly Reject Homosexual Ordination», *Christianity Today* (October 22, 1990), p. 55.

6

Еще о виктимизации

Надеюсь, что наша экскурсия в царство фантазии, которую мы предприняли в предыдущей главе, создаст подходящий фон для последующей дискуссии. Хотя время и место действия в ней воображаемы, но проблемы, о которых идет речь, вполне реальны.

Недавно одна молодая женщина объяснила нашему общему другу, почему она решила стать психологом. «Психология, — сказала она, — имеет дело с глубокой болью в сердце человека, чего Писание не делает».

Неужели она пришла к такому пониманию, изучая Писание? Если нет, то откуда у нее такое убеждение? Ответ может дать более близкое знакомство с методами «христианской» психологии, которые я назвал «терапией виктимизации». Это учение о методах опирается на ряд предпосылок, не основанных на Библии и затрагивающих радикальные вопросы, касающиеся средств, которые должны служить верующему человеку в деле освящения.

Самоуважение и виктимизация

Самоуважение и виктимизация немыслимы друг без друга. Они неразрывно связаны. Мое чувство собственного достоинства, оказывается, зависит от того, как со мной обращались в пору детства и юношества прежде всего в моем родительском доме. Если

прислушаться к психологии, то родители неизбежно виноваты в том, что у меня мало самоуважения. Правда, мои мысли не всегда заняты этим, разве только мне в руки попадет книга на данную тему (а недостатка в таких книгах не ощущается). Тем не менее мое отношение к Богу и людям связано с пережитым мною в детстве. И если я, став христианином, надеюсь начать вести угодную Богу жизнь, то мне необходимо заняться болью и разочарованиями своего детства. Я должен вытащить их на свет и как бы заново эмоционально пережить.

Как мне сказали, речь прежде всего идет не о том, чтобы я жалел себя или искал виноватых, но чтобы я понял, как поработен болью и разочарованиями прошлого, которые и побуждают меня принимать «неверные решения». Если я пойму это, то смогу освободиться от того, что связывает меня, и начать вести здоровую, плодотворную христианскую жизнь. Действительно, благородное стремление; только с помощью метода, который не находит никакого подтверждения в Писании, редко приходят к цели.

Д-р Ларри Крабб, автор бестселлера «Внутренний мир», относится к числу признанных представителей «христианской» психологии в этой области. Это его высказывания о виктимизации я цитировал в нашей мнимой беседе с Павлом. Я хочу еще раз повторить его выводы – не для того, чтобы именно его здесь выставить; просто его объяснение виктимизации особенно точно формулирует один из основополагающих догматов христианских психологов.

Он утверждает: «Прежде чем мы увидим себя грешниками, нам в качестве самосохранения нужно осознать себя израненными жертвами».¹ Что он хочет этим сказать? По сути, следующее: хотя мы принимали и продолжаем принимать неверные решения, мы никогда не поймем, что нас к этому побуждает, и не перестанем повторять их, пока не увидим их в свете того, как другие грешили против нас, когда мы зависели от них и доверяли им.

Практически это касается каждого. Психология никогда не скромничает в статистике и своих притязаниях. Одна из книг о детях алкоголиков утверждает, что в США их число достигает 28 миллионов и что все они нуждаются в «помощи», чтобы преодолеть причиненный им эмоциональный вред. Если они не получают такой помощи, то навсегда останутся детьми в сфере чувств и передадут свои проблемы потомкам. Масса жертв – и ни одного грешника. А ведь это только начало нашего списка.

Жан Франк в своей книге «Дверь надежды» ссылается на со-

общения в журнале «Жизнь» и «Лос-Анджелес Таймс». «Согласно статистическим данным,— говорится там,— тридцать четыре миллиона женщин в Соединенных Штатах пережили в детстве сексуальное насилие». И далее он пишет: «Согласно недавнему опросу, почти каждый четвертый в Соединенных Штатах чем-то обременен...»²

Это добавляет к 34 миллионам женщин еще 64 миллиона женщин и мужчин. А если мы начнем говорить о созависимости, то соприкоснемся с еще более высокими показателями статистики. Невольно напрашивается вопрос: не призваны ли эти данные послужить личным интересам и самооправданию?

К тому же, здесь, кажется, не имеет значения, христианин ли тот или иной человек или нет. Многие христианские психологи полагают, что каждый человек нуждается в терапии виктимизации. Этот факт должен бы открыть нам глаза на то, какая во всем этом кроется насмешка над новым человеком во Христе.

Модель терапии виктимизации содержит в себе две сомнительные предпосылки. Первая из них заключается в понимании, что если мы не пройдем эту терапию, то в лучшем случае останемся поверхностными христианами, в худшем же случае потерпим кораблекрушение в вере. Суть второй предпосылки в том, что традиционные усилия верующих в продолжающемся освящении, по всей вероятности, напрасны. Хотя ты считаешь, что, изучая Библию, серьезно относясь к молитвенной жизни и пребывая в общении, ты будешь возрастать во Христе, все это, скорее всего, будет не чем иным, как строительством на песке. И все это потому, что тебе недостает очищения, которое достигается только через терапию виктимизации.

Как должны мы относиться к греху?

Терапия виктимизации самым драматическим образом изменяет наше понятие о грехе и наше отношение к нему. Как должна церковь относиться к верующему, который живет в грехе, особенно тогда, когда греховное поведение стало для него привычным делом? На протяжении столетий церковь искала ответ в Писании. Хороший пример мы находим в главе 5 Послания к Галатам. Там Писание ясно говорит о борьбе христианина с плотью и о необходимости «распять плоть со страстями и похотями» и «жить по духу» (Гал. 5,24–25).

Многие места Нового Завета дают такой же совет. Все они учат, что Христос, и только Христос, должен быть нашей славой и нашей победой. Преобразующая сила Божьей любви, которая сообщается нам посредством креста, и действенность и достаточность благодати нашего Спасителя рассматриваются в Писании как эффективное средство, которое верою усваивают все, кто доверяет Ему.

Однако «христианская» психология изменила все это. Недавно я читал сообщение о том, как два христианских психолога лечили «сексуально зависимых» христиан. Один из этих «зависимых» был гомосексуалистом уже двадцать лет.³ Причина его гомосексуального поведения, по мнению консультанта, заключалась в том, что в детстве его семья относилась к нему пренебрежительно. И особенно отец своим отношением заставлял его чувствовать себя нелюбимым, недостойным любви, нехорошим. Так он и рос, не уважая себя, не развиваясь как личность. Такие представления о себе самом сохранились и в пору молодости; он считал себя отверженным другими людьми, и его самоуважение все более понижалось.

Даже после женитьбы он не чувствовал себя любимым и окруженным заботой, пока наконец не испытал первый гомосексуальный опыт в одном из христианских колледжей. С этого времени он все более и более утверждался в своем гомосексуальном поведении. У него не было недостатка ни в попытках стать лучше, ни в советах других христиан, но как то, так и другое не принесло результата. Вместо этого он стал циничным и ожесточился против Бога, Библии и христианства.

Все это выяснилось в процессе интенсивных консультаций. Путь к его «исцелению» был трехступенчатым. Во-первых, он смог примириться со своим престарелым отцом. Затем консультанты заметили, что всякий раз, когда их пациент чувствовал себя отверженным (а это случалось довольно часто), он искал сексуального контакта с партнером мужского пола. Гомосексуальные связи помогали ему избежать этих чувств. Говоря о преодолении искушения, консультанты делали акцент на противостоянии не извращенному желанию, а чувству отверженности, которое снова возбуждало в нем чувство неполноценности. Они помогали ему «изменить мысли об отверженности и вызванные ими чувства». Если это не удастся, то, по их мнению, «он не сможет от всего сердца раскаяться в своих сексуальных грехах».

И, наконец, психологи помогали ему сломить его неверные

представления о вере, которые развились «из негативного понятия о Боге Отце». Ошибочная мысль, что Бог не станет удовлетворять его потребности, была «не чем иным, как проектированием упущений его земного отца на Отца Небесного». Психологи дополняли преобразование, многократно как бы «промывая» его дух истиной Писания, чтобы удалить укоренившуюся там ложь. Таким образом, речь, по сути, шла о перепрограммировании.

В своей статье консультанты упомянули еще один случай, который они лечили таким же образом и с таким же результатом. Здесь речь шла о мужчине, который, несмотря на вроде бы хорошие отношения со своей женой, регулярно встречался с проститутками. Во время виктимизационной консультации психологи обнаружили, что он также чувствовал себя отверженным. В юности он не испытывал уважения со стороны отца, потому что не увлекался спортом. С того времени ему было трудно поверить в свои мужские способности. В надежде на опыт, который даст ему возможность почувствовать себя настоящим мужчиной, он стал практиковать постоянные сексуальные встречи с проститутками. А так как эта надежда, конечно же, не оправдывалась, его попытки длились бесконечно, пока он не «исцелился» благодаря терапии виктимизации.⁴

Хотя консультации длились много месяцев, оба эти мужчины продолжали прежнюю деятельность в своих церквях. В это же время лечению подверглась жена гомосексуалиста из-за ее «созависимости». Как старший ребенок в семье алкоголика, она была склонна к проявлению «силы», из-за чего у нее развилась особая склонность к созависимости. «Излечить» ее было, как мы узнали, труднее, чем ее мужа-гомосексуалиста.⁵

Не находишь ли ты в этом нечто странное? Я нахожу! У меня возникает какое-то нехорошее чувство в подложечной ямке. Я не могу обнаружить, где здесь действует библейское христианство. Где крест, где новый человек во Христе, где доказательство присутствия Святого Духа, где действенность Сына Божьего, где стремление к святости, к праведности, где печаль ради Бога у подножия креста, где предостережение о Его гневе, где действие Его благодати?

Павел в Галатам 5,16 предостерегает нас от того, чтобы мы не исполняли вожеления плоти. Если мы все же идем ей на уступки, то это может быть началом жизни в прелюбодеянии, блуде, нечистоте (Гал. 5,19). Серьезность этого предостережения невоз-

можно переоценить: «...поступающие так Царствия Божия не наследуют» (Гал. 5,21). Прочитай эти стихи еще раз, так как они очень понятно объясняют поведение тех людей. Прощлое поколение сразу вспомнило бы стихи, подобные этим, и с верой использовало бы их в душепопечительской работе – и без всякой терапии виктимизации. Я просто не могу понять, почему это уже невозможно в наши дни. Сегодня это было бы не по-христиански. Почему? Потому что те мужчины и все, кто поступает так же, рассматриваются как жертвы или, в лучшем случае, невольные участники.

Возможно, будет правильным сравнить их с заложниками террористов, которые после удачного промывания мозгов становятся добровольными пособниками тех же террористов. Увы, оба мужчины стали жертвами своих родителей, их лишили чувства собственного достоинства и тем самым принудили к сексуальной распущенности, потому что это было единственное средство, которое, как они надеялись, поможет им обрести самоуважение и признание. Всё и все были против них, даже Бог.

Конечно, было бы «бессердечно» упрекать их в том, что они намеренно «предались распутству так, что делают всякую нечистоту с ненасытимостью». Кто может привести таких людей в соприкосновение с буквальным применением Слова Божьего? Оно просто неприменимо к жертвам. (Что, конечно, не снимает вопроса: в отношении кого же тогда применимо Писание? Ведь, согласно психологии, мы все жертвы.)

Здесь что-то не то

Как только мы затрагиваем эту тему, всегда что-то не согласуется. Теории и методы «христианской» психологии вызывают серьезные вопросы. Если признать концепцию виктимизации правильной, то будет логично отвергнуть истины, провозглашаемые Писанием.

Как, например, можем мы оправдать Петра, который так строго поступил с волхвом Симоном? (См. Д. Ап. 8,9–24.) Взгляд через призму «христианской» психологии сразу же дает нам увидеть, какие серьезные эмоциональные проблемы были у Симона. Это проявилось в его потребности выглядеть в глазах других «кем-то великим», что нужно было ему для удовлетворения чувства собственного достоинства. Вероятно, его отец был к нему недоста-

точно внимателен, а мать, наоборот, чересчур заботилась о нем. Однако Петр обошелся с ним прямо-таки бесцеремонно.

Петр не предложил ему консультацию по виктимизации, не посоветовал еще раз эмоционально пережить опыты детства, которые разрушили его самоуважение. Он прямо сказал ему: «Вижу тебя исполненного горькой желчи и в узах неправды». Это не может характеризовать того, кто во Христе. Петр призывает Симона покаяться в своем грехе, потому что сердце его не право перед Богом.

О Петр! Как ты можешь так говорить? Своим публичным осуждением Симона ты только больше ослабишь его самоуважение и усилишь страсть к самовозвеличению. Как сможет Симон после этого когда-либо увидеть любящего Бога и снова довериться Ему? Как сможет Симон покаяться без того, чтобы прежде понять действие своей виктимизации?

Чтобы читатель не подумал, что я слишком драматизирую событие, позвольте мне передать суть проповеди, которую произнес пастор-психолог одной большой и успешной евангельской церкви в Южной Калифорнии. Он говорил о жизни Исаака, при этом очень старался показать нам, что то драматическое переживание, когда отец хотел убить его, сделало Исаака жертвой на всю оставшуюся жизнь. Авраам злоупотребил доверием Исаака. Он применил уловку, чтобы принести Исаака в жертву. В результате Исаак никогда больше не доверял отцу, и не только отцу, но и Богу, Который поручил Аврааму убить его. И так как он не доверял Богу, он и проигнорировал Божественное пророчество о своих двух сыновьях.

Согласно представлениям этого пастора-психолога, жизнь Исаака была наполнена глубокой болью, с которой он так и не смог справиться. Он сказал: «Исаак так и не смог примириться с этой болью своей жизни. Ему ничего другого не оставалось, как только похоронить ее внутри себя и продолжать жить с нею. Почему этот избранный Богом человек был непослушен своему Небесному Отцу? Он не имел никакого представления о том, что происходило внутри его души, он не знал о боли, наполняющей его жизнь. Его чувства были атрофированы, и он не имел никакой возможности их восстановить. Он просто решил отныне никого и никогда не подпускать к себе близко».

Откуда тот пастор знал все это? Вся суть его проповеди сосредоточилась на одном: Исаак был жертвой, нуждающейся в виктимизационной терапии; но он не знал, как помочь себе, и не было

никого рядом, чтобы помочь ему. И так как сам он не мог справиться со своей проблемой, ему не оставалось ничего другого, как отказаться от послушания Богу. Однако, согласившись с такой трактовкой истории Исаака, мы столкнемся с целым рядом трудностей.

Мы должны спросить себя: соответствует ли истине истолкование текста из Бытие 22,1–19 и 24,61 – 28,5 в качестве одного из примеров виктимизации? Действительно ли Исаак решил никого больше не допускать в свое сердце после того, как его чуть было не принесли в жертву? Действительно ли он никогда больше не доверял Богу? В Бытие 24,67 сообщается, что Исаак возлюбил Ревекку и она утешила его после смерти матери. Так что, по крайней мере, нашлись две женщины, которые были ему близки. Кроме того, согласно Бытие 25,28, он любил своего сына Исава.

Нет никаких оснований и для утверждения, что Исаак никогда больше не доверял Богу. Разве Бытие 26,22–25 не говорит нам о его полном доверии Богу? Должны ли мы думать, что Бог не мог утешить Исаака и вернуть его доверие (в случае, если тот утратил его)? Действительно ли Бог такой неспособный или Исаак настолько ограничен и испорчен? Какая нелепость!

Новый Завет поместил Исаака в перечень великих героев веры, данный в Послании к Евреям. Не задавался ли ты вопросом, как смог бы обманутый Авраамом и Богом и виктимизированный Исаак быть ветхозаветным прообразом Христа?

Почему Исаак пытался первым благословить Исава? Не знаю. Текст Писания не говорит об этом. Сказано только, что Исав был старшим сыном. Однако это не дает мне права говорить, что все еще не забытая боль виктимизации вынуждала его проявить неповиновение Богу. Прежде, чем делать такой вывод, нужно хорошо вчитываться в текст. Вся эта проповедь граничила с неуважением к дословному тексту Писания. Это была откровенная попытка представить терапию виктимизации как единственно верное средство для освящения верующего.

О, если бы церковь на протяжении веков понимала то, что мы понимаем теперь! Насколько успешнее и привлекательнее могла бы она представить себя миру! Весть «христианской» психологии ясна: мы воспринимали Писание слишком буквально, из-за чего церковь оказалась неосмотрительной и неопытной по отношению к тем запутанным путям, на которых грех улавливает нас в свою власть. Ричард Моув, специалист по этике и один из сторонников «христианской» психологии, выразился так: «То, что кажется

простым решением, впоследствии может стать тяжелым камнем. Оно может потребовать много усилий и вмешательства специалистов, которые, прибегнув к сложным и профессиональным методам, помогут нам сломить власть греха в нашей жизни».⁶

Моув, не колеблясь, утверждает, что евангельским верующим недоставало чуткости, чтобы определить, «каким образом бремя одной личности может быть передано другой» без возможности отказа со стороны получателя. В подтверждение своей мысли он указывает на то, что дети рождаются наркоманами, потому что их матери – наркоманки. Точно так, полагает Моув, обстоит дело и с другими формами зависимости. Он говорит:

Склонность к определенным формам зависимости, включая сексуальные извращения, похоже, сохраняется в семьях из поколения в поколение. Я убежден, что существует генетическая склонность к алкоголизму. Мы же более склонны говорить, что это вина самого пьяницы, или, в случае многократного прелюбодеяния, что это собственное решение человека.⁷

Удивительное замечание с далеко идущими последствиями для авторитета Писания! Но прежде чем обратиться к этим последствиям, рассмотрим критически логику профессора Моува. Позволительно ли сравнивать физически унаследованную наркотическую зависимость новорожденного младенца с похотливой склонностью взрослого мужчины к прелюбодеянию? Неужели Моув решится утверждать, что здесь нет никакого различия? Есть ли у него хоть какое-то научное основание для такого сравнения? Готов ли он подтвердить свое понимание Писанием?

Согласно убеждению профессора Моува, алкоголизм некоторых людей вызван генетически обусловленной предрасположенностью.⁸ Должны ли мы из этого сделать вывод, что прелюбодеяние тоже основано на генетической предрасположенности? Это был бы совершенно новый вклад в объяснение греха.⁹ Необычная логика профессора характерна для «христианской» психологии.¹⁰

Слова д-ра Моува о необходимости профессиональной помощи порождают целую серию противоречий. По его утверждению, из-за своей виктимизации христиане могут находиться в греховной зависимости, от которой не в состоянии освободиться. Необходимо «много усилий и вмешательства специалистов, которые, прибегнув к сложным и профессиональным методам, помо-

гут нам сломить власть греха в нашей жизни». Если это действительно так, то нам остается только сделать потрясающий вывод: Писание ошибается. Другой вывод просто невозможен.

Если мы говорим, что пребывание во Христе не поможет преодолеть грех; если мы действительно вынуждены ждать помощи христианского психолога, который проведет нас через терапию виктимизации, прежде чем мы действительно станем свободными; если весть о кресте имеет так мало силы, то я со слезами должен заключить, что христианство – обман, делающий все человечество рабами греха. Но Писание обещает нам: «Закон духа жизни во Христе Иисусе освободил меня от закона греха и смерти» (Рим. 8,2).

Виктимизация на миссионерских полях

Хочу привести еще один пример, который самым драматическим образом показывает, насколько концепция виктимизации изменяет наше библейское понимание греха, спасения и освящения. Недавно я получил информационный бюллетень городской миссии. На первой же странице было помещено сообщение о молодом человеке, который отвратился от гомосексуального образа жизни и обратился к Иисусу.

В двенадцатилетнем возрасте этот парень убежал из дома, но вскоре вернулся и до четырнадцати лет жил в семье. Затем отец выгнал его из дома и запретил возвращаться назад. Несколько лет он жил у разных друзей, пока не приехал во Флориду. Там он занимался сутенерством среди гомосексуалистов и жил в греховой связи с другим гомосексуалистом, любителем садомазохистских игр.

Когда ему исполнилось двадцать лет, он попытался встретиться со своей семьей, но отец сдал его в полицию. Последующие шестьдесят дней он провел в тюрьме. После освобождения, как сообщается в информационном бюллетене,

он чувствовал себя всеми покинутым и полностью отвергнутым своей семьей. Сам он не считал себя достойным любви и думал, что другие испытывают наслаждение, причиняя ему боль. Как должно было разрываться от боли Божье сердце при виде того, как плохо люди обращаются с этим ребенком!"

Затем этот человек переехал в Калифорнию, где сразу же завел себе любовника. Однако он все больше впадал в депрессию, пока наконец не обратился по телефону за помощью к душепопечителю, который занимался с людьми, подумывающими о самоубийстве. Его направили в городскую миссию, где после двухнедельного пребывания он «отдал свою жизнь Иисусу». В заключение миссия заявляла, что «никогда не бросит его на произвол судьбы».

Сотрудники миссии начали воспитывать его, убеждая не только работать, но и закончить свое образование. Однако, как видно из сообщения, этот молодой человек все еще боится быть отвергнутым. Ему нелегко постоянно осуществлять программу реабилитации, так как он боится неудачи, хотя и старается избавиться от своих страхов и боли.

Какого ты мнения об этой истории? Видишь ли, я был бы благодарен Господу, если бы знал, что этот человек действительно раскаялся в своих грехах и возродился к новой жизни во Христе Иисусе. Но именно в этом я как раз и не уверен. Возможно, мои опасения и тревога вызваны постоянным подчеркиванием виктимизации этого человека.

Где в этой истории крест? Где грешник, который приходит ко кресту с полным упованием на то, что Бог оправдает его ради совершенного Христом искупления? Где грешник, который склонился перед Богом под тяжестью своей греховности? Где ликующий грешник, который прославляет Бога за Его чудную благодать? Где жажда слышания Слова Божьего, стремление к праведности, упование на Христа, свидетельство Святого Духа?

Не вправе ли мы ожидать чего-то большего, чем признания, что этот человек начинает осознавать причину своей боли и работать над нею? Разве мы не вправе надеяться на нечто большее, чем просто информация о том факте, что этот человек должен разобраться со своими чувствами, вызванными его отвержением?

Можно ли сравнить этого человека с мытарем из Луки 18,10 или с Токичи Айчи? Или такое сравнение несправедливо? Сколько бы раз я не перечитывал эту историю, я неизбежно задаю себе вопрос: а грешник ли вообще этот человек? Слово «грешник» ни разу не упоминается в сообщении. И кто осмелится считать его виновным в свете такого заявления: «Как должно было разрываться от боли Божье сердце при виде того, как плохо люди обращаются с этим ребенком»?

Повторяю: читая подобное, я чувствую тяжесть в области

желудка. Разве это Евангелие? Что-то здесь не так. Я с радостью согласился бы с утверждением: «Божье сердце скорбит, ожидая, когда же этот человек отвратится от своего злого пути и примирится с Ним посредством Крови Христовой». Однако в этой публикации скрывается истинное состояние этого человека до его обращения ко Христу. Мы вынуждены задать авторам этой статьи вопрос: почему они предпочли забыть, что этот человек – грешник?

Боль вместо греха

Как однажды написал Освальд Чемберс, люди хотят иметь любезную религию. Думаю, эту мысль можно было бы сформулировать так: «Люди нуждаются в такой религии, которая не будет заставлять их чувствовать себя *крайне неуютно* из-за своей греховности». Д-р Чемберс был уверен: «Любое учение, не основанное на кресте Христовом, неизбежно ведет к заблуждению». И он убедительно писал:

...лишь очень немногие из нас понимают, почему Иисус Христос умер. Если сострадание – это всё, в чем нуждаются люди, тогда крест Христов – просто фарс, в нем нет никакой необходимости. Мир нуждается не в «частице любви», а в хирургической операции.¹²

Грешник нуждается не в том, чтобы ему сказали: «Ах ты, бедняга!» Нет, то, что он должен услышать, звучит так: «Грешник, спасайся от грядущего гнева Божьего! Беги к Иисусу Христу, ко кресту!»

Видя в людях прежде всего жертвы, «христианская» психология самым серьезным образом препятствует нам верить в преобразующую силу креста. Она мешает нам ревностно звать ко кресту грешника, находящегося под Божьим проклятием. Вместо этого мы начинаем рассуждать: «О, с ним ужасно плохо поступали. Теперь неподходящий момент для того, чтобы представить перед ним его греховность и предостеречь от Божьего гнева. Это может его так обидеть, что он отвергнет призыв. Он должен почувствовать любовь Божью, должен почувствовать, что здесь его не оттолкнул». Но если мы не скажем ему это сейчас, когда он стоит у креста, то когда же мы скажем ему это?

«Если он когда-либо отдаст свою жизнь Христу, – заявляем мы, –

он преодолееет в себе все страхи и разочарования, какие ему пришлось испытать в своей жизни. Сейчас не время навязывать ему Христа как Господа или призывать его стать учеником Иисуса, взять свой крест и признать авторитет Писания».

Но если сейчас неподходящий момент, то когда же? Разве это не наш долг – объяснить ему высокую цену следования за Иисусом (см. Лк. 14,25–35 и Гал. 6,14)?

Мы чувствуем себя неуютно, когда Библия говорит нам о грехе, о спасении и об освящении. Возможно, именно в этом кроется причина того, что квазимедицинская терминология стала столь популярной. Люди *травмированы*. Они *больны*. Они *испытывают боль*. Они *зависимы*. Они испытывают *дисфункциональное расстройство*. Эти слова гораздо лучше подходят виктимизированному миру, чем слово «грех», или «мятежник», или «нечестивый». Они не содержат в себе жала вины. И, проповедуя Евангелие, мы все чаще заменяем ими слово «грех».

Сегодня «христианская» психология пишет другое евангелие, Евангелие, в которое я почти мог бы поверить, если бы не было старой-старой истории об Иисусе и Его любви, как поется в одной песне. Я почти поддался бы убеждениям, если бы не было Писания. Библия указывает мне другое направление. Она ставит меня перед крестом и говорит: «Стой здесь или ты погибнешь!»

Примечания

1. Larry Crabb, *Inside Out* (Colorado Springs: NavPress, 1988), p. 185.
2. Jan Frank, *A Door of Hope* (San Bernardino, CA: Here's Life Publishers, 1987), p. 16.
3. Hal B. Schell and Gary Sweden with Betty Reid, «Freeing The Sexually Addicted», *Leadership*, Fall Quarterly (1989), p. 54–60.
4. Там же, с. 60.
5. Там же.
6. David Neff, «The Life of Bondage in the Light of Grace: An Interview with Richard Mouw», *Christianity Today* (December 9, 1988), p. 41.

Впрочем, не только «нео-евангелисты» убеждены в необходимости «профессиональной помощи» для преодоления греховной «зависимости». Эти понятия распространяются в самых разных группах евангельских общин. Обрати внимание на заявление д-ра Грегга Р. Альберса, руководителя здравоохранения в Университете свободы:

Избавление от вредной стимулируемой привычки – всегда тяжелый и длительный процесс. В тяжелых случаях требуется профессиональная помощь психиатра или домашнего врача (Gregg R. Albers, «Sexual Addiction and Believers», *Fundamentalist Journal*, November 1988, p. 35).

Меня удивляет, что здесь и речи нет об опытном, утвержденном в Слове Божьем душепопечителе.

7. Neff, *op. cit.*, p. 41–42.
8. Несколько лет я нес служение в двух реабилитационных центрах для алкоголиков в Лос-Анджелесе. Там я сильно разочаровался как в общей концепции, сводящей алкоголизм к болезни, так и во всей терапевтической системе, основанной на этой концепции, включая программу двенадцати шагов. Между тем один из ведущих специалистов в области алкоголизма выразил подобные мысли, затронув тем самым шекотливую тему. В своей книге «Пьянство: миф об алкоголизме как о болезни» (Herbert Fingarette, *Heavy Drinking: The Myth of Alcoholism as a Disease*, University of California, 1988) Герберт Фингаретте «выражает мнение, что алкоголизм, по сути, основан на неверном поведении и что современная концепция алкоголизма весьма упрощена и сомнительна». («Alcoholism: Is It a Sin After All?» *Christianity Today*, February 3, 1989, p. 57).
9. Критикуя утверждение, что гомосексуалист может быть признан жертвой на основании предполагаемых «генетических» и психологических факторов, Кеннет А. Майерс, редактор журнала «Генезис», написал следующие строки, которые хорошо бы поставить рядом с комментарием Моува:

Как бы обстояло дело, если бы обнаружили, что существует генетическая или психологическая предрасположенность к расизму, точно так же, как сегодня утверждают о такой «предрасположенности» гомосексуалистов? Озна-

чало бы это, что расисты «не могут помочь сами себе» и потому на них нужно смотреть как на «невинных»? ...Почему бы и нет? («On Lobbies and Language», *Genesis*, February 12, 1990, p. 4.)

Правда, здесь Майерс говорит об обществе вообще; однако под влиянием «христианской» психологии такие же параллели прослеживаются и в евангельских общинах. Сказали бы мы о яром расисте, который называет себя христианином, что в действительности он скорее «зависимая жертва», чем тот, кто сознательно решил ненавидеть? А почему нет? Разве сегодня мы не относимся подобным образом к блудницам, прелюбодеям и лжецам?

10. В телефонном интервью журналу «Христианство сегодня» Фингаретте сделал интересное замечание:

Я просто не понимаю, как христианские общины могут считать правильной идею о болезненном состоянии; разве что они просто хотят выглядеть просвещенными, а такая точка зрения представляется им прогрессивной. Однако они полностью игнорируют духовный подход к этой проблеме. Члены церкви, вероятно, боятся выразить другое мнение, не желая выглядеть несовременными и отсталыми. Лично я считаю это заблуждением. (Jim und Phyllis Alsdurf, «The Generic Disease», *Christianity Today*, December 9, 1988, p. 36–37).

11. «Hollywood Update», *News From Youth with A Mission* (November, 1989), p. 1–2).
12. Oswald Chambers, «The Right Lines of Work», *My Utmost For His Highest* (Westwood: Dodd Mead and Company, Inc., 1963), p. 355.

7

Как найти выход из пустыни?

Недавно меня спросили: «Предположим, вы выросли в родительском доме, где отец был пьяницей и где с вами плохо обращались. Разве вы не стали бы жертвой?» Мой ответ был коротким и соответствовал истине: «Да, я вырос в таком родительском доме; мой отец был пьяницей». И затем я рассказал о детских страхах, которые испытывал в этом окружении и которые еще и сейчас стоят перед моими глазами. «Однако,— добавил я,— Писание обращается ко мне не как к жертве, а только как к грешнику».

Я не знаю ни одного места в Писании, которое призывало бы меня копаться в прежних травмах, чтобы снова глубоко прочувствовать, как сильно они повредили моему чувству собственного достоинства. Нигде Писание не упоминает о таком мучительном самоанализе как о пути к освящению или к победе над все еще живущим во мне грехом. Говоря об искуплении и освящении, Библия нигде не предлагает применять методы виктимизационной терапии.

Когда я жил без Христа, Писание предупреждало меня о грядущем гневе. Оно осуждало меня как мятежника против святого Бога. Моим жребием был ад. Однако Писание также говорило мне о спасительной любви Божьей, которая через Христа может стать моею. Оно приглашало меня отбросить мое отвратительное «я» и на основании милости, явленной на кресте, обратиться к Богу. Его полные надежды обетования звали меня от мертвых и отвра-

тительных идолов к живому Богу. В обмен на мои грязные греховные лохмотья мне была предложена славная одежда праведности Христовой.

И теперь, когда я пребываю во Христе, оправданный верой в Христа, Библия обращается ко мне с искренними словами любви, ободрения и увещания. Я стал новым творением во Христе, мертвым для греховных дел ветхого человека. Бог даровал мне положение сына, освободив от страха. Теперь мое тело – храм Святого Духа; моя воля принадлежит Христу. Грех уже не господствует надо мною.

Все это говорит мне Писание. Но в нем нет ни слова о виктимизации, и оно явно не интересуется тем, что происходило в «период моего развития». ¹ Оно не спрашивает, есть ли у меня чувство самоуважения. Как бы мы ни напрягали зрение, мы ничего подобного не найдем в Библии.

Так в чем же «христианская» психология противоречит Писанию? Позволь привести несколько примеров, которые покажут явные отличия.

Согласно Писанию, наша новая жизнь начинается с того, что мы концентрируем внимание не на своем прошлом, а на Иисусе Христе, нашем Господе. Во все времена, при любых обстоятельствах Он должен быть средоточием нашей жизни. Именно Он – та драгоценная жемчужина и скрытое сокровище, которые приносят великую радость тому, кто их нашел (Мф. 13,44–45). В Нем сокрыты все сокровища премудрости и ведения (Кол. 2,3); всякое помышление должно быть пленяемо в послушание Христу (2 Кор. 10,5). Павел призывает нас помышлять о горнем, а не о земном (Кол. 3,1–3).

Вопреки настойчивым призывам «христианской» психологии исследовать свое прошлое, Библия говорит нам, что древнее прошлое, закончено, умерло (2 Кор. 5,17). Мы распяты со Христом. Мы погребены с Ним и воскресли для новой жизни и теперь должны почитать себя мертвыми для греха и живыми для Бога во Христе Иисусе (Рим. 6,1–11).

Евреям 3,1 призывает нас уразуметь Иисуса. Евреям 12,2 зовет взирать «на Иисуса, начальника и совершителя веры». И разве не Сам Господь призывал нас пребывать в Нем, как ветвь на лозе? Если бы мы отказались пребывать в Нем, то засохли бы, перестали приносить плод и утратили радость общения с Отцом (Ин. 15,1–11).

Ни вышеперечисленные, ни какие-либо другие известные мне отрывки Писания не призывают нас копаться в пыльных архивах

наших воспоминаний, выводя на свет нашу боль и разочарования, чтобы таким образом стать ближе к Иисусу. Утверждение, что влияние прошлых неосознанных и осознанных травм сильнее силы креста, сильнее нашего воскресшего и вечно живого Господа или сильнее живущего в нас Святого Духа, действующего в нас (Еф. 3,20), представляет собой явное исповедание неверия.

Дж. Пакер касается самой сути вопроса, когда говорит, что всякий, кто действительно знает Бога, «никогда не будет мучить себя воспоминаниями о том, что было в прошлом, или думать о своих упущениях, а лишь о том, чего он достиг». ² Если все то, чего я достиг, когда жил без Христа, – всего лишь сор, то почему я должен еще думать о нем? Почему я должен размышлять над прошлыми неудачами и вспоминать свое злое прошлое? Все это сор.

При поисках жертв возникает и другая проблема. Как требует терапия виктимизации, мы должны еще раз болезненно почувствовать те травмы и разочарования, которые повредили нашему самоуважению. Мы не должны ни отрицать их, ни передать Иисусу. Скорее мы должны их обнаружить и еще раз эмоционально пережить испытанное нами крушение доверия. Зачастую это длительный и тягостный процесс, мешающий нам испытать ту радость, какую мы уже теперь можем иметь во Христе.

Радость во Христе

Непреходящая радость – великая тема Нового Завета, наивысшее достояние тех, кто во Христе. «Они имеют радость и утешение, – писал пуританин Кристофер Фоулер, – каких не могут дать Ангелы и не может лишить диавол». ³ Ах, он еще не знал, что учению о виктимизации удастся делать то, чего не удавалось достичь бесам.

В падшем, разрушенном грехом и сатаной мире, где смех и радость омрачены смертью и разбиваются о зло, зависть и нечестие, христиане, и только христиане, имеют доступ к «неизреченной и преславной радости» (1 Петр. 1,8). Такой была радость тех верующих, к которым обращался Петр в своем Первом послании. Они не теряли ее даже в тяжелейших испытаниях, потому что верили в Иисуса и любили Его. «Но как вы участвуете в Христовых страданиях, радуйтесь, да и в явление славы Его возрадуетесь и восторжествуете» (1 Петр. 4,13). Радуйтесь уже теперь, чтобы некогда вы

могли ликовать. Петр говорил на основании собственного опыта, переживая в своей жизни то, о чем проповедовал (Д. Ап. 5,29–42).

Наш Господь обещал радость всем тем, кто пребывает в Нем и соблюдает Его заповеди. «Сие сказал Я вам, да радость Моя в вас пребудет и радость ваша будет совершенна» (Ин. 15,11). Обрати внимание, что это *Его* радость наполняет нас, так же как *Его* любовь объемлет нас. Ни то, ни другое мы не в состоянии вызвать в себе сами. Но, может быть, я просмотрел находящийся в главе 15 Ев. от Иоанна призыв к тому, что прежде, чем последовать приглашению нашего Господа и через послушание достигнуть Его радости, необходимо сначала прочувствовать глубокую боль своей виктимизации?

Послание к Филиппийцам касается той же темы – темы радости верующего во Христе, радости, которая не прекращается даже тогда, когда его постигают скорби и страдания за Христа. Разве это не относится также и к нам, независимо от наших обстоятельств? Когда последний раз ты слышал проповедь о радости верующего во Христе? Или наши обстоятельства и проблемы стали намного тяжелее, чем в новозаветные времена?

Почему мы так мало слышим о радости и так много о боли? Почему создается впечатление, что многие не знают истинной радости, хотя они и во Христе? Возможно, мы найдем ответ в словах другого пуританина, Вильяма Гурнала:

Многие бедные души лишены полноты радости в своем сердце по одной причине: в их разуме слишком слабо светит свет познания Евангелия. Чем дальше душа отстоит от света истины, тем неизбежно большим будет расстояние от полноты утешения.⁴

Фессалоникийцев Павел призывал всегда радоваться и за всё благодарить, «ибо такова о вас воля Божия во Христе Иисусе» (1 Фес. 5:16,18). По-видимому, фессалоникийцы приняли к сердцу этот призыв, потому что позже апостол мог написать о них коринфянам: «они среди великого испытания скорбями преизобилуют радостью; и глубокая нишета их преизбыточествует в богатстве их радушия» (2 Кор. 8,2). Ко многим ли из нас сегодня можно отнести эти слова?

Но превосходящим все другие примером радости является Сам Господь, как мы читаем в Иоанна 15,11. А автор Послания к Евреям сообщает нам о Христе: «...Который, вместо предлежавшей Ему радости, претерпел крест, пренебрегши посрамление, и воссел одес-

ную престола Божия» (Евр. 12,2). Вильям Моррис в своем прекрасном маленьком исследовании «Радость в Новом Завете» пишет:

Если Христос по праву характеризуется как «Муж скорбей и издевавший болезни», то не менее истинно и то, что Его можно охарактеризовать как «Мужа радости». Через всю Его жизнь, даже в самые мрачные моменты, светило лучезарное сияние и торжествующая радость... Радость была постоянной составляющей в жизни и труде Иисуса.⁵

Так должно быть и у нас, имеющих в себе эту радость. Наша радость во Христе должна питать и укреплять нас, даже если мы переживаем глубокую боль, даже когда эта боль угрожает взять над нами верх.

Посредством Христовой радости в нас мы преобразуемся, так что наши болезненные воспоминания или нынешние обстоятельства становятся для нас поводом к прославлению Бога и к радости в Нем. Эта святая радость делает нас способными ликовать даже в страданиях, испытывая побеждающую благодать Христову, и торжествовать даже тогда, когда всё вокруг нас утверждает: «Больше не на что надеяться и нет никакого смысла верить».

«Ежедневно и на протяжении всего дня невыразимая радость была моим блаженным переживанием, – писал Хадсон Тейлор в преклонные годы. – Бог, мой Бог, был живой сияющей действительностью, и что бы я ни делал, это было радостным служением».⁶ Если вспомнить жизнь этого человека в служении своему Господу, то это свидетельство достойно внимания. Но разве Христос, Которому он последовал, не Тот же Христос, Которому последовали мы? Неужели за сто лет произошли такие изменения? Радость – верная спутница тех, кто направляет свои сердца и помышления на Христа Иисуса.

Однако этого нельзя сказать о тех, кто углубляется в свою виктимизацию. Нелегко концентрироваться на Христе, если занят тем, чтобы вновь прочувствовать забытые бесчисленные и печальные тропы прошлого. Невозможно по-настоящему радоваться и наслаждаться Христом, если нужно вновь отыскать и пережить многочисленные болезненные события, которые так жестоко потрепали мое неустойчивое самоуважение.

«Забывая заднее, – писал Павел, – и простираясь вперед, стремлюсь к цели...»

Таковы чувства человека, который радуется в Иисусе.

Фальшивая радость

Возможно ли, чтобы люди, постоянно обращающиеся к своему прошлому, обнаружили другой вид радости – горькую, мрачную, плотскую радость, побуждающую их идти дальше этим путем? Такова теневая сторона терапии виктимизации. Для плоти это очень кстати: ей нравится сваливать вину на других и тайно наслаждаться злословием других; она с радостью приветствует всё, что облегчает ей чувство тягостной вины за собственное непослушание и неверность. Она радуется возможности пожалеть себя.

Конечно, цель терапии виктимизации в том, чтобы помочь людям освободиться от прежней болезненной зависимости и протеста. Но когда этот джин освобожден и стал явным, никто не может гарантировать, что он снова по команде исчезнет. Удивительно, сколько людей продолжает жить под гнетом печали и сомнений даже после того, как вроде бы освободились от своей зависимости, даже после долгой терапии, даже когда, по их словам, они всё предали Господу. Этот дух виктимизации становится для них диким зверем. Будучи однажды изгнанным, он применяет всякого рода коварство, чтобы снова не быть пойманным.

И Дж. Пакер прав, когда пишет, что для большинства из нас разочарования и невзгоды жизни значат очень много:

мы живем с ними, как со своим «крестом» (так мы их называем). Как часто случается, что, едва начав думать об этом (а делаем мы это часто), мы впадаем в апатию и меланхолию... «Бедные души», – говорят о нас наши друзья, и именно так мы думаем о себе сами.⁷

Пуританин Томас Брукс в своем классическом труде «Ценное целительное средство против нападков сатаны» говорит о том, как сатане удается удерживать верующих в состоянии постоянных сомнений и страхов,

когда они снова и снова думают о своих прошлых грехах, уделяя им больше внимания, чем своему Спасителю, настолько заняты своими грехами, что начинают пренебрегать своим Спасителем.⁸

Сегодня мы можем дополнить его слова: сатана удерживает христиан в унылом, угнетенном и ожесточенном состоянии, «заставляя их вновь и вновь размышлять о тех, кто в прошлом согре-

шил против них, уделяя этим мыслям больше внимания, чем их Спасителю. Они настолько заняты грехами других против них, что пренебрегают своим Спасителем».

В одном христианском молодежном лагере в час вопросов и ответов поднялась девушка и сообщила руководителю, что в детстве ее изнасиловали. «Разве у меня нет права злиться на этого негодяя всякий раз, как только я думаю о нем?» – спросила она сквозь слезы.

Ответ руководителя всех нас удивил: «Зачем, – спросил он ее, – ты позволила сатане похитить твою радость во Христе?» Девушка молчала. Ее слова не были новостью для этой группы молодежи; о ее несчастье все знали. Все любили и ценили ее. Кроме того, она беседовала с душепопечителем и знала ответ на свой вопрос. Но она продолжала думать о своей виктимизации. Сказав еще раз о случившемся с ней, она показала: «Смотрите, как я всё еще страдаю», тем самым побуждая своих друзей к новому всплеску сострадания.

Таково следствие виктимизации: она настраивает нас на мрачное отношение к самим себе. Простить, но не забыть (в библейском смысле) – все равно что вообще не простить. Другими словами, я не обращаю внимания на то, что написал Павел: «Забывая заднее...»

Я могу понять, почему неверующие люди приветствуют этот метод с распростертыми объятиями, надеясь таким образом избавиться от чувства вины. Но как можем мы, стоящие перед крестом, принимать такую плотскую и лишенную веры концепцию? Вспоминая свои разочарования и боли, я не мучаюсь тем, что причинили мне люди. Нет, меня скорее беспокоят мои собственные грехи против других людей и против моего Господа – о, особенно против моего Господа! – за которые мне стыдно и больно. Я был бы в отчаянии, если бы не благодать Бога и Спасителя Иисуса Христа. Сатана хочет, чтобы я вечно думал о своих грехах. Но Иисус призывает меня забывать заднее и простираться вперед, к почести высшего звания во Христе Иисусе. С радостью и благодарностью я повинуюсь Ему.

Ожесточенное отношение ко кресту

Осталось коснуться последнего пункта. Терапия виктимизации вызывает мрачную реакцию на крест, которая порой выражается в

горьких словах. Настойчивое стремление вспоминать свое виктимизированное прошлое с целью глубоко прочувствовать боль пренебрежительного отношения к нам и ущемленного чувства собственного достоинства незаметно вызывает в нас горечь по отношению к Иисусу; мы начинаем считать Его «виновным» в нашем кресте.

С боли и позора, которые Иисус взял на Себя ради меня, виктимизация перемещает акцент на боль и позор, которые навалились на меня в результате того, что причинили мне другие люди. Так мы можем сделать заложником нашего прошлого Самого Бога.

Как коварен грех! Давайте рассмотрим Луки 9,59–61 в несколько переработанном варианте: в призыв Иисуса следовать за Ним я включил концепцию виктимизации.

Иисус сказал одному человеку: «Следуй за Мною!» Но тот человек сказал: «Господи, позволь мне прежде пойти и проанализировать свое детство. Люди причинили мне много зла. Моя семья нисколько не способствовала моему самоутверждению. Позволь мне пойти и глубоко прочувствовать боль и разочарования, которые мне пришлось испытать. Лишь тогда я смогу простить тех, которые причинили их мне. Лишь тогда я смогу преодолеть свойственные мне нарушения в поведении. Лишь тогда мне удастся развить в себе соответствующее самоуважение. Лишь тогда я смогу по-настоящему попросить у Тебя прощения. Лишь тогда, Господи, я буду свободен, чтобы последовать за Тобою». Но Иисус сказал ему: «Предоставь мертвым погребать своих мертвецов, а ты иди, благовествуй Царствие Божие. Никто, возложивший руку свою на плуг и озирающийся назад, не благонадежен для Царствия Божия».

Мое изложение некорректно? Возможно. Тогда я дословно процитирую Колоссянам 2,20: «Итак, если вы со Христом умерли для стихий (принципов) мира, то для чего вы, как живущие в мире, держитесь постановлений...».

Ясность Писания

Писание чудесно в своей простой ясности. Его естественная непосредственность наполняет радостью сердца всех, кто пови-

нуется ему. Его простота не оставляет места для софистики и рационалистических упражнений. О, в нем, конечно же, содержится много глубоких высказываний, которые побуждают нас к долгим и интенсивным размышлениям! Снова и снова мы вынуждены возвращаться к ним, чтобы в молитвенном размышлении черпать из этого глубокого и чистого источника. Однако волю и намерения Божьи в отношении людей – как спасенных, так и погибших – оно передает нам просто и кристально ясно.

Например, апостол Иоанн пишет: «Кто говорит: „я люблю Бога“, а брата своего ненавидит, тот лжец...» (1 Ин. 4,20). Это звучит как прямое и доступное указание. Священное Писание очень часто прибегает к такому стилю, когда речь идет о наших побуждениях и поступках. Снова и снова оно говорит христианам: «убегайте блуда», или: «будьте святы, потому что Я свят», или: «юношеских похотей убегай», или: «любите друг друга от чистого сердца».

Когда Дух Святой говорит с нами столь понятным образом, нам ясны три вещи:

1. Мы знаем, что от нас требуется. Мы знаем, чего ожидает от нас Бог (Ин. 13,34). Границы здесь могут быть нечеткими, дающими нам свободу во Христе, но и они должны быть отмечены чувствованиями, свойственными Христу, когда Он отдал Себя для нашего искупления (Фил. 2,5–8).

2. Мы хотим быть послушными повелениям Духа Святого, потому что у нас теперь новое сердце, которое любит как путь праведности, так и Бога. Людям, которые стали во Христе новым творением, Бог поручил служение примирения (2 Кор. 5,17 и далее). Исполненные Духом Божиим, они направляют свои сердца и мысли к тому, что духовно (Рим. 8,5). Господь говорит нам: «Если любите Меня, соблюдайте Мои заповеди» и: «кто имеет заповеди Мои и соблюдает их, тот любит Меня» (Ин. 14:15,21).

Мы в состоянии бороться со своей плотью; она может просить, умолять, требовать и буйствовать, чтобы только не быть распятой; и, проявив неверность и поддавшись ей, мы можем испытывать стыд и страх; однако верующий человек всем своим обновленным сердцем стремится быть послушным своему Господу, умершвляя плоть силой Святого Духа. Он всячески старается содействовать этому (Кол. 1,29; 2 Кор. 7,1).

3. Средства, необходимые для послушания Богу, нам даны. Ведь Сам Бог Духом Святым производит в нас «и хотение и действие по Своему благоволению» (Фил. 2,13; 2 Петр. 1,3–4).

Дух Святой наставляет нас «на всякую истину». Он берет от Христа и возвешает нам (Ин. 16,13–15). Это прежде всего относится к Писанию. Оно дает нам надежду, помогает упражняться в праведности и способствует тому, чтобы мы были приготовлены «ко всякому доброму делу» (Рим. 5,4; 2 Тим. 3,16–17). Кроме того, Христос через Духа Святого дал нам дары и одаренных мужей, чтобы сделать нас способными к служению, укрепить в единстве и привести к полной зрелости, как и подобает детям Царя (Еф. 4,11–13; 1 Петр. 4,10–11).

Вместе с дарами приходят и обетования, которые устраняют всякую неуверенность в любви Божьей, обетования, посредством которых мы сделали причастниками Божеского естества и можем удаляться от господствующего в мире растления похотью (2 Петр. 1,4). Он обещал охранять нас от лукавого (1 Ин. 5,18; 2 Фес. 3,3); Он обещал, что начавший в нас «доброе дело» и завершит его (Фил. 1,6). Мы имеем обетование Его верности, которая сохранит нас без порока в пришествие нашего Господа Иисуса (1 Фес. 5,23–24). Нам дано обетование действующей в нас Его силы, которая «может сделать несравненно больше всего, чего мы просим, или о чем помышляем» (Еф. 3,20).

Всё это наше. Великие обетования из уст нашего Господа, Который верен и не допустит, чтобы Его имя бесчестилось перед неверующим миром, и Который не даст славы Своей иному (Ис. 48,11). Он обещал, что мы не будем искушаемы сверх сил, но при искушении получим и облегчение, чтобы мы могли перенести его (1 Кор. 10,13). Будем же слушать Того, «Который Сына Своего не пощадил, но предал Его за всех нас» и обещал, что дарует нам всё (Рим. 8,32).

В свете всех этих фактов найдется ли хоть одно место в Писании, позволяющее нам сказать, что «плохие условия», которые выпали на мою долю в детстве, могут уничтожить обетования и силу благодати Божьей? Есть ли хоть одно библейское основание, позволяющее христианскому психологу убеждать жену пастора, который занимался прелюбодеянием, что ее муж предрасположен к тому, чтобы иметь многих женщин, вследствие своего воспитания? Осмелимся ли мы назвать такое заключение как-то иначе, чем отвержением Божьих обетований?

Я буду стремиться всем сердцем доверять Слову Божьему и без всякого сомнения уповать на обещанную Им милость и силу. Божьи обетования и ответ на них никогда не зависят от процесса, который, по сути, представляет собой комбинацию психоанализа

и эмоционального катарсиса, или очищения (под этим выражением психология понимает самоосвобождение от душевных конфликтов и внутреннего напряжения посредством эмоциональной реакции). Послушание не предполагает психоанализ, как и прощение не предполагает катарсис.

Шутит ли Бог со Своими обетованиями?

Если «виктимизация» предопределяет наше греховное поведение, то можно подумать, что Своими обетованиями Бог просто насмехается над нами. Если бы мы, как рабы своей виктимизации, не могли бы следовать Божьим призывам, то было бы бессмысленно призывать нас к тому, чтобы благодать Божья не тщетно была принята нами (2 Кор. 6,1) и чтобы мы совершали освящение в страхе Божьем, очищая себя «от всякой скверны плоти и духа» (2 Кор. 7,1). Бог обещал коринфянам, что они не будут искушаемы сверх сил (1 Кор. 10,13). Разве это не было бы ложью, если бы среди коринфян был кто-то, похожий на ту женщину, которая разделяла постель с каждым встречным мужчиной, желая досадить своему отцу, пренебрегавшему ею?

Иаков описывает совершенно иное понимание искушения (и его преодоления). Вопреки мнению, что чувство пережитого ранее унижения нужно преодолевать посредством распутного поведения, он говорит, что мы увлекаемся и обольщаемся собственной похотью. «Похоть же, — пишет он, — зачав, рождает грех, а сделанный грех рождает смерть» (Иак. 1,14–15).

Да, люди могут быть поработаны грехом. Но крест разрывает оковы. Власть греха сломлена, и дьявол побежден (Кол. 2,10–15). Это великая свобода, провозглашенная в Новом Завете. Отвергать ее — значит отвергать Писание и оспаривать право Церкви вот уже почти две тысячи лет возвещать эту весть.

Возвращаясь к прежнему греховному образу жизни, христианин, по сути, отвергает свою смерть. Он возвращается к одной из форм самообожествления. Почему в таком случае душепопечителю, работая с ним, не начать с Голгофы вместо воспоминаний его виктимизации? Не правильнее ли представить ему Слово Божье, обнаруживающее скрытые мотивы идолопоклонства в его сердце (Евр. 4,12), вместо того чтобы учить, что его родители искалечили его психику и потому ему недостает самоуважения?

В конечном итоге речь здесь идет о том, кто обладает высшим авторитетом. Кому мы верим, за кем следуем? Мы не можем цитировать людям 1 Коринфянам 10,13 и в то же время говорить им, что они жертвы своего воспитания и потому предрасположены к прелюбодеянию. Мы имеем дело не с парадоксами Библии, а с мировоззрениями, которые противоречат друг другу: одно из них Божественное, другое мирское. И эти противоречия невозможно согласовать.

Короче говоря, терапия виктимизации ослабляет влияние и значение креста нашего Господа. Даже если Писание искусственно вплетается в структуры терапии виктимизации, это тем не менее не позволяет возложить упование на силу и обетования Слова Божьего, которое может произвести освящение или плоды покаяния. Это терапия, от которой ожидают действия. Хотя такая терапия и не отвергает той истины, что мы оправданы посредством совершённого Христом на кресте искупления, но ограничивает силу креста в нашей жизни. Истинное освящение, утверждает она, достигается лишь посредством терапии виктимизации.

Однако умалять значение креста – ужасно, так как именно он служит действенным средством нашего освящения. Мартин Ллойд-Джонс ясно выразил эту истину:

Ты не можешь говорить, что крест имеет дело лишь с нашим оправданием или что крест имеет значение лишь для нашего обращения, а затем мы можем оставить его позади и стремиться к более высокой цели... Нет, крест определяет наше освящение. Он является сильнейшим аргументом в пользу освящения.⁹

Именно у креста происходит замена старого новым; там угнетающее нас бремя греха заменяется благим и легким бременем Христа. У креста Дух Святой изливается в наше сердце как доказательство чудной любви Божьей (Рим. 5,5). У креста сила Божья творит в нас Его волю, делая несравненно больше всего, чего мы просим или о чем помышляем (Еф. 3,20).

Все эти перемены указывают на новое сердце, новую цель, новые мысли, новое призвание и прежде всего на новую любовь, всепоглощающее страстное желание угодить Христу и прославить Его имя. Как можем мы говорить, что человек вынужден совершать прелюбодеяние, потому что стал жертвой своего воспитания? Христианин, с готовностью меняющий крест на убеждение,

позволяющее ему извинять себя, христианин, находящийся под игом своего «я», достоин глубокого сожаления!

Терапия виктимизации представляет собой не духовный процесс, достигающий духовных целей посредством духовных средств, а скорее процесс рационалистический, направленный на регулирование поведения человека и применяющий гуманистические средства. Она резко противоречит тому, что сказано в 1 Коринфянам 2,9–16. В этих стихах апостол заявляет, что свое знание и мудрость мы приняли от Духа Святого, «не от человеческой мудрости изученными словами, но изученными от Духа Святого, сообразая духовное с духовным» (1 Кор. 2,13). Дух учит нас, чтобы мы могли «знать дарованное нам от Бога». Сколько благодати содержится в этих словах!

Как может консультация, основанная на виктимизации, укрепить веру человека в Слово Божье, или в силу молитвы, или в возможность приносить плоды, пребывая во Христе? Никак. А может ли верующий иметь чудесный опыт и покоиться в сознании: «Всё могу в укрепляющем меня Иисусе Христе» (Фил. 4,13)? Вполне.

В книге под названием «Смирение» Эндрю Мюррей пишет:

Будем исследовать сущность Христа, пока наши души не наполнятся любовью и восхищением перед Его смирением. Будем верить, что, когда мы подавлены чувством гордости и нашей неспособностью справиться с ним, Иисус Христос Сам вмешается, чтобы сообщить нам необходимую благодать как составную часть Его чудесной жизни в нас.¹⁰

Неужели так прост путь, который может вывести нас из психологической пустыни?

Конечно, в словах «Христос в вас, упование славы» кроется глубокая тайна. Найдется ли сегодня тот, кто готов довериться такому простому основанию? «Но Сын Человеческий, придя, найдет ли веру на земле?» – спрашивал Иисус (Лк. 18,8).

Евангельское христианство испытывает серьезные затруднения. Мы объединились с рационализмом, а теперь отказываемся признать, что сделали что-то плохое. И наш грех тем более тяжел, что мы одели наш гуманизм в христианское одеяние, тем самым сделав его как бы заслуживающим доверия.

Незадолго до смерти Фрэнсис Шеффер написал следующие слова:

Принятие духа времени этого века – грубейшая форма

обмирщения в полном смысле этого слова. И мы, к сожалению, вынуждены сказать, что такое приспособленчество к духу времени наблюдается сегодня и в группах евангельских христиан... В самом полном смысле слова ведущие круги евангельских христиан стали в высшей степени мирскими.¹¹ (Курсив Ф. Ш.)

Сегодня слова Шеффера еще злободневнее, чем тогда, когда он их писал. И их злободневность растет со все возрастающей скоростью. «Христианская» психология, своими методами непосредственно связанная с гуманистическими предпосылками, явно подтверждает это приспособленческое обмирщение.

Примечания

1. Некоторые психологи видят библейское обоснование своего утверждения, что дети идут по стопам родителей, повторяя их неправильное поведение, в следующих словах: «Бог... не оставляющий без наказания, наказывающий вину отцов в детях и в детях детей, до третьего и четвертого рода» (Исх. 34,7). Но, согласно Иезекиилю, Бог устраняет это проклятие, если сын покается и отвернется от нечестивых путей своего отца. «Душа согрешающая, она умрет; сын не понесет вины отца...» (18,20). То же относится к новозаветному обетованию, что приходящий к Христу будет освобожден от власти греха. Это обетование невозможно отвергнуть, не признав при этом, что Писание неправо.
2. J. I. Packer, *Knowing God* (Downers Grove: Intervarsity Press, 1973), p. 21.
3. *The Golden Treasury of Puritan Quotations*, compiled by I. D. E. Thomas (Chicago: Moody Press, 1975), p. 159.
4. Там же, с. 158.
5. William Morrice, *Joy in the New Testament* (Grand Rapids: William B. Eerdmans Publishing Company, 1985), p. 86.
6. Эту цитату приводит Джон Пайпер в книге «Стремление к Бору» (John Piper, *Desiring God*, p. 223). Хадсон Тейлор тоже замечательно выразился по этому поводу: «Мое дело на зем-

ле – угодить Богу. Ходить с Ним во свете для меня радостно». Давид Ливингстон говорил то же самое. Можно лишь догадываться, что сказали бы эти мужи о нашей сегодняшней озабоченности своей виктимизацией и самоуважением.

7. Packer, *Knowing God*, *op. cit.*, p. 20.
8. Thomas Brooks, *Precious Remedies Against Satan's Devices* (London: The Banner of Truth Trust, 1968), p. 142.
9. Martyn Lloyd-Jones, *The Cross* (Westchester: Crossway Books, 1986), p. 213.
10. Andrew Murray, *Humility* (Fort Washington, PA: Christian Literature Crusade, 1974), p. 17.
11. Francis A. Schaeffer, *The Great Evangelical Disaster* (Westchester: Crossway Books, 1984), p. 142.

8

За кем последнее слово?

Та надменность, с какой «христианская» психология отвергает критиков и оправдывает свою интерпретацию «больных» людей, напоминает беседу маленькой Алисы со старым всесветным бездельником по имени Шалтай-Болтай, который встретился ей в образе громадного, не очень свежего яйца, сидящего высоко вверху на опасно тонкой стене.

Они беседовали о том, сколько можно получить подарков «на день нерождения». Шалтай-Болтай с гордостью заявил ей, что «триста шестьдесят четыре дня в году ты можешь получать подарки на день нерождения».

– Совершенно верно, – сказала Алиса.

– И только *один раз* – ты понимаешь? – на день рождения! Вот тебе и слава!

– Я не понимаю, при чем здесь «слава», – спросила Алиса.

Шалтай-Болтай презрительно улыбнулся.

– И не поймешь, пока я тебе не объясню, – ответил он. – Я хотел сказать: «Разъяснил, как по полкам разложил!»

– Но «слава» совсем не значит «разъяснил, как по полкам разложил», – смущенно возразила Алиса.

– Когда я беру слово, оно означает то, что я хочу, не больше и не меньше, – сказал Шалтай презрительно.

– Вопрос в том, подчинится ли оно вам, – сказала Алиса.

– Вопрос в том, кто из нас здесь хозяин,– сказал Шалтай-Болтай.– Вот в чем вопрос!

Хотя я и не могу согласиться с лексикографией Шалтай-Болтая, однако весьма охотно соглашаюсь с его последним замечанием: «Кто из нас здесь хозяин – вот в чем вопрос». Да, вопрос именно в этом. Кто господин? За кем последнее слово? Нигде этот вопрос не имеет такой важности, как в нашей дискуссии.

Один выдающийся христианский психолог, известный своим методом «глубинного исцеления», считает, что «нам не нужно бояться ничего полезного из тех истин, какие Бог, возможно, пошлет нам на путях», позволяющих выйти из кризиса. Это тоже дары Божьи. Правда, он признает: «Конечно, эту познанную истину нельзя поставить на одну ступень с истиной Божьей, открытой в Писании». Тем не менее он рассматривает ее как Божью истину. И подчеркивает: «Бог ожидает от нас, христиан, чтобы всякий дар, который Он дал нам, мы использовали для Его славы и для блага людей».²

Никто не станет возражать против последней мысли. Но хотя теоретически «христианская» психология и признаёт, что «познанная» людьми истина и открытая им Богом истина не равнозначны, на практике это различие исчезает. Здесь «познанная» истина претендует на роль единственно действенной истины. В результате мы становимся пленниками теоретического представления о действительности и начинаем верить в него, как если бы оно было фактической действительностью.

Мое внимание к этому феномену привлекла одна статья в «Лос-Анджелес Таймс». Автор, Майкл Шрадж, протестует против сильно преувеличенных учеными-экологами данных о глобальном потеплении. Согласно его убеждению, имеющиеся у нас данные далеко не полные, а знания о влиянии внешних факторов настолько ограничены, что не позволяют утверждать, что «научные модели глобального потепления, как они сегодня пропагандируются в средствах массовой информации», основаны на надежных научных фактах. «Слишком много ученых,– пишет он,– влюблены в свою модель» – ситуация, которая грозит подорвать доверие к ученым.³

Статья Шраджа отлично иллюстрирует то, как, прикрываясь маской «познанной» истины, мы можем весьма преувеличить нашу компетентность. Это как раз то, что «христианская» психология не должна пропустить мимо ушей! Христианских психологов никак не назовешь скромными в их пропаганде психоло-

гии как науки. Выражение «всякая истина является Божественной истиной», которое стало аксиомой, – всего лишь вежливый способ сказать: «Психология достойна доверия, так как нет никакого сомнения в ее научности». Однако во многом «христианская» психология переоценивает свои аргументы, так как переступила границы Писания.

К примеру, как можно доказать с научной точки зрения, что мы обладаем областью подсознательного, которое бурлит обидами, разочарованиями и плохими задатками, – своего рода тайный диктатор, который порабошает и держит в плену нашу волю? И этого могущественного властелина не может усмирить ни новое творение во Христе, ни живущий в нем Дух Святой. И это наука? Но она не соответствует Писанию!

«Христианская» психология поднимает теорию и субъективизм на пьедестал объективной научной истины. Затем эту «истину» подкрепляют ссылками на Писание и, консультируя своевольного человека, используют с тем же авторитетом, что и Писание.

Утверждение, что психология может лечить наши души так же, как медицинская наука лечит тело, никем не доказано. Если я сломал ногу, то можно объективно доказать место повреждения, определить метод его лечения и с большой долей вероятности предсказать, насколько успешным и длительным будет лечение. Но может ли кто-либо с такой же уверенностью говорить об «истинах» психологии?

Приведем сравнение. Сопоставляя такие места Писания, как Римлянам 13,14; Иакова 1,14–15 и 4,1–5; Галатам 5,16–21 и 6,7–8, а также 1 Фессалоникийцам 4,3–8, я могу дать однозначное библейское объяснение, почему человек совершает прелюбодеяние. И оно будет объективным и истинным. Божественное откровение в Писании абсолютно надежно.

Могу даже сказать, что мне не нужно искать дополнительных объяснений. Я могу поговорить с таким человеком и, ссылаясь на Писание, призвать его к покаянию. Также я с уверенностью могу сказать, что, если он покается и признает Иисуса своим Господом, он сможет покончить с прежним образом жизни. Во всем этом я твердо уверен, потому что так говорит открытая Богом истина.

Если же ты возразишь мне, что этот человек прелюбодействует потому, что таким образом пытается доказать свое мужское достоинство, что он испытывает влияние непреодолимого влечения, которое стало результатом того вреда, какой отец нанес его

самоуважению в детском возрасте, то я отвечу тебе, что, во-первых, «христианской» психологии должно быть стыдно претендовать на какие-то библейские обоснования такого утверждения. Во-вторых, я скажу тебе, что ты выражаешь лишь предположение, основанное на теории развития личности, которая не более научна, чем «случайный выигрыш в лотерею», если процитировать господина Шрадджа.⁴

Утверждение, что терапия виктимизации, в основе которой лежит патологическое понимание человека, — это настоящая наука или часть Божественной истины, которая стала явной в результате тщательного рассмотрения и отделения от все еще неотразимого наследия всеобщего откровения, весьма ошибочно. Оно граничит с тем, что древнегреческие философы называли дерзкой *гордыней* — высокомерным восхвалением человеческой мудрости и способностей, вызывающим ревность и возмездие богов. Мы можем использовать мирские знания, пока они не уведут нас от руководящих принципов Писания, но это очень зыбкая почва, если вспомнить, какими растяжимыми бывают порой эти принципы в нашем представлении.

Действительно ли проблема в церкви?

Оставим открытым вопрос, что происходит с истиной и насколько «христианская» психология отвечает за свои собственные формулировки. Возможно, нам не следует слишком удивляться, обнаружив, что проблема, собственно, заключается не в сомнительных взглядах «христианской» психологии, а скорее в церкви, в ее руководителях и их старомодной приверженности Библии.

Слишком часто мне приходится читать, что церковь отказалась от попечения о «нуждах» своих членов. Ей недостает необходимой чуткости по отношению к унаследованным греховным привычкам. Она упрощает сложные человеческие проблемы, предлагая лишь «простые духовные решения» этих проблем, имеющих не столько психическое и психологическое, сколько духовное происхождение. Слишком часто я слышу, что своими «простыми напоминаниями о Божьей любви и призывами доверяться заботе Иисуса» церковь принесла больше вреда, чем пользы. Слишком часто церковь, упорно держась за закостенелую теологию и устаревшие пиететические лозунги, оказывалась неспособной понять, что в определенных об-

стоятельствах необходимо затратить много усилий и что человек нуждается в дифференцированной и профессиональной помощи для того, чтобы сломить власть греха в своей жизни.

Неужели мы действительно должны поверить, что на протяжении двух тысяч лет верные Божьи рабы имели ложные понятия о том, как проповедовать погибшим людям Евангелие, как вести народ Божий к освящению, как ободрять слабых и поднимать упавших? Неужели Тело Христа, при всех его недостатках и слабостях, настолько чуждо Главе этого Тела, что у Господа не было выбора, кроме как открыть Свою истину через таких Своих рабов, как Зигмунд Фрейд и Абрахам Маслоу, Эрик Фромм и Карл Роджерс? Неужели мы должны поверить, что их «познанные» истины заслуживают большего доверия, чем Писание?

Или размахивание потрепанным знаменем: «Всякая истина является Божественной истиной» – своего рода тайное признание того факта, что «христианская» психология не подтверждается Писанием?⁵ Возможно, в этом и кроется причина того, почему «христианская» психология с такой легкостью отделяет духовное от психологического – ведь у каждого ее способа объяснения действительности есть свой собственный метод лечения и собственный источник истины.

Фактически «христианская» психология требует признать ее новым откровением. Она претендует на равное положение с Писанием и на тот же авторитет, а порой и на больший. При этом человеческие предположения преподносятся как стопроцентная истина, а Писание игнорируется.

Насколько мне известно, психология – единственная дисциплина, которая сама создает себе клиентуру, выдумывая собственные болезни. И она не только выдумывает их; она также дает им определения, решает, кто поражен той или другой болезнью, и устанавливает лечение – и всё на одном дыхании. Так мы обнаруживаем, что мы «больны», «зависимы» и т.п.

Отход от Писания

Основное заблуждение «христианской» психологии – ее отход от авторитета Писания. Ее цель состоит в том, чтобы практическое хождение христианина основывалось не на вере во Христа, а на знании. Это современная версия гностицизма. Согласно

учению психологии, христиане оказываются несостоятельными в борьбе с грехом не потому, что более привязаны к греху, чем к своему Господу, не потому, что непослушны Господу или им недостает веры, а из-за своей неосведомленности.

Неосведомленность накладывает свой отпечаток на судьбу верующего и побуждает его снова и снова грешить, независимо от того, сколько он молится, изучает Библию и кается. Дух Святой может разорвать цепи лишь тогда, когда устранена наша неосведомленность, говорит психология, и только психология может устранить эту неосведомленность. При этом не имеет значения, происходит это во время групповых сеансов или во время личной беседы с профессиональным консультантом. Значение имеет метод терапии и длительность лечения.

Но подтверждает ли Писание такое гностическое истолкование нашей греховности и связанные с ним методы лечения? Вспомним, к примеру, прелюбодеяние Давида. Бог послал Нафана к Давиду не для того, чтобы порекомендовать ему терапию виктимизации. Нафан не стал учить Давида, что к греху его привело отрицание прежних разочарований. Также он не порекомендовал царю группу самопомощи для сексуально зависимых и ее программу из двенадцати шагов. Бога, кажется, не интересовала причина, лежащая в основе поступка Давида. Но для Него имело значение то, что своим прелюбодеянием Давид сознательно нарушил закон Божий, и Ему не было безразлично, что Давид причинил своим поступком Ему, своему Богу (см. 2 Цар. 12,1–10). Давид не был жертвой, неосознанно реагирующей на непреодоленные воспоминания прошлого; то же самое относится и к Вирсавии.

Бог обвинил Давида в том, что он пренебрег Его и подал повод врагам Господа хулить Его имя. Он напомнил ему через Нафана о Своем милостивом водительстве в его жизни. Фактически, если бы царю было мало того, что он имел, Бог прибавил бы ему еще больше. Однако Давид сознательно решил пренебречь всеми благодеяниями Божьими и делать то, что хотел сам.

Упоминая о грехе Давида, я хочу подчеркнуть, что на основании Своего близкого и особого отношения к Давиду Бог ожидал от него безусловной верности. Более того, Бог знал, что Давид мог быть верным Ему.

Насколько больше это относится к нам, испытавшим очишающее действие креста! Нигде Новый Завет не учит тому, что ис-

полненный Духом Святым человек остается во власти греха, несмотря на все старания быть послушным Богу. Нигде Писание не учит, что, став христианином, человек вынужден на протяжении долгих лет вести жизнь, полную поражений, не имея радости во Христе из-за своей прежней виктимизации.⁶ Но если кто-то полагает, что такое учение можно найти в Писании, я советовал бы такому человеку сесть и снова исследовать Слово Божье.

Все чаще и чаще нас объединяет не Слово Божье, а присущая нам «зависимость» или «потребность». Все чаще и чаще церковь делится на маленькие группы, сосредоточенные на общей проблеме данной группы и ориентированные на метод двенадцати шагов, который берет свое начало от анонимных алкоголиков. Мы разделяем общие проблемы, общие чувства, мы несем на себе нашу виктимизацию и подвержены общей греховной склонности – по сути, мы испытываем определенное удовлетворение от возможности обмениваться друг с другом мнениями обо всем этом. Результатом является зависимость от мнения группы. И наконец мы начинаем думать, что только эта группа правильно понимает нас. «Только члены моей группы знают, как я страдаю, что меня мучает; лишь они знают о моей боли».

Пять опасностей групп самопомощи

Конечно, вполне возможно, что в основе создания такой группы лежало доброе намерение. Хорошо знать, что другие победили искушение, с которым мы все еще боремся, и готовы ободрить нас. Однако такие группы порождают много опасностей, которые вредят церкви. Пять таких опасностей я хочу назвать.

1. Отождествление себя со своей группой настолько сильно, что часто слабеет отождествление с остальной церковью и с ее предназначением. Фактически такой человек видит предназначение церкви в том, чтобы выявить особые, личные потребности отдельного члена и помочь ему преодолеть его проблемы и устранить причиненную ими боль.

2. Члены группы очень мало общаются с другими верующими вне пределов «своей» группы и не проявляют готовности послужить им. Только группа может проявить то участие, в каком так нуждается человек.

3. Зависимость от группы обычно настолько сильна, что на

какое-то время разлучившийся с ней христианин находится в опасности уклониться с истинного пути.

4. Так как группу объединяет общая проблема и все полагаются на определенный метод ее преодоления, здесь не может возрасти упование на верность Христа, которое одно дает нам возможность испытать реальность полного удовлетворения в Нем и в Его силе. Вместо этого силу и удовлетворение получают от группы и ее методики.

5. Личные взаимоотношения со Христом становятся эгоцентричными. Человек сосредоточивается не на Христе, а на себе, все больше и больше занимаясь своей проблемой и тем, как можно использовать Христа, чтобы держать эту проблему под контролем. Такой подход препятствует здоровому развитию абсолютной зависимости от Господа. Христианин не принимает Иисуса как своего Господа славы, свою единственную славную надежду, а себя – только как слугу, готового послужить другим ради Иисуса (2 Кор. 4,5).

Сам характер таких групп затрудняет внутренний рост человека, его способность пленять всякое помышление в послушание Христу, стремление узреть Христа лицом к лицу и все свои действия подчинить тому, чтобы прославить и превознести Его одного и чтобы общение со Христом стало величайшей радостью.

К сожалению, создается впечатление, что многие участники групп никогда не выходят за пределы своей проблемы. В их жизни, как кажется, Христос никогда не занимает центральное место. Они постоянно думают о своей виктимизации или о вызванных ею проблемах. Они считают себя более или менее «выздоровливающими», все еще анализирующими свои чувства. Другими словами, все их помыслы вращаются вокруг самих себя.

Такая разобщенность верующих противоречит библейскому учению. К тому же такие группы имеют весьма несовершенное понятие о Христе и нашей новой жизни в Нем. Ведь слава нашего призвания, глубокий смысл нашей жизни во Христе состоит в том, чтобы от всего сердца прославлять Его и с великой радостью следовать за Ним.

Как Писание, так и личный опыт учат меня, что жизнь верующих не должна быть сосредоточена вокруг определенного греха, или воспоминания, или опасности, исходящей из него. Точно так же и грех не должен быть основанием их общения. Но именно это делают группы, устроенные по принципу анонимных алкоголиков. Они не хотят забыть свою проблему и бежать из-под

ее тени. И рабство продолжается. Они никогда не испытывали великой свободы, дарованной нам во Христе (Рим. 6,14), и никогда не оказывали великому Освободителю того доверия, какого Он заслуживает (Евр. 4,14–16). Они доверяют тому методу, который практикуют.

Все возрастающее упование христиан на такие методы, как программа двенадцати шагов, служит своего рода признанием отсутствия у нас упования на действенность и силу нашего Господа Иисуса. И слова К. С. Льюиса звучат для нас, как отзвук громкого эха из прошлого, чтобы поставить под вопрос нашу исчезающую веру. Он писал:

Я не уверен, что одной из причин нашей столь слабой веры не является тайное желание, чтобы наша вера и не была особенно сильной. Нет ли у нас тайных сомнений, своего рода опасений из-за того, что же будет, если наша вера станет действенной и реальной? Я надеюсь, что нет. Бог да поможет нам всем и да простит нас.⁸

Лучший путь

Писание указывает нам путь гораздо превосходнее, чем какой-то метод двенадцати шагов. В 1 Коринфянам 6,9–11 Павел перечисляет многие грехи, которые раньше были обычным явлением среди коринфян. Некоторые из них часто меняли своих сексуальных партнеров, другие прелюбодействовали, третьи были гомосексуалистами. Были среди них и идолопоклонники, и воры, и любостяжатели, и пьяницы, и злоречивые.

Но именно в отношении всех этих людей Павел употребляет выражение, прекраснее которого трудно найти во всем Священном Писании. И оно потому прекрасно, что включает в себя и меня. Апостол пишет так: «И такими **были** некоторые из вас...». Какое сильное выражение! «Вы **были** такими» – в прошлом. Вы такими **были**, но сегодня вы уже не такие. Какое чудесное провозглашение свободы! Можешь ли ты поверить в это? Но Павел не останавливается. Он продолжает: «...но омылись, но освятились, но оправдались именем Господа нашего Иисуса Христа и Духом Бога нашего». Очищены, оправданы и освобождены!

Они не только обрели спасение, но и Дух Святой был среди

них и в них, объединяя их всех воедино. Совершилось нечто неслыханное: в одном и том же доме собрались иудей и бывший идолопоклонник. Рядом с ними сидели раб, бывший гомосексуалист и бывший вор, который распутничал с блудницами в храме Афродиты. Но теперь всё изменилось. Теперь они сидели вместе и слушали, как Павел проповедовал о том, что всякий язык исповедает: «Господь Иисус Христос в славу Бога Отца». И они кивали головами в знак согласия, при этом сияя неизреченной радостью. Представь себе это, если хочешь, но помни, что это – не фантазия.

При этом подумай еще об одном: даже когда Павел был вынужден принимать строгие меры из-за плотского поведения многих из них, даже когда сатана внес в их среду разногласия, ты не найдешь и упоминания о том, что они разбились на мелкие группы в соответствии с прошлой греховной «зависимостью». По сути, продолжающаяся греховная зависимость просто была недопустима в их среде.

Бывшие пьяницы не объединялись в группы на основании того, что только такие же бывшие пьяницы могут понять их боль, разочарование и борьбу. То же самое относится и к бывшим гомосексуалистам, ворах, блудникам и т.д. Их общение основывалось не на том, кем они были и чем занимались до покаяния. Нет, они сосредоточились единственно на Иисусе Христе. Они были омыты, освящены и оправданы «именем Господа нашего Иисуса Христа и Духом Бога нашего».

Теперь они могли забыть всё, что было прежде, потому что имели участие как в совместном настоящем, так и в совместном будущем – в Иисусе Христе и Его Царстве. Все они имели общение друг с другом – обманщики и блудницы, любостяжатели и идолопоклонники – и, независимо от своего прошлого, служили друг другу данными Богом дарами, как спасенные Божьей благодатью. Они видели в себе не «выздоровливающие» жертвы, зализывающие свои раны. Нет, они были детьми Божьими и учились словом и делом прославлять Его, подражать Своему Небесному Отцу, концентрируя все свое внимание на первородном брате Иисусе, начальнике и совершителе их веры. И – о чудо из чудес! – им это удавалось! Несмотря на все их ошибки, им это удавалось!

Неужели я прошу, чтобы повторять: «Это недостижимо»? Неужели такие слова лучше соответствуют искупленным Богом? Неужели сегодня ситуация действительно настолько изменилась, что нам это не удается?

Примечания

1. Льюис Кэрролл. *Алиса в Зазеркалье*. – М: Стрекоза-Пресс, 2002. – С. 112.
2. David A. Seamands, *Healing Grace* (Wheaton: Victor Books, 1988), p. 187–189.
3. Michael Schrage, «Why Beauty of Scientific Models is often Only Skin Deep», *Los Angeles Times* (December 21, 1989), pp. D-1,7.
4. Там же, с. 7.
5. Хочу привести только два примера:
а) Минирс и Майер в своей книге «Счастье – результат выбора» (Frank B. Minirth and Paul D. Meier, *Happiness Is a Choice*. Grand Rapids: Baker Book House, 1978) заявляют следующее:

Слова Иеремии «лукаво сердце человеческое более всего и крайне испорчено; кто узнает его?» (17,9) служат ключом ко всякой христианской психиатрии. Этим пророк Иеремия хочет сказать, что мы, люди, не можем измерить и понять, сколь греховно и обманчиво наше сердце – наши неосознанные мотивы, инстинкты, эмоции и мысли (с. 97).

Здесь нам без обиняков заявляют, что Иеремия говорит о «бессознательном». Однако это весьма опрометчивое заявление; ведь под «сердцем» в Ветхом Завете подразумевается все, что составляет внутренний мир человека, включая его разум и волю. Оно не имеет отношения к описанному Фрейдом «бессознательному». Согласно Минирсу и Майеру, нужно просто верить, что в приведенном месте Писания говорится именно о бессознательном.

Так же необоснованно ссылаются они и на Притчи Соломона 11,14: «При недостатке попечения падает народ, а при многих советниках благоденствует». Это изречение затрагивает судьбу народа, которому недостает мудрых и смиренных политических руководителей. Но посмотри, как интерпретируют этот стих Минирс и Майер:

Некоторые люди (особенно из простонародья) смеются, когда кто-то обращается к специалисту-психологу... но этот смех лишь отражает их наивность и ограниченность. Опыт-

ный душепопечитель или христианский терапевт своими указаниями может помочь человеку преодолеть гнетущее его бремя жизни. **Качественная христианская психотерапия сравнима по значению с ученичеством** (с. 98; выделено мною).

Какое удивительное заключение содержится в последнем предложении! Изречение, которое следует отнести к качеству политического руководства, используется для оправдания христианско-психиатрической консультации. И к тому же психотерапия ставится на один уровень с ученичеством. Остается спросить: согласился бы Соломон с тем, что ему здесь приписывают?

б) В своей книге «Дверь надежды» (Jan Frank, *A Door of Hope*. Here's Life Publishers, 1987) Жан Френк представляет притчу о плевелах на поле (Мф. 13) **«как прекрасную иллюстрацию того, что случается с нами, как с жертвами...»** (с. 158; выделено мною). «Некоторые люди сеют добрые семена в жизни маленьких детей, – пишет она, – и это пшеница. Плевелы – это ложь, посеянная в детские сердца сатаной. Он внушает детям, что Бог их не любит, что в них нет ничего доброго и заслуживающего внимания. Такая ложь сеется в детские сердца в особых, стрессовых ситуациях, например, в случае сексуального домогательства. Впоследствии сатана старается укрепить нашу веру в его ложь. Всякая подобная ложь посеяна врагом, чтобы сделать нас бесплодными для Бога» (с. 159). Когда же мы становимся взрослыми, мы должны разоблачить эту сатанинскую ложь, которой поверили «пусть даже только в подсознании», выкорчевать ее и заменить Словом Божиим. Эта ложь нас угнетает, вызывает в нас чувство вины и недовольства и даже внушает нам мысли о самоубийстве.

Как критиковать то, что с такой эмоциональностью излагает госпожа Френк, если она утверждает, что именно Дух Святой указал ей такое толкование? Однако я не могу не спросить, зачем тогда Господу нужно было объяснять эту притчу? Имея дело с «болезненными» обстоятельствами прошлого, мы не вправе приспособливать Слово Божье для оправдания нашей методики.

Можно написать толстую книгу о том, как «христианская» психология приспособливает к своим взглядам Писание, как ис-

кажает его, чтобы оно соответствовало ее специальным пред-
посылкам и вытекающим из них методам.

6. Дэвид Симендс утверждает это в интервью *Christianity Today*. Сославшись на строки песни Чарлза Уэсли: «Он сокрушает власть прощенных грехов и освобождает пленных» (из: «О, если б сотни уст иметь...»), Симендс говорит:

Возможно, что и прощенный грех все еще имеет власть над человеком. Люди могут принять Христа, быть на пути к небу, но, несмотря на это, в них все еще присутствует боль и грех прошлого, которые не отпускают их. Их власть должна быть сломлена. Если этого не происходит, человек не может остаться верным.

7. C. S. Lewis, *Christian Reflections* (Walter Hooper, ed. Grand Rapids: William B. Eerdmans Publishing Company, 1967), p. 43.

9

Неверные ответы на неверные вопросы

Недавно один из моих друзей беседовал с психологом, который сказал: «Прежде чем мы увидим весь ужас своей греховности, нам необходимо в целях самозащиты сначала почувствовать себя разочарованными, израненными жертвами». В ходе беседы психолог вынужден был признать, что не может согласовать теологию виктимизации с Писанием, но, несмотря на это, верит ей. В другом случае тот же психолог заявил, что, благодаря «христианской» психологии, сегодняшние христиане ушли на шаг вперед от христиан прежних времен.

Предположим, что этот психолог прав. Если он прав, то нам необходимо внимательнее рассмотреть процитированное выше высказывание. Если он прав, то мы должны быть благодарны за следующее замечание Дэвида Симендса, который считает, что невозможно стать причастником Божьей благодати, не испытав «внутреннего исцеления» прошлой виктимизации. Он пишет:

Невозможно ошутить преисполненную любви Божью заботу, пока не произойдет глубокое внутреннее перепрограммирование всего того отрицательного влияния, какое было оказано на человека его родителями, семьей, учителями, проповедниками и церковью.¹

Итак, предположим, что «христианская» психология права и нам необходимо пройти такую терапию, прежде чем мы сможем реагировать на Божью благодать так, как Он этого хочет.

Давайте исходить из этого предположения. И что же у нас получается?

Если верно то, что «христианская» психология говорит о причине нашего греховного поведения, и если терапия виктимизации – единственно верный путь для устранения этой причины, но ее концепция и методика не вытекают непосредственно из Писания, то мы вынуждены сделать следующий вывод: мы не только не виновны в отсутствии у нас послушания Богу, но Бог Сам виноват в этом.

Если «христианская» психология права, то до ее недавнего открытия у христиан не было средств, необходимых для того, чтобы понять и преодолеть их зависимость от неверных решений.

Кто, кроме Бога, может быть ответственным за это? И мы вынуждены спросить: как Он мог проявить такую небрежность? Как Он мог так равнодушно отнестись к потребностям Своего народа? Разве Он не знал их боли и разочарований? Разве Он не понимал, что им необходимо работать над своей виктимизацией? Как мог Он быть столь бесчувственным, ожидая от них во всех ситуациях радости, благодарности и основанного на любви послушания, и при этом зная, что для этого они настоятельно нуждаются в лечении, основанном на принципах «христианской» психологии?

Более того, как Он мог вдохновить апостола Петра, чтобы тот написал: «Как от Божественной силы Его даровано нам все потребное для жизни и благочестия, через познание Призвавшего нас славою и благодатию, которыми дарованы нам великие и драгоценные обетования, дабы вы через них соделались причастниками Божеского естества, удалившись от господствующего в мире растления похотью» (2 Петр. 1,3–4).

И Петр был не единственным, кто писал это. Апостол Иоанн сообщает нам: «Ибо всякий, рожденный от Бога, побеждает мир; и сия есть победа, победившая мир, вера наша. Кто побеждает мир, как не тот, кто верует, что Иисус есть Сын Божий?» (1 Ин. 5,4–5). Иуда, сводный брат Господа, завершает свое короткое Послание заверением, что Христос может «соблюсти вас от падения и поставить пред славою Своею непорочными в радости» (ст. 24). Павел подчеркивает, что христиане имеют «полноту в Нем» (Кол. 2,10). Мы не должны забывать и непосредственного обетования нашего Господа: «Если пребудете во Мне и слова Мои в вас пребудут, то, чего ни пожелаете, просите, и будет вам. Тем прославится Отец Мой, если вы принесете много плода и будете Моими учениками» (Ин. 15,7–8).

Не должны ли мы верить этим словам Писания, почитать их и держаться за них? Или в прошедшие века христиане неверно их понимали? Или мы ожидали от них слишком многого?

Нет, это непреложное Слово Божье. И такого мнения придерживались все верующие всех времен. И своей кровью Церковь многократно запечатлела свое упование на это Слово.

Реформация, послереформационный период, Великое пробуждение XVIII века и изумительное распространение Благой вести в продолжение последних двух веков обязаны своим возникновением «великим и драгоценным обетованиям» Божиим. В них они черпали надежду и силу. Тысячи верующих с радостью шли, отдавая все, чтобы возвешать Божье прошение в Крови Христа.

Или вся многовековая история упования на Бога и Его Слово – всего лишь выражение неуверенности, недостаточности и неуместных ожиданий? Может быть, это было безумием и ставило Бога в затруднительное положение? Возможно ли, чтобы на протяжении почти двух тысяч лет Бог обманывал Свой народ каким-то миражом?

Нигде Писание не призывает нас считать Божьи обетования неполными и ненадежными. Нигде не сказано: «Вы можете верить в них, но сами по себе они недостаточны». Нигде Писание не учит нас обращать внимание на мирские теории, чтобы с их помощью больше узнать о дополнительно «познанных» истинах, касающихся Божьей освящающей благодати.

Сомнение в Божьей неизменности

Настаивая на необходимости терапии виктимизации, «христианская» психология тем самым объявляет Писание недостаточным – точка зрения, которая в конечном итоге подвергает сомнению Божью неизменность.

После одной моей проповеди, в которой я излагал основные мысли этой книги, ко мне обратился пожилой господин, которого я знал как человека, желающего угодить Богу. Он хотел поблагодарить меня. Затем он сказал: «Одна из наших дочерей как-то упрекнула нас в действиях, которых никогда не было». В его голосе чувствовалось замешательство и удивление. Его история – лишь одна из многих, которые я собрал за последние месяцы. Людям приписывают действия, которые ущемляли и травмировали дру-

гих, хотя ничего подобного в действительности не было. Вот один пример.

Десятилетняя девочка обвинила своего приемного отца, человека с безупречной христианской репутацией, в том, что он бил ее и подвергал сексуальному насилию. Его сразу же отстранили от должности и назначили прокурорское расследование. Во время допроса девочка призналась, что солгала. Она хотела отомстить своим приемным родителям за то, что они не хотели оставить ее у себя. (Они расстались с ней из-за ее неисправимого поведения.) Дело было сразу же прекращено, и этот человек был восстановлен в своей должности. Счастливый конец? Не совсем. Одна сотрудница социального отдела штата сказала этому мужчине, что все же считает его виновным, хотя девочка и призналась в том, что солгала.

Вездесущность виктимизации

Мы живем в такой социальной среде, где люди всё в большей мере одержимы мыслью о том, что они стали жертвой своих близких.² Родители и старшие члены семьи без всяких на то доказательств считаются виновными в том, что проявляют безразличие и холодность. Подтверждений не требуется. Виктимизация стала настолько вездесущей, что избежать ее невозможно.

При этом беспокойство вызывает тот факт, что «христианская» психология с готовностью признаёт такой взгляд на вещи и защищает его. Даже христианская церковь поражена виктимизацией. Историям об отсутствии заботы, жестоком обращении и насилии легко верят; о них дискутируют даже на совещаниях церковного совета. И даже когда эти истории опровергнуты, людей трудно убедить в этом; они настаивают на том, что нужно еще раз тщательно расследовать дело.

Можем ли мы быть уверенными в том, что чьи-то воспоминания, извлеченные из глубин памяти, истинны, точны и полны? Можем ли мы быть уверенными в том, что рассказанное нам не основано на воображении – не только в том смысле, что вся история выдумана, но и в том смысле, что, хотя человек и уверен в достоверности своего рассказа, он все же ошибается? Вполне может быть, что воспоминание из раннего детства – не что иное, как воспоминание о воображаемом событии. Уверены ли мы в том,

что своими утверждениями пациент не откликается на невысказанное желание или давление со стороны консультанта?

Хочу проиллюстрировать проблему следующей историей. Один молодой студент-семинарист в рамках своего учебного плана был включен в маленькую группу, задача которой состояла в том, чтобы побудить каждого участника обнаружить в своем прошлом травмы и разочарования. Однажды руководитель группы обратил внимание и на этого молодого человека и его воспитание. Тонем опытного консультанта по виктимизации он начал расспрашивать студента об его отце.

Юноша ответил, что его отец – замечательный человек, который передал ему серьезные моральные принципы, а также способность к независимым суждениям, что позволяет ему противостоять давлению сверстников. К тому же отец не только научил его этим ценностям, но и показал их на примере своей жизни. Правда, затем молодой человек поделился своим переживанием, что его отец не отдал свое сердце Христу и не знает Писания. Раньше он был активным членом лютеранской церкви, но затем отошел от нее.

Здесь руководитель группы увидел точку опоры, позволяющую помочь молодому человеку понять степень его виктимизации, и указал ему, что он должен «очень обижаться» на своего отца за то, что тот оказался неспособным передать ему правильное отношение к Христу.

«Нет, – возразил молодой человек, – я не обижаюсь на своего отца. Я верю, что мой отец действовал из лучших побуждений и делал все, что мог в его понимании».

Руководитель группы был недоволен. Некоторое время он пытался убедить студента в том, что в духовном отношении отец бросил его на произвол судьбы. Однако молодой человек отказывался признать его аргументы. Снова и снова он настаивал на том, что отец дал ему всё, что был в состоянии дать, даже если в духовной области это и не было всем тем, в чем он нуждался. «Я не могу сердиться на него, – говорил он, – так как мой отец не мог дать мне больше».

После того, как беседа зашла в тупик, руководитель группы продолжил общую дискуссию. Однако молодой человек чувствовал, что руководитель им недоволен и, возможно, думает, что он что-то от него скрывает. Обобщая свой опыт, этот молодой человек писал, что ему стало ясно, как такая методика «может побудить отдельных людей “открыть” в себе комплексы, которых нет в

наличии, и возбудить в них неприязнь, которой раньше не было. Потенциал греха огромен».

Другая история подтверждает проницательный анализ студента. Один молодежный пастор – супруг и отец – вступил в сексуальные отношения с девочкой-подростком из его группы. Когда это обнаружилось, пастор открыто покался, попросил у церкви прощения и оставил пасторское служение. Но так как это дело было наказуемо в уголовном порядке, он был арестован и осужден. Прежде всего он должен был пройти психологическое обследование, причем срок наказания отчасти зависел от выводов психолога. Молодой пастор был в руках психологов.

Он и его жена выбрали лучших христианских психологов, каких только смогли найти, – одну супружескую пару. Они вместе участвовали во всех предложенных им сеансах, думая, что психологическая консультация основана на Писании. Но вскоре они были вынуждены признать, что это не так. Писание смешивалось с множеством психологических терминов, и хотя каждый сеанс начинался молитвой, вся консультация сразу же начинала вращаться вокруг детства пастора, которое нужно было вспомнить и проработать. Кроме того, консультанты дали им множество книг, рассматривающих такие темы, как гнев, вина и созависимость с психологической точки зрения. Как сказала позже жена этого пастора, случалось, что они одновременно прочитывали семь или восемь таких книг.

После нескольких сеансов пастор и его жена попросили консультантов порекомендовать им то, что непосредственно основано на Библии. «Зачем же, – удивились те, – разве вы уже не читали Библию? Почему вы хотите читать ее снова и снова? Поступаете ли вы так с другими книгами?»

Вскоре им обоим стало ясно, что консультации этих психологов не основаны на Писании. Однако ради своей семьи, травмированной его грехом, и ввиду угрожающего ему большого срока лишения свободы пастор решил оставить свои сомнения и согласиться с предлагаемым психологами методом. И дело пошло по обкатанной колее терапии виктимизации. Это было опустошительное путешествие.

Оно началось с требования психологов вспомнить первые детские переживания. «О, мне стыдно», – признался пастор. Он обманул своего отца, когда потерял ключ. Психологи сразу же зацепились за этот факт. «Вы понимаете, что это значит?» – спросили они. Молодежный пастор вынужден был признаться, что не пони-

мает. «Вы огорчили Небесного Отца и теперь ищите ключ, чтобы вернуть Его благоволение».

Это истолкование, как сказал психолог, пришло от Бога и служит ко благу пастора. Теперь у психолога в руках был «ключ», позволяющий расшифровать «виктимизированное» детство пастора. Я помещаю слово «виктимизированное» в кавычки, потому что молодежный пастор очень уважал и почитал своего отца. Он любил отца (тот уже умер) и был убежден, что отец любил его и желал ему только блага. И его жена думала так же. И все родственники, друзья и знакомые думали так же.

Однако психологи не соглашались с этим. На каждом из последующих сеансов они препарировали его прошлое, интерпретируя его по-новому, причем заранее предполагали виктимизацию. Они показали сыну, что его отец сделал не все, что мог сделать, чтобы он был более самостоятельным, и что отец использовал его в своих эгоцентрических целях.

Они предложили пастору снять висевший в его комнате портрет отца, так как он якобы был его кумиром (портрет был подарком церкви, в которой отец долгие годы совершал пасторское служение). Но, сняв со стены портрет, молодежный пастор глубоко оскорбил свою мать. В другой раз психологи предложили ему взять семейный альбом и хорошо посмотреть на свои детские фотографии, чтобы убедиться, каким несчастным он был в этом возрасте. Это тоже глубоко задело его мать. По сути, такая терапия привела к глубокому разладу между ним и его матерью и другими членами семьи.

Окончательный вывод психологов в отношении молодежного пастора был таким: вы думали, что ваш отец был чудесным человеком, но на самом деле это не так. Он не столько любил вас, сколько сделал своей жертвой.

Его жене психологи приготовили особое «утешение». Они сказали ей: «Даже если бы у вашего мужа было 50 000 жен, он все равно совершал бы прелюбодеяния». В глубокой фрустрации, с чувством полного разочарования в «христианской» психологии она писала: «Скажите мне, ради всего святого, что мы сегодня понимаем под словом "грех"?»

Кто может ответить на ее вопрос? Возможно, те, кто конструирует христианство, основанное на извращенном взгляде на действительность? Где, о Господи, Твой крест? Где люди, которые желают исцеления вдвойне – не только от наказания, но и от власти

греха? Неужели сегодня никто не готов признать себя жалким грешником? Неужели уже нет тех, кто с готовностью спешит ко кресту, чтобы получить прощение, кто верит в освобождающую и сохраняющую силу креста? Неужели никто из нас не готов петь:

Ручьем святая Кровь течет
В омытие грехов;
Покой в ней страждущий найдет
И отдых от трудов.
Иисуса Кровь с креста текла,
С Его чела, с ланит;
Я был в пороках без числа,
Но ею я омыт.

Весь процесс терапии виктимизации настолько субъективен, настолько искусственен, им можно так манипулировать, что он прямо-таки требует критического подхода. И поэтому удивительно, насколько некритично восприняли многие христиане эту систему, считая ее как христианской, так и научной.

Разве можем мы обойтись без того, чтобы не выяснить библейскую обоснованность процесса, который вынуждает нас обвинять человека, лишенного возможности защитить себя? Соломон напоминает нам: «Первый в тяжбе своей прав, но приходит соперник его и исследует его» (Притч. 18,17). Прибавь к этому и другую проблему: терапия виктимизации направляет внимание человека на прежние, уже прощенные грехи, заставляя вновь оживить их и прочувствовать как «непрощенные». Снова растрavляются старые раны, подогреваются старые обиды. Перед нами процесс, который никак нельзя назвать библейским.

Монстр созависимости

К сожалению, советы психологов, касающиеся проблем, вызванных виктимизацией, – не единственное небиблейское средство в инструментальном ящике «христианской» психологии. Последним криком моды в евангельских кругах стало такое понятие, как «созависимость», или «совместная зависимость». Ее рамки столь широки и неопределенны, что лишь немногим удастся уберечь себя неповрежденными. Если ей дать волю, она подчинит себе даже библейское учение о христианской любви и служении ближнему.

Созависимость определяется как психологическая болезнь, при которой у людей «явно выражено стремление заботиться о других. Они одержимы страстным желанием вступаться за обиженных, стараются активно вмешиваться в их жизнь и имеют прямо-таки потребность привязывать к себе зависимых от них людей».³ Для жены, которая, на основании 1 Петра 3,1–6, хочет личным повиновением приобрести для Христа своего мужа, последствия могут быть весьма серьезными. Если он считается зависимым, то она, вероятно, будет считаться созависимой. И к тому же не сочтут ли ее «зачинщицей» из-за ее кроткого и молчаливого духа?⁴

Что приводит к созависимости? Можно ли сказать, что причина кроется в «недостатке самоуважения»? Известный светский психолог д-р Джойс Бразерс выражает это так: «Созависимость представляет собой такой тип поведения, при котором возникает мучительная зависимость от навязчивой манеры поведения и одобрения других людей, которые должны вести человека к уверенности, самоуважению и способности оставаться самим собой».⁵

Каковы типичные признаки созависимых? Один особенно находчивый в этой области христианский автор насчитывает свыше двухсот признаков – и это, видимо, далеко не полный список.⁶ Конечно, нам не следует слишком удивляться таким цифрам: ведь их собирают психологи. Так, к примеру, Минирс и Майер в своей книге «Счастье – результат выбора» насчитали 130 существенных признаков, характеризующих личностный портрет людей с «навязчивыми мыслями»; 118 характерных черт «истеричных» личностей; 101 особенность «депрессивных» типов и 71 особенность «маниакально-депрессивных» личностей.⁷

Но давайте посмотрим на вещи с объективной точки зрения. Краткий список симптомов созависимости может нам в этом помочь. Все они, и каждая их комбинация, делают нас «такими», хотим мы этого или нет. Это правила игры, на которые мы никак не можем повлиять.

Созависимые часто пассивно-агрессивны, недоверчивы, недовольны, неуступчивы, замкнуты. Так как они плохие собеседники, у них возникают проблемы в общении, им с трудом даются интимные отношения; они часто подавляют свои мысли и чувства. Они требовательны к себе, но при этом чувствуют себя слабыми, неспособными и обособленными.⁸

Невольно возникает вопрос: сколько психологических «бо-

лезней» согласуется с таким разнообразием симптомов? Кто из нас смог бы отрицать, что в определенное время и при определенных обстоятельствах не замечал у себя некоторые из этих симптомов?

Сколько же созависимых людей? Согласно данным одной составленной четырьмя христианскими психологами книги, созависим каждый четвертый американец.⁹ Эксперты считают, что это число гораздо больше; они убеждены, что свыше девяноста процентов населения Америки страдают от созависимости. В своих расчетах они исходят из того, что каждый, кто был связан с зависимой личностью, уже созависим.¹⁰ Они не говорят о том, что это значит для тех, кто заботится о таких несчастных.

Извини, но кто все это выдумывает? Кто решает, что такое «созависимость» и устанавливает критерии для определения масштабов этого явления? И какие предпосылки лежат в основе этих критериев? Какие научные проверки проводились, чтобы можно было заявить, что 65 миллионов, или 100 миллионов, или даже 200 миллионов американцев созависимы?

Не бросаемся ли мы в крайности? С одной стороны, мне говорят, что я смогу уважать себя и чувствовать свою значимость, если буду знать, что другие любят меня и ценят мое участие в их жизни. С другой стороны, стремясь к признанию, уверенности и самоуважению, я могу попасть в категорию созависимых. Как же я должен себя вести?

Неудивительно, что в такой ситуации Писания недостаточно для освящения верующего. Если учение о созависимости верно, то это просто чудо, что до сих пор человечество, не говоря уже о церкви, вообще было способно что-то делать. Но я не могу поверить в научное обоснование созависимости. Ее концепция субъективна, а структура произвольна и полностью противоречит библейскому понятию о самоотвержении.¹¹

Как сможет христианин совершать свой путь, уповая на Христа, если будет серьезно относиться к созависимости? Кто, желая трудиться для Христа, не будет мучим страхом и сомнениями? Как могут избежать упрека в созависимости служители Христовы — учителя, миссионеры, проповедники и диаконы, искренне желающие прославить Христа, исполненные сострадания к погибающим, бедным и страждущим, сами испытывающие радость и своим служением несущие ее другим? Как им защититься от перечня, в котором приведено более двухсот признаков созависимости?

Был ли Павел созависимым?

Даже апостолу Павлу было бы нелегко избежать обвинения в созависимости. Ведь он был человеком, который призывал коринфян любить его так, как он любил их (2 Кор. 6,11–13). Он называл себя их духовным отцом во Христе и умолял быть послушными его учению (1 Кор. 4,14–16). Он призывал их подражать ему, так как он сам подражал Христу (1 Кор. 11,1). Он утверждал, что ради них терпел голод и бессонницу (2 Кор. 11,27) и для их блага готов отдать всё, включая самого себя (2 Кор. 12,15). Если бы Павел жил в наши дни и руководил церковью, его обязательно заклеили бы как человека созависимого, одержимого страстью влиять на других.

Конечно, заботясь о других, христиане могут впадать в крайности, порой сами того не желая, а порой из греховных побуждений, стремясь избежать других проблем или, что тоже греховно, находя удовольствие в своей власти над людьми, которые от них зависят. Но давайте называть греховные мотивы грехом, а не созависимостью.

Да сохранил нас Бог от того, чтобы верных, жертвенных рабов Христа, которые в своем усердии заходят слишком далеко, мы называли больными, страдающими созависимостью. Однако многим христианским психологам очень трудно противостоять этому искушению, так как симптомы созависимости слишком уж общи и присущи практически всем.

К кому же мы обратимся за руководством? К психологии с ее бесчисленными шагами к выздоровлению? Нет и нет! Пора вернуться к Библии! Пора решительно выбросить за борт все рекомендации о том, как помочь самим себе. Пора отвернуться от «познанной» мудрости психотерапии и точки зрения групп самопомощи. Давайте вернемся к Священному Писанию! Давайте признаем за ним право обличать нас, исправлять, учить и направлять на путь праведности к радостной отдаче Господу. Именно это имел в виду Бог, давая нам Писание.

Когда-то я предстану перед судилищем моего Господа, и если Он скажет мне, что я слишком доверялся Ему и Его Слову и что мне надо было признать это новое «откровение», то, к моему стыду, я уподоблюсь тем, кто будет спасен «как бы из огня». Но даже при всем желании я не могу представить себе, что Он скажет: «Ты слишком доверился Моему Слову».

Духовная брань

В сфере действия «христианской» психологии и ее теорий дьявол получил свободу действий. Даже если «христианская» психология и признает возможность сатанинского противодействия, сама ее практика сводит эту реальную возможность к нулю. Редко непосредственной причиной признается сатанинское влияние.¹²

Правда, следует сказать, что в терапии виктимизации присутствует гуманистическая «горизонтальная» борьба; однако применяемая ею методика не в состоянии признать действительность того, о чем пишет Павел в Ефесянам 6,10–12:

Наконец, братия мои, укрепляйтесь Господом и могуществом силы Его. Облекитесь во всеоружие Божие, чтобы вам можно было стать против козней дьявольских, потому что наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесных.

Как вписываются эти стихи в представление психологии, согласно которому причина всякой греховной связанности кроется в виктимизации и недостатке самоуважения? Как можно их объединить? «Христианская» психология не может этого сделать и не делает. Но как можно игнорировать столь важную доктрину и существенную составную реальности? Разве сатана не следовал по пятам за нашим Господом от Его крещения и до славной победы на кресте, постоянно ища возможности погубить Его? Разве не присутствовал он при распятии? Разве это не он заставил нас в слепой ярости распять Господа славы? Разве он не был в той толпе, которая злословила и кричала: «Христос, Царь Израилев, пусть сойдет теперь с креста, чтобы мы видели, и уверуем» (Мр. 15,32).

Не стоял ли он около Петра, когда тот, едва различимый в свете костра, сидел во дворе первосвященника? Не просеивал ли он его, как пшеницу, шепча ему на ухо: «Отрекись от Него! Не будь глупцом! Спасай себя самого! Спасай собственную шкуру! Посмотри на Него! Всё пропало. Не упрямься!»? Разве не ангел сатаны удручал Павла, надеясь лишить великого апостола Иисуса мужества и ввергнуть его в угрюмое молчание? Несмотря на это, апостол продолжал исполнять Божественный план, который и Петру, и Павлу, а через них и нам должен был явить чудо любви Иисуса и полную достаточность Его благодати.

И разве эти события, о которых сообщает нам Писание, не служат примером и для нас? Разве Лютер боролся всего лишь со своим больным воображением, когда, скрываясь от опасности в Вартбурге, переводил Новый Завет на язык немецкого народа, чтобы каждый мог сам читать Слово Божье? Как говорит легенда, он бросил свою чернильницу в дьявола, когда тот уговаривал его прекратить работу. Для Лютера это стало хорошим опытом, в котором сегодня нуждаемся и мы. Обретя в этой борьбе мудрость, он смог написать: «Гораздо проще бороться против дьявола во плоти (т.е. против людей), чем против духов злобы поднебесных».¹³

Лютер пережил то же, что и библейские святые (2 Кор. 2,10–11). И его переживания знакомы каждому верующему, серьезно воспринимающему Слово Божье. Кому из нас не приходится ежедневно бороться с этим древним и злым врагом? Как важно поэтому облечься во всеоружие Божье! Пытаясь же победить грех недуховными методами, мы явно игнорируем сатану и подвергаем себя серьезной опасности.

Писание настоятельно предостерегает нас от козней дьявола. Он может уловить верующих в свои сети, чтобы они исполняли его волю (2 Тим. 2,26). Он старается перехитрить нас, и ему это удается, если мы не бодрствуем (2 Кор. 2,11). Он может принимать вид ангела света (2 Кор. 11, 14–15). Нам также известно, что он ходит, «как рыкающий лев, ища кого поглотить» (1 Петр. 5,8). Он наш извечный враг, вынуждающий нас постоянно быть начеку.

Самая большая и принципиальная слабость, своего рода ахиллесова пята «христианской» психологии в том, что она отказывается признать эту духовную силу и действовать соответствующим образом.¹⁴ Наша брань может иметь физические, умственные и эмоциональные аспекты, но в сути своей это духовная брань, и воинствование наше должно быть духовным (2 Кор. 10,3–5).

Поразительно, до какой степени слабой оказывается «христианская» психология при выполнении такой важной задачи. Она оставляет нас совершенно незащищенными в духовной области. Ее методика, которая ищет причину греховного поведения в категориях патологии, а лечение – в «должной» любви к себе, которая игнорирует крест и его значение для верующих, не в состоянии подготовить нас к тому, чтобы мы могли устоять в день злой. Но такой день обязательно придет, и он будет особенно страшен для тех, кто менее всего готов признать его реальность.

Только что процитировав Лютера, я не могу не вспомнить его чудесный гимн «Твердыня наша – вечный Бог», который, думаю, выражает его опыт духовной брани и побед:

Наш враг не дремлет никогда,
Нам смертью угрожая;
Живет он только для вреда,
Всех погубить желая.

От века грозного врага
Не одолеем сами,
Один лишь может без труда
Сковать его цепями.

Кто же этот Один? Кто это может быть? «Господь Иисус Христос», – пел дальше Лютер. «Христос, и только Христос», – провозглашал Джон Буньян.

Только Иисус – путь к победе. Он – путь к жизни и святости. Он, и никто другой.

Примечания

1. David Seamands, *Healing for Damaged Emotions* (Wheaton: Victor Books, 1981), p. 85.
2. Понятие «жертва» столь избито, что уже почти ни о чем не говорит. Каждое, даже самое незначительное событие нашей жизни, о котором можно сказать, что оно «негативно» повлияло на нас, делает нас жертвой. Твоя мать при всех пристыдила тебя, когда ты в возрасте четырех лет намочил в штанишки? Ты жертва. По всей вероятности, оставшийся от этого эпизода шрам определенным образом повлиял на твое поведение, когда ты стал взрослым, способствуя тому, что у тебя недостает чувства собственного достоинства. Объявляя каждого в большей или меньшей степени жертвой, мы тем самым лишаем себя способности отличить действительное падение от виктимизации и вовремя оказать нужную помощь.
3. Jim and Phyllis Alsdurf, «The "Generic Disease"», *Christianity Today* (December 9, 1988), p. 30.

4. Кэрл Тревис, феминистка и социальный психолог, в одной из статей в *Лос-Анджелес Таймс* приводит выразительный аргумент:

Теории созависимости необоснованно перекладывают ответственность на других людей; созависимых учат, что они виноваты в проблемах своего брачного партнера не меньше, чем он сам, так как стали «зачинщиками». Сами же зависимые могут и не нести ответственности за свое агрессивное, аморальное или жестокое поведение, так как они, как пишет один автор, страдают «прогрессирующей болезнью» и «не в состоянии сами помочь себе» (Carol Trevis, «Just Another "Disease" to Soothe Powerlessness». *Los Angeles Times*, March 5, 1990, p. B-13).

5. Joyce Brothers, «Getting Help for Co-dependency», *Los Angeles Times*, (November 7, 1989), p. E-10.
6. Alsdurf, *op. cit.*, p. 30.
7. Frank B. Minirth and Paul D. Meier, *Happiness Is a Choice* (Grand Rapids: Baker Book House, 1978), p. 64, 89, 124, 205.
8. Alsdurf, *op. cit.*, p. 30.

В своей воскресной колонке от 4 марта 1990 г. Марк Ластер, редактор *Дэйли Ньюс*, цитируя Мелоди Битти, приводит некоторые признаки созависимости:

Такие люди озабочены проблемами других и страдают им. Они чувствуют сильное побуждение помочь кому-то в решении проблем. При этом они не имеют покоя и находятся в постоянном напряжении.

Далее Ластер комментирует: «Если кто-то из вас не испытывал подобные чувства, то он редкий экземпляр».

Статья Ластера демонстрирует мало симпатии к созависимости. Он цитирует замечание детского психолога Роберта Коле, которое появилось в *Нью-Йорк Таймс*: «У меня такое чувство, что скоро у нас появятся специальные группы для четвероюродных братьев страстных любителей хереса». Таково мнение Коле. Ластер пишет, что «движение созависимых сошло с ума, и он видит в нем доказательство того, как легко находит своих легковых читателей всё, что курсирует в нашей культуре под названием "психология"». (Mark Lacter, «Helping Hand Might Have Tight Grip», *Daily News*, March 4, 1990, Business Section, p. 1).

9. Каталог христианских книг за январь–февраль 1990 г., с. 21. Реклама книги «*Love is a Choice: Recovery for Codependent Relationships*».
10. Alsdurf, *op. cit.*, p. 34.
11. Д-р Стэн Дж. Катц, светский психолог, в своей нашумевшей книге «Заговор созависимых» пишет:

Придумав столько различных симптомов болезни, основатели созависимости нашли место каждому. Мы все оказываемся созависимыми, так как каждому из нас подходит по крайней мере один из указанных признаков. Такая тактика очень выгодна как для книжной торговли, так и для посещаемости лекций психологов... Но в то же время она безответственна. Большинство эмоций и поступков, отнесенных к симптомам созависимости, совершенно нормальны. Они не указывают на какую-то зависимость или связь с неблагополучной семьей... Они доказывают лишь одно: авторы таких списков выдумали теорию столь всеобъемлющую, столь многостороннюю, что она практически бессмысленна (Stan J. Katz, *The Codependency Conspiracy*, New York: Warner Books, Inc., 1991, p. 16–17).

12. Упоминая сатанинское влияние, я не имею в виду тот смысл, который вкладывает в него так называемое «служение освобождения». Я не верю, что христианин может быть одержим бесами. Изгнание бесов – обратная сторона «христианской» психологии. И то, и другое поддерживает ограниченную ответственность за греховное поведение. И то, и другое учит, что другие силы («бессознательное» или «бесы») удерживают верующих от послушания Богу и победной жизни во Христе.
13. Roland Bainton, *Here I Stand: A Life of Martin Luther* (New York: Abingdon Press, 1950), p. 194.
14. Этот упрек, несомненно, встретит энергичное сопротивление. Однако он подтверждается тем фактом, что «христианская» психология считает человека жертвой и соответственно лечит его, что она верит в отсутствие у него достаточного самоуважения и не хочет признать, что и без терапии виктимизации верующий может достигнуть зрелости (список можно было бы продолжать до бесконечности).

10

Верой, и только верой

В этой главе речь пойдет о вере, о простой, искренней вере. О вере действенной, которая любит Иисуса и держится Слова Божьего, никогда не отводя от него свой взор. Такая вера не угасает в трудные времена. Она никогда не приведет нас к понятиям, присущим «христианской» психологии.

По сути, «христианская» психология содействует не вере, а собственным делам. А так как речь идет о собственных делах, то психология не основана на вере и действует против веры. Но, действуя против веры, она противится Христу, в Котором мы имеем часть лишь посредством веры. Действуя против Христа, она действует и против силы Христа, на которой покоится наша вера и которая особенно проявляется тогда, когда мы немощны. Но как можно достигнуть истинной святости, если использовать только человеческие методы? Может ли угодить Богу «вера», основанная на человеческих методах и предпосылках?

Вера и Божье благоволение

Мы должны постоянно сознавать, что «без веры угодить Богу невозможно» (Евр. 11,6). Христианская жизнь – ничто без веры, пронизывающей все сферы нашей жизни и изменяющей наши повседневные рассуждения и поведение. Истинная, основанная на

Библии вера показывает в другом свете даже самую суть реальности. Теперь мы во Христе. Нет уже ничего того, что было прежде. И, реализуя нашу новую жизнь во Христе, мы имеем дело с новыми параметрами веры. Эти параметры мы не выдумали; Сам Бог учит о них в Своем Слове.

Главы 11 и 12 Послания к Евреям позволяют нам ясно представить, что можно ожидать от такой веры. В этих главах показана вера, которая смотрит на нынешний век с Божественной перспективы. Эта вера производит в нас отвращение от мира и вызывает стремление к городу, художник и строитель которого Бог. Божий народ с радостью причисляет себя к чужеземцам в этом мире, которые охотно отказываются от земного гражданства, чтобы стать странниками и пришельцами в стране своего рождения. Такая вера пленяет волю верующих и открывает их воображению новые, святые возможности. Не только о Моисее, но и о них сказано: «И поношение Христово почел большим для себя богатством, нежели Египетские сокровища... ибо он, как бы видя Невидимого, был тверд» (Евр. 11,26–27).

Эта вера делает Иисуса Христа реальным, видимым, близким, могущественным, делает Его нашим единственным упованием, нашим единственным блаженством. Она делает Христа более чем Спасителем. Она дает нам право утверждать, что мы принадлежим Ему и нуждаемся в Нем. Она направляет наш взор на Него, чтобы мы подражали Ему, хотя и живем в мире, который отвергает Его и пренебрегает Его крестом. Она побуждает нас согласиться со словами Элен Розевер, которая сказала: «Я хотела бы, чтобы люди настолько страстно полюбили Иисуса, чтобы ничто не заслоняло от них Его облик».¹ Такая страстная любовь к Иисусу – именно то, чего так недостает сегодня евангельским общинам!

Несколько лет назад я подготовил проповедь под названием: «Знаешь ли ты подлинного Иисуса?» Мне больно сознавать, как много есть христиан, которым недостает подлинной уверенности в том, что они знают Господа. С того времени всякий раз, проповедуя на эту тему, я наблюдаю удивительную реакцию. Снова и снова я поражаюсь, как много тех, кто изголодался по слову, способному ободрить их на пути полного доверия Христу.

Думаю, нам следует признать, что в наши дни Иисуса Христа не считают реальным и способным могущественно действовать в нашей жизни и наполнить ее Своей силой. Стоит привести слова

Александра МакЛарена, сказанные им в прошлом столетии: «Истина, которой ты не живешь, становится для тебя все менее и менее реальной».²

В чем суть проблемы?

Как мы пришли к такой ситуации? Почему создается впечатление, что вере многих недостает энергии человека, который действительно любит Иисуса больше, чем свою жизнь? Конечно, мы могли бы привести множество причин и долго ломать голову над статистикой, но снова и снова на передний план выдвигается одна причина: мы – христиане третьего поколения. Большинство молодых людей в наших церквях, как и их родители, росли и воспитывались в христианском окружении. В основном они обратились к Богу в ранней юности, жили в обществе христиан и ничего другого не знали. Они – дети нашего собственного «полузавета».³

В результате у этих людей отсутствует подлинный страх перед грехом, им недостает даже чувства личной греховности. Их отдача Христу лишена всякого пыла. Конечно, вину за это нельзя возлагать только на них, так как, хотя они и выросли в «христианском» окружении, это окружение уже было скомпрометировано постоянным приспособлением к миру. Ни они, ни их родители не рассмотрели врага за приманками этой светской культуры.

Евангельское христианство стало материалистичным, потребительским, ориентированным на зрелищность, снисходительным к себе и сосредоточенным на себе. Мы лучше разбираемся в принципах гуманизма, чем в Священном Писании. Мы отдаем предпочтение мирским ценностям, смешивая их с библейскими. Отстаивая право потворствовать своей внешней независимости, мы быстро деградируем внутренне. Допустимые сегодня поведение, одежда, взаимоотношения еще в прошлом поколении называли бы позорными.

Приведу пример. Одна моя юная знакомая, которая в девятнадцатилетнем возрасте обратилась к Богу от злой, развращенной жизни, посетила с группой ровесников богослужение в Страстную пятницу. Она была глубоко тронута проповедью и пением, осознавая то значение, какое имел этот день для нее. В этот день Господь взял на Себя ее грехи и понес ее наказание. Она вышла с этого богослужения, погруженная в размышления о чуде Божьей

благодати. Но как она была удивлена и озадачена тем, что ее друзья сразу же вернулись к бессодержательным, пустым разговорам. Куда пойти пообедать, чем заняться после обеда: пойти в кино или на мини-гольф? По ее словам, все выглядело так, будто никто из них минуту назад не сидел на богослужении и не рассуждал о величайшем моменте мировой истории.

Ее рассказ напоминает мне о состоянии церкви, которая настолько готова идти на компромиссы, что чередует забавное с возвышенным, даже не замечая возникающего при этом диссонанса. Хотя вера Авраама стала и нашей верой, однако ее сила и влияние остались чуждыми для нас. Пылкая любовь к Христу, стремление возвеличить Его в нашем теле жизнью ли то, или смертью (Фил. 1,20) отсутствуют в нашей повседневной жизни. Редко наша вера пленяет нашу волю, редко определяет наши желания.

Невольно еще раз вспоминаешь слова К. С. Льюиса: «Я не уверен, что одной из причин нашей столь слабой веры не является тайное желание, чтобы наша вера и не была особенно сильной».⁴ Если наша вера не действует, то нам нужно спросить себя, заинтересованы ли мы вообще в ее действенности?

Мы не хотим определять и решать наши проблемы в свете Писания, потому что, как только мы признаем его ответ, станет явной наша вина. Мы были бы ответственны не только за наше нынешнее поведение; еще большая ответственность легла бы на нас за постоянные старания скрыть наше неверие. Мы не готовы идти тем путем, каким хочет вести нас Бог. Мы так чрезмерно подчеркивали безусловную Божию любовь, настолько злоупотребляли 1 Иоанна 1,9 и повторяющимися пустыми извинениями, что утратили способность принимать искушения «с великой радостью» (Иак. 1,2) и ожидать, что Бог из любви будет нас наказывать или бить, как и «каждого сына, которого принимает» (Евр. 12,6). Такова истина о христианской жизни веры, которую лишь немногие желают признавать и принимать.⁵

Бог требует от нас благоугодной Ему веры, тогда как мы предлагаем Ему соответствующее поведение. Он призывает нас к той пылкой и радостной вере, о которой мы читаем в Евреям 11 и 12. «Христианская зрелость – не только результат роста, – сказал однажды Александр МакЛарен, – это и результат борьбы. Ветхая природа должна быть умерщвлена».⁶ И это происходит не само по себе, но в результате сознательных усилий.

Вера и страдания

Такая вера помогает нам осознать, что соединение христианина со Христом принесет ему не только сильные искушения, но и страдания. Иногда на верующего одновременно обрушиваются как искушения, так и страдания. Порой кажется, что все силы ада ополчились против него, и Бог допускает это. Истинная вера во Христа соглашается со словами Павла: «...вам дано ради Христа не только верить в Него, но и страдать за Него» (Фил. 1, 29).

Пуританин Ричард Гринхэм однажды написал:

Все, что бы тебя ни постигло, исходит от Господа; а то, что исходит от Господа, доказывает Его милосердие к тебе; а все, что исходит из Его милосердия, не должно тебя угнетать. Разве это утрата, если в утерянных земных ценностях ты обретаешь ценности духовные? Всё послужит к твоему благу, если ты позволишь, чтобы все постигшее тебя послужило ко благу.⁷

В главе 11 Послания к Евреям сказано, что издевательства, нищета, побои, смерть, скитания, преследования и отвержение служили отличительным признаком тех ветхозаветных верующих, которые стали героями веры. Такие же обстоятельства в совокупности с личными искушениями и физическими и/или эмоциональными испытаниями были и будут достоянием каждого, чья вера угодна Богу.

Вера в Христа по праву имеет высокую цену. На практике она принесет с собой как страдания, разочарования и боль, так и ужасные моменты личной несостоятельности. Но даже среди таких переживаний нам нужно прислушаться к мудрому совету Джона Оуэна: «Берегись проводить свое время в постоянных жалобах, тогда как твой долг – активная деятельность».⁸ А Сэнклер Ферпосон пишет:

Некоторые впадают в искушение постоянно говорить о своей проблеме и все время искать где-то совета, вместо того чтобы, делая свое дело, продолжать христианскую жизнь. Такое поведение не соответствует Писанию, которое призывает нас прилагать усилия и брать Царство Божье силою.⁹

Вот где «христианская» психология наносит наибольший вред, так как она функционирует лишь в атмосфере неудач, где вера бездействует, а верующий стремится обрести мир, оставаясь в грехе.¹⁰ Конечно, «христианская» психология не вызывает такого

печального состояния; она лишь реагирует на него. Однако своей патологической моделью, которая рассматривает человека как жертву, и своим пренебрежительным отношением к каждому, кто осмеливается уповать исключительно на обетования Божьи, она значительно ухудшает ситуацию.

Согласно тексту из Евреям 12,1–3, мы должны свергнуть «с себя всякое бремя и запинаящий нас грех и с терпением ...проходить предлежащее нам поприще». Нам надо взирать «на начальника и совершителя веры Иисуса», чтобы не изнемотать и не ослабеть душами нашими. Эти стихи описывают как и *почему* христианского хождения. Все верующие, которые переносят страдания и искушения и преодолевают их, перенесли и преодолели их в общении с живым Христом и посредством веры в Него.

Виктимизация как антивера

Мы должны принимать страдания и искушения с простым доверием Богу. Если же мы оказываемся несостоятельными, то Бог не может с благоволением относиться к нам (Евр. 10,38–39). Отсюда неизбежно вытекает, что психологическая концепция виктимизации не может быть реалистичной. Общее представление о христианине как о жертве неприемлемо. Если христианин верит в суверенность Бога, то он не может быть жертвой (Рим. 8,28–29).

Более того, такое понятие приводит нас в противоречие с Божьими намерениями о нас, какие Он имеет во Христе Иисусе. Согласно Его воле, мы не можем иметь участие в Его святости без испытаний и страданий, без смерти нашего «я». Или мы полагаем, что Бог удовлетворится колеблющейся верой, поверхностной святостью или непостоянной любовью? Неужели по своей халатности или преднамеренно мы забыли о том, что наш Бог – Бог ревнитель?

Вне всякого сомнения, нам придется переносить боль, трудности и разочарования, но мы не должны относиться к ним так же, как этот мир (2 Кор. 5,16). Страдания верующего – это не боль виктимизации, но боль очищения, которое производит Сам Отец (Ин. 15,1–4), и мы должны видеть в них не нарушение Божьей верности, а проявление Его любви. «Бьет же всякого сына, которого принимает». И если мы сыны, то не можем быть жертвой; следовательно, мы не должны смотреть на нашу боль, как на болезненное разочарование. Даже если другие намереваются причинить нам зло, Бог

позаботится о том, чтобы их злые действия послужили к нашему благу и чтобы мы пожали мирный плод праведности (Евр. 12,11).

Как дети Божьи, мы должны верой принять тот факт, что всё случившееся с нами до обращения служило одной цели: побудить нас искать спасение, бежать ко кресту, чтобы по вере во Христа получить прощение грехов. Не думаем же мы, что случайно услышали Благоую весть и поверили в нее? Став новым человеком во Христе, я верой принимаю, что всё, что бы ни случилось, содействует мне ко благу. Не к удовлетворению моих земных удовольствий, или к моему земному счастью, удобствам, безопасности или чему-то еще, что имеет отношение к жизни на этой земле. Посредством веры даже самые худшие обстоятельства будут побеждены и станут доказательством Божьей благодати.

Пылкая любовь к Богу

Наиболее достойная цель моего короткого земного пребывания – всеми силами стремиться к тому, чтобы приблизиться к Богу, любить Его более всего и всем своим существом стараться прославить Его и свидетельствовать о Его благодати. Один Бог знает, что нужно для осуществления этой цели. Я ответственен за то, чтобы иметь веру, которая без всякого сомнения знает: Бог осуществит это, Он должен осуществить это, если я буду Ему угоден.

Элен Розевер также упоминала об этом, когда писала:

Иисус сказал: отвергни себя, возьми свой крест и следуй за Мною. Куда ведет Его путь? На Голгофу. Павел писал: «Я сораспялся Христу». Где-то мы свернули с правильного пути. Мы должны быть готовы признать, что речь идет не о том, насколько я ценен или что думают обо мне люди, а о том, чтобы люди пожелали узнать и полюбить Иисуса.¹¹

Следование за Христом – не развлечение и не забава, а также не средство достижения благополучия, как его понимает мир. Распятие связано с насилием и смертью. Оно не имеет ничего общего со славой. Но тем не менее в нем содержится нечто великое. Когда Бог наказывает нас, мы должны нести нашу боль Ему и Ему передать ее, а Он утешит и укрепит нас в вере. Таким образом мы, подобно Аврааму, сможем воздать «славу Богу».

Но если именно Бог наказывает нас, то мы должны принимать

наказание с радостью. Не с радостью, какой ее понимает мир, но с Христовой радостью. Послушаем, что сказал Он перед распятием:

Как возлюбил Меня Отец, и Я возлюбил вас; пребудьте в любви Моей. Если заповеди Мои соблюдете, пребудете в любви Моей, как и Я соблюл заповеди Отца Моего и пребываю в Его любви. Сие сказал Я вам, да радость Моя в вас пребудет и радость ваша будет совершенна (Ин. 15,9–11).

Удивительные слова для того, кто находится на пути к крестной смерти. Автор Послания к Евреям говорит нам: «...Который, вместо предлежавшей Ему радости, претерпел крест, пренебрегши посрамление...» (Евр. 12,2).

Без веры, описанной в главах 11 и 12 Послания к Евреям, христианство не намного больше, чем обыкновенный бой с тенью в боксе. Нет глубокого убеждения в том, что христианство действительно стоит усилий, нет места ожесточенной борьбе против греха и стремлению к высшему званию Божию во Христе Иисусе. Почему? Потому что Христова радость чужда нашим сердцам.

Бог слишком многого ожидает от нашей веры, поэтому не может избавить нас от той борьбы, в которой она должна окрепнуть. «Кого Я люблю, тех обличаю и наказываю» (Откр. 3,19). Наш Господь не приемлет половинчатую веру (Откр. 3,16), которая просит и берет, но не хочет подвергнуться испытанию. Петр писал верующим о цели их скорбей: «Дабы испытанная вера ваша оказалась драгоценнее гибнувшего, хотя и огнем испытываемого золота, к похвале и чести и славе в явление Иисуса Христа» (1 Петр. 1,7). Вот конечная цель нашего призвания во Христе.

Все эти испытания не должны побудить нас считать себя жертвой и думать, что Бог против нас. Их задача – сделать невидимого Бога более ценным для нас, чтобы наша радость о Его присутствии в нашей жизни стала сильнейшим проявлением нашей любви. Вера получает воздаяние не только в будущем. Она вознаграждается уже теперь и еще больше умножает нашу твердость.

Эндрю Мюррей писал: «Не думаю, что жизнь веры – слишком простое дело. Если мы наследники веры Авраама, то и к нашей вере Отец будет предъявлять высокие требования». Он ожидает, что мы будем безоговорочно доверять Ему. И если Он потребует этого от нас, мы, как Авраам, должны быть способны «без всяких обетований и даже вопреки всем обетованиям до конца повиноваться воле Божьей».¹²

Бог патриархов

Для Авраама и Исаака Бог был Иегова-ире – Бог, Который усмотрит (великое спасение).¹³ Когда Авраам поднял нож, а связанный Исаак беспомощно лежал под занесенным над ним лезвием, оба они полностью зависели от Бога. Они не могли бы сделать ничего, чтобы «помочь» Богу. Или Бог был все во всем, или они потеряли рассудок. Бог был или Иегова-ире, или Иегова-эксцентричный, Иегова-кровавый. Но Он был и есть Иегова-ире. И когда Авраам и Исаак покидали гору Мориа, их вера в то, что Бог силен удовлетворить все их потребности, стала крепче, чем была до этого.

Но все это было в прошлом. Мы же вступили в XXI век. Чарлз Уэсли мог написать: «О, если б сотни уст иметь, чтоб непрестанно петь, Господню мудрость прославлять, любовь и благодать». И его время тоже прошло. А что же сегодня? Не слишком ли слабо звучит наша хвала Христу, власть Которого мы считаем ограниченной? Такое мнение о Нем, конечно же, взято не из Писания; к такому представлению о Нем приводит наше «награбленное благосостояние». (Оправдывая себя, некоторые христианские психологи сравнивают заимствование «христианской» психологией гуманистических понятий с действиями израильтян, описанными в Исход 3,21–22 и 12,35–36. Отсюда выражение: «ограбление Египта».) И как мы настоятельно подчеркиваем, виновата не наша вера, а наше прошлое. Мы же – всего лишь жертвы его безжалостного воздействия на нас.

Нам давно уже надо бы задаться вопросом: не доказываем ли мы отсутствие в нас веры, когда говорим, что необходимо еще раз прочувствовать каждую причиненную нам обиду, ранившую нашу незащищенную душу, и горько ее оплакать, чего Христос никогда не говорил? Вправе ли мы называть себя верующими в свете того, что говорит о вере Писание, если полагаем, что дети креста обречены находиться в плену вводящих в заблуждение иллюзий, которые, подобно кружащимся в воздухе хищным птицам, вырывают у них благодать их Учителя? Хватит верить лжи! Нам нужно прислушиваться не к воззрениям «христианской» психологии, а к Господу, Который говорит с нами через Свое Слово. Нам нужно верить в живого Христа, так как в Нем источник всякой победы, всякой радости, всякого упования и послушания!

Или мы предпочитаем быть наследниками «полузавета» и ограниченного в Своих действиях Бога?

Возвращение

Как нам снова найти дорогу домой? Писание отвечает: верой. Только через веру мы получаем обетование Духа, верой мы живем в Духе и верой ходим в Духе (Гал. 3,14 и 5,25). Дух Святой хочет, чтобы наша вера утверждалась «не на мудрости человеческой, но на силе Божией» (1 Кор. 2,5).

«Без веры угодить Богу невозможно». Вот куда нам нужно возвратиться! Да, нам необходимо снова прийти к тому, чтобы найти полное удовлетворение в вере. Только на этом основании можно строить все остальное: на вере, «действующей любовью» (Гал. 5,6), на вере, которая ведет к послушанию (Рим. 1,5), на вере, которая не только принимает Христа, но укореняется и утверждает в Нем (Кол. 2,6–7).

«Вера не бездействует», – говорил Лютер. Вера призвана встряхнуть нас и перевернуть наш мир. Но такая вера не может исходить от отравленной гуманистическими предпосылками традиции. Она должна прийти от Бога. А Он дает ее лишь такому сердцу, которое тоскует о невидимом (2 Кор. 4,18). Он дает ее лишь такому сердцу, которое восклицает: я готово от всего отказаться, «чтобы познать Его, и силу воскресения Его, и участие в страданиях Его...» (Фил. 3,10). Да, Он дает ее лишь такому сердцу, которое стремится много любить, потому что ему много прощено, и удивлено и потрясено тем, что это вообще возможно (Лк. 7,36–50).

Такую веру Бог хочет даровать и нам (Еф. 3,16–17). Бог хочет взять нашу слабую веру и сделать ее сильной, зрелой и плодотворной. Он призывает нас испытать Его. Он хочет, чтобы мы обладали верой Авраама, на которую ссылается Павел:

[Авраам] не поколебался в обетовании Божиим неверием, но пребыл тверд в вере, воздав славу Богу и будучи вполне уверен, что Он силен и исполнить обещанное (Рим. 4,20–21).

Какие удивительные слова! Бог силен исполнить обещанное! На это и опирается вера. Когда мы направляем свой взор на Христа, мы познаём, что неспособны быть такими, как Он, и начинаем взывать к Богу со смиренным и сокрушенным сердцем, с желанием обрести новую жизнь во Христе. Тогда, и только тогда, Бог укрепит нашу веру и явит нам Свое могущество. «Но сокровище

сие мы носим в глиняных сосудах,— писал Павел,— чтобы преизбыточная сила была приписываема Богу, а не нам» (2 Кор. 4,7).

Сила принадлежит Богу, а не нам. Это и есть вера.

Примечания

1. Helen Roseveare, «The Cost of Loving Jesus», *Christianity Today* (May 12, 1989), p. 45.
2. Leslie R. Keylock, «Alexander MacLaren», *Fundamentalist Journal* (January 1989), p. 58.

3. С помощью так называемого «полузавета» прежние пуритане пытались приобщить к своим общинам детей своих сыновей и дочерей, хотя многие из них не могли засвидетельствовать о том, что пережили обращение.

Характеризуя «третье поколение» евангельских христиан как детей наших собственных «полузаветов», я имею в виду усилия евангельских общин присоединить и своих детей к общению народа Божьего. Вместо крещения младенцев мы практикуем детскую евангелизацию. Мы как бы переворачиваем то, что делали пуритане, и призываем детей как можно раньше отдаться Христу и принять крещение. А после того, как мы обеспечили им место в Небесном Царстве, мы пытаемся лелеять их в «христианской» обстановке, задействуя церковные программы, детские лагеря, школы и все то, что, на наш взгляд, сохранит их от мира.

Однако наши старания ничем не отличаются от стараний пуритан. Результаты всё более неудовлетворительны. Если ты сомневаешься в этом, то поговори с пастором какой-нибудь большой молодежной группы. Степень личной греховности и приспособленчества к мирским ценностям чрезвычайно высока и разрушительна.

Я убежден, что это обстоятельство объясняется всеобщей популярностью «христианской» психологии. Мы ищем возможности спасти всё более и более оскудевающее в духовном отношении общество. Но так как столь восторженно воспринятая нами методика не вытекает из Слова Божьего и не строится на нем, то все мероприятия, с помощью которых мы пытаем-

ся омолодить себя, лишь отражают и усугубляют проблему, которую мы пытаемся решить.

4. C. S. Lewis, *Christian Reflections* (Walter Hooper, ed. Grand Rapids: William B. Eerdmans Publishing Co., 1967), p. 43.

5. Событие из недавнего прошлого подчеркивает это. Во время радиопередачи одна молодая женщина сообщила христианскому психиатру, что ее двенадцатилетняя дочь заболела лейкемией. Вначале наступило некоторое облегчение, но теперь ее страдания снова увеличились, и требуется более серьезное и болезненное лечение. Ее дочь часто жалуется на сильные боли и бывает настолько обессиленной, что желала бы лучше умереть. Она как мать ничем помочь не может, только старается как-то ободрить дочь. Такая ситуация вызвала у матери сильное недовольство Богом. Эта женщина не сообщила о том, что она сказала или сделала, но призналась, что с того времени чувствует себя виновной за свое поведение.

Психиатр поспешил уверить женщину, что она не сделала ничего плохого. Бог все равно любит ее и не упрекает за недостойное поведение. Бог понимает ее чувства и знает, что она была вынуждена таким образом прореагировать на создавшуюся ситуацию. При этом он ни словом не призвал ее к покаянию, поскольку она, по сути, согрешила.

Бог не желает выслушивать нравоучения от члена Своего искупленного народа. В любом случае плохо гневаться на Бога, давая волю своим чувствам и нападкам, а затем говорить, что мы ничего плохого не сделали.

Конечно, можно понять боль и разочарование этой женщины и от всего сердца посочувствовать ей. Многие пережили нечто подобное и тоже гневались на Бога, приписывая Ему все плохое. Однако психологу следовало сказать, что ее чувство вины за свое поведение – правильное. Гневаясь на Бога, она согрешила. Надо было со всей доброжелательностью призвать ее к покаянию и объяснить, почему это необходимо сделать.

Сказав, что она ничего плохого не сделала, консультант посеял в ней не только неверное представление о Боге, но и лишил ее возможности воздать славу Богу. Своим покаянием она бы признала, что Бог окружает заботой и любовью всех Своих детей, включая ее и ее дочь. Она признала бы, что Он праведен и никогда не ошибается, что Он – суверенный Гос-

подин всего, в том числе и каждой области ее жизни, и что через эти болезненные обстоятельства Он приведет ее к зрелости и святости.

6. Keylock, *op. cit.*, p. 56.
7. *The Golden Treasury of Puritan Quotations*, compiled by I. D. E. Thomas (Chicago: Moody Press, 1975), p. 13.
8. Sinclair B. Ferguson, *John Owen on the Christian Life* (Edinburgh: The Banner of Truth Trust, 1987), p. 111.
9. Там же.
Оуэн увещевает христиан, постоянно занятых своими проблемами: «Встань, бодрствуй, молись, размышляй о Слове Божьем, борись со своими пороками и своей испорченностью! Не бойся и не поддавайся их просьбам пошадить их! С дерзновением приступай к престолу благодати, осаждай его непрерывными молитвами! Так мы усилием берем Небесное Царство. Правда, сами по себе эти действия еще не дают нам мира и уверенности, но эти средства Бог определил для того, чтобы с их помощью достигать мира и уверенности».
10. Джозеф Аллайн писал: «Проклят мир, обретаемый на греховном пути. Больше всех ужасов этого греховного рода необходимо бояться двух видов мира: мира со грехом и мира во грехе». (Joseph Alleine, *An Alarm to Unconverted Sinner*, p. 64).
11. Roseveare, *op. cit.*, p. 45.
12. Andrew Murray, *The Secret of the Faith Life* (Fort Washington: Christian Literature Crusade, 1957), p. 5.
13. Nathan J. Stone, *The Names of God in the Old Testament* (Chicago: Moody Press, 1944), p. 51.

Стоун так пишет об отношениях между Авраамом и Исааком:

Конечно, из опыта освобождающей благодати Божьей между отцом и сыном возникло более чистое, духовное, исполненное любви отношение. И это был один из уроков, которые оба должны были извлечь из того события.

11

Человек веры

«А без веры угодить Богу невозможно», – говорит автор Послания к Евреям (11,6). Если читать этот стих в контексте, становится ясно: невозможно говорить, что Бога удовлетворит вера, которая не выходит за рамки: «Впусти Иисуса в свое сердце!», которую приводят в смущение слова «Господь Иисус» и которой едва ли придет в голову претендовать на серьезное непрерывное общение с живым, всемогущим Христом.

Каковы же характерные черты человека, обладающего угодной Богу верой? Что отличает его от других, утверждающих, что тоже имеют веру? Какие у него есть качества, способные убедить окружающих в том, что этот человек действительно верит?

Я полагаю, что есть семь признаков, подтверждающих это. Нет, они говорят не о том, что такой человек совершенен, но о том, что он усовершенствуется посредством Святого Духа через послушание заповеди Христа: «Следуй за Мною!».

Благодарность

Какими бы принципами я ни руководствовался, составляя свой список, в любом случае благодарность должна стоять в нем на первом месте. Я считаю невозможным, чтобы образ жизни человека, который действительно верит в Христа, не был отмечен бла-

годарностью Богу – глубоким, всепоглощающим, постоянным, сердечным чувством благодарности.

Благодарности за что? Прежде всего за спасение. Разве будет слишком частым раз в день приводить себе на память такие важные слова апостола Павла: «Бедный я человек! кто избавит меня от сего тела смерти? Благодарю Бога моего Иисусом Христом, Господом нашим» (Рим. 7,24–25). Мы уже избавлены. И слова: «Бедный я человек», сменились для нас словами: «Каким бедным человеком я был!»

Благодарность проистекает также из уверенности, что Бог «Который Сына Своего не пощадил» ради нашего спасения, милостиво позаботится обо всем, в чем мы нуждаемся для победной христианской жизни (Рим. 8,31–32). Или мы так хорошо знакомы с этими словами, что они уже не производят на нас должного впечатления? Или наша все более растущая сосредоточенность на болях и разочарованиях мешает нам низко склониться перед Божественной благодатью?

Мы должны быть благодарными Богу за Его суверенное водительство в нашей жизни. «За все благодарите, – писал Павел, – ибо такова о вас воля Божия во Христе Иисусе» (1 Фес. 5,18). В том числе и за слезы, которые Божественная благодать считает необходимыми для нас. Знакома ли нам из глубины сердца исходящая благодарность в минуты искушений или тогда, когда к нам приближается испытание? Узнаём ли мы тогда милостивую руку Божью в нашей жизни? Можем ли мы сказать: «Благо мне, что я пострадал, дабы научиться уставам Твоим» (Пс. 118,71)?

Можем ли мы принимать как волю Божью для нас во Христе Иисусе мучительное страдание, смерть ребенка, утрату помощи извне или любви близких нам людей? Можем ли мы принимать эти утраты с благодарностью, как воспитательные удары, как Его милосердное наказание, как необходимые раны, которые помогут нам уподобиться образу Сына Его? Не должны ли мы уподобиться Христу распятому, прежде чем сможем стать подобными Христу прославленному?

Зависимость

Второе место в моем списке занимает полная доверия, абсолютная зависимость от Бога. Нам нужно снова подумать о том,

что имел в виду Христос, когда сказал: «Истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное; итак, кто умалится, как это дитя, тот и больше в Царстве Небесном» (Мф. 18,3–4).

Детское доверие мы обычно связываем с нашей верой в вопросе спасения. Но вспомним Иоанна 15,5: «...без Меня не можете делать ничего». Маленькие дети ничего не могут делать без родителей и ничего подобного даже не предполагают. Зависимость ребенка проявляется в бездумном ожидании. Он ждет от своих родителей, что они будут его кормить, любить, защищать, утешать, играть с ним, учить его, наставлять и направлять. Иначе он и не представляет себе своих родителей. Без всякого сомнения он полагается на их верность.

Так должно быть и у нас. Согласно воле Божьей, мы должны полностью полагаться на Его верность и не сомневаться в том, что Бог может исполнить обещанное и заинтересован в нашем благе. Ничего другого и ничего меньшего мы и не должны ожидать от Него. Ведь мы – Его дети. Но как часто окружающая нас сытая и самодовольная жизнь вынуждает нас уклоняться от этой столь необходимой нам в повседневной жизни зависимости! Эта материальная культура, чье сильное влияние проникает и в церкви, вполне сознательно делает всё для того, чтобы лишить нас подлинной зависимости от Христа. Касается ли это просьбы о засушенном хлебе или о победе над грехом, наша культура предлагает нам фальшивую замену всего того, о чем хотел бы позаботиться Бог.¹

Страх Божий

Третья отличительная черта истинного христианина – страх Божий в его душе. Эта особенность может нас смутить: ведь мы привыкли наслаждаться «безусловной любовью» Бога, которая ничего не требует. Но посмотрим, что говорит автор Послания к Евреям:

Верую Ной, получив откровение о том, что еще не было видимо, благоговев, приготовил ковчег для спасения дома своего; ею осудил он весь мир, и сделался наследником праведности по вере (11,7).

Это должна быть отрезвляющая и вызывающая чувство святого благоговения мысль, что наша вера в Христа является откры-

тым провозглашением Божьего суда над этим миром (см. также Фил. 1,27–28). Как же мы должны стремиться к тому, чтобы своей жизнью показать неверующим образец истинной веры!

Ной повиновался Богу «благоговей». Об этой реакции Ноя комментатор пишет:

С одной стороны, Ной выражал глубокое благоговение перед Богом; с другой стороны, его переполнял страх перед приближающимся концом. Ожидание суда Божьего над грешным миром наполнило его свяшенным трепетом. Ведь если бы он не поверил Божьему предупреждению, у него не было и страха... Вера Ноя была диаметрально противоположна неверию мира.²

Неверующему миру незнаком страх Божий, нам же он заповедан. Наш путь пролегает через погибающий мир. На это ясно указывает крест. С чувством святого благоговения мы спешим к Христу, чтобы спастись от грядущего гнева. Сто двадцать лет Ной с чувством глубокого благоговения предупреждал людей о грядущем гнве Божьем. И он проповедовал не только словами, но и делом, приготавливая ковчег, который «верою» строил изо дня в день. Так и мы изо дня в день должны «верою» строить свою христианскую жизнь и своими благоговейными действиями предупреждать людей о неизбежных, неотвратимых последствиях их грехов.

Святой Божий страх – существенная черта человека, который искренне верит во Христа. Мы подвергаемся опасности, когда забываем, что наш Бог – Бог ревнитель, Который наказывает Своих заблуждающихся детей. Мы не можем легкомысленно спрятаться за стих из 1 Иоанна 1,9, думая, что всё хорошо.

Кто из нас готов признать, что отсутствие «священного страха» перед великим, святым и суверенным Богом может произвести в нашей жизни боль и разочарование? Так случилось с коринфянами. Отсутствие благоговения во время Вечери Господней принесло в их жизни болезни и даже смерть (1 Кор. 11,27–32). Не будем же обманываться: «Бог поругаем не бывает». Если люди предпочитают исполнять желания своей грешной плоти, то они – и христиане не составляют исключения – «пожнут тление» (Гал. 6,7–8).

Разве Бог все еще использует этот подход по отношению к Своему народу? Поверхностная вера, лишенная искренности раскаяние, а теперь еще и обостренное чувство виктимизации заставляют нас думать, что наше трепетное отношение к святому Богу

не столь важно. Но без Божьего страха, побуждающего нас к полному послушанию, не может быть истинной веры.

Терпение

Четвертая особенность истинной веры – терпение. «Претерпевший же до конца спасется», – сказал Господь Своим ученикам (Мф. 10,22). Это значит, что нет веры без терпения. Автор Послания к Евреям предупреждает читателей: «Терпение нужно вам, чтобы, исполнив волю Божию, получить обещанное» (Евр. 10,36).

Вера претворяет в жизнь Божью волю, при этом понятия не имея, какие будут последствия. Нет таких обетований, которые бы гарантировали нам легкий и безболезненный путь. Павел поучал молодые церкви в Галатии, что «многими скорбями надлежит нам войти в Царствие Божие» (Д. Ап. 14,22). Получателям Первого послания Петра пришлось скорбеть «от различных искушений» (1 Петр. 1,6). Многие тексты Писания ясно предсказывают, что верующих ожидают скорби и трудности. Мы не можем избежать суровой реальности нашего призвания, суть которого – призыв к борьбе.

С первых дней новозаветной истории пребывающие во Христе терпели трудности и преследования. Иногда обстоятельства были особенно трудными. И все это явно потому, что мы последовали за Иисусом. Мы не всегда понимаем причину тех или иных обстоятельств в нашей жизни. Но мы ходим верою и постоянно свидетельствуем о благодати Божьей во Христе.

Мы живем в мире, который находится под властью дьявола и враждует с Богом. А в такой обстановке случается много плохого. Вражда мира против Бога весьма серьезна. Человечество предпочитает оставаться в своем жалком и ужасном состоянии, чем уступить и преклониться перед живым и истинным Богом. Но, несмотря на все это, Бог призывает нас претерпеть до конца и напоминает, что, если мы поколеблемся, Он не благоволит к нам (Евр. 10,38). Мы должны претерпеть все скорби, как необходимое средство нашего воспитания.

Однако мы слишком часто бываем недовольны и противимся всякому Божественному вмешательству, которое может помешать исполнению наших заветных желаний. Многие христиане поют: «В Твоих я покоюсь руках...», но это не так. Они не успокоились в Боге, потому что упорно продолжают стремиться к своим целям.

Они ожесточены и озлоблены против Бога. Они ропшут и чувствуют себя жертвой в Его руках. Другие поступают не лучше. Их терпение выражается в суровой, холодной, стоической позе, постоянно напоминающей Богу, сколько они делают для Него, хотя и не видят взаимного воздаяния.

Но это не терпение. О настоящем терпении нам говорит Библия. Мы должны не только проявлять терпение в отчаянных обстоятельствах, если этого требует Бог, но и принимать их с радостью! Почти всегда скорби и радости идут в Писании рука об руку. Мы должны радоваться, что можем быть участниками Христовых страданий (1 Петр. 4,12–14). Иаков призывает нас: «С великою радостью принимайте, братия мои, когда впадаете в различные искушения» (1,2). И Павел пишет фессалоникийцам: «Всегда радуйтесь... за все благодарите» (1 Фес. 5:16,18). Предвидя предстоящие ужасы и опустошения, угрожающие Израилю, Аввакум писал:

Хотя бы не расцвела смоковница, и не было плода на виноградных лозах, и маслина изменила, и нива не дала пиши, хотя бы не стало овец в загоне и рогатого скота в стойлах,— но и тогда я буду радоваться о Господе и веселиться о Боге спасения моего (3,17–18).

Наша радость во Христе всегда будет зависеть от того, в какой мере мы взираем на «Невидимого», насколько мы любим Его и ожидаем «города, имеющего основание, которого художник и строитель – Бог» (Евр. 11,10). Величайший пример для нас – Иисус, «Который, вместо (в других переводах: ради) предлежавшей Ему радости, претерпел крест, пренебрегши посрамление...» (Евр. 12,2). В чем состояла эта радость? Джон Пайпер считает: «Его радость в нашем искуплении, которое способствует славе Божьей».³ Так предвкушаемая радость превратилась для Него в подлинную радость.

Пайпер пишет: «Когда Иисус в Гефсимании поднялся с колен, Его душу наполнило славное чувство победы над искушением этой ночи». И он продолжает:

Я думаю, что Иисус испытывал радость, когда Его вели из сада,— не то чувственное удовольствие с шутками и смехом, какое может предложить мир. Нет, Иисус был наполнен сознанием того, что Его действия угодны Отцу и что будущая награда превзойдет все страдания. Это глубокое удовлетворение и было той радостью, которая дала Иисусу силы сделать для нас то, что Он сделал.⁴ (Курсив Пайпера.)

Что побуждает нас радоваться в страданиях? Не должны ли мы своей радостью свидетельствовать этому циничному и нечестивому миру о нашем Боге, Который во всех испытаниях с нами и в Котором мы имеем полное удовлетворение? Не является ли для нас самих источником радости и поводом прославить Бога возможность ощутить Его силу, благодать и присутствие? Разве тебе никогда не приходилось подниматься с колен победителем над всем, что хотело разрушить твою веру? Разве в такие моменты сердце не наполнено радостью в Господе – пребывающей радостью, которая делает нас способными до конца все претерпеть ради имени Иисуса?

Элен Розевер двадцать лет работала миссионером-врачом в нынешнем Заире. Во время восстания в 1964 г. она была арестована и пять месяцев находилась в тюрьме. Там ее неоднократно жестоко избивали, всячески издевались над ней и изнасиловали. После освобождения она два года пробыла в отпуске на родине, а затем снова возвратилась в Заир и продолжила свою миссионерскую деятельность в течение последующих семи лет. Это замечательно мужественная женщина, полностью преданная Христу.

Может ли быть радость в такой преданности Иисусу? Если бы я спросил ее: «Было ли для вас неизреченной и преславной радостью двадцатилетнее служение Иисусу в Заире, включая и те ужасные страдания?» – можешь ли ты поверить, что она ответила бы утвердительно? Я в этом не сомневаюсь. Но предоставим слово ей самой:

Меня сочтут фанатичной, но я такая лишь потому, что твердо верю: нет ничего более величественного, чем знать о прощении своих грехов через Кровь Иисуса. Наша короткая жизнь дана нам лишь с одной целью – познакомить других с этой истиной.⁵

Нам следует серьезно задуматься над словами Элен Розевер, чтобы понять: лишь те могут до конца радоваться «радостью неизреченной и преславной», кто действительно испытал, что значит получить прощение в Крови Иисуса.

Победа

С пятой характерной особенностью людей, обладающих библейской верой, нас познакомит апостол Иоанн:

Ибо это есть любовь к Богу, чтобы мы соблюдали запове-

ди Его; и заповеди Его не тяжки. Ибо всякий, рожденный от Бога, побеждает мир; и сия есть победа, победившая мир, вера наша. Кто побеждает мир, как не тот, кто верует, что Иисус есть Сын Божий (1 Ин. 5,3–5)?

Вытекающая из любви к Богу вера в Иисуса – то средство, какое использует Господь, чтобы даровать нам победу – победу над грехом, над искушением, над унынием, над трудными обстоятельствами, над всем тем, что может встретиться нам на пути.

Вера дает нам победу двояким образом. Во-первых, она приводит нас в единение с воскресшим Сыном Божиим, Господом славы, Который обладает всей полнотой власти на небе и на земле. И Он использует Свою власть, чтобы обеспечить нам победу (2 Кор. 12,7–10). Во-вторых, вера изменяет наше отношение к Божественным вещам. Его заповеди становятся для нас не тяжкими или невыполнимыми. Божья благодать посредством веры делает нас способными сказать «нет» греху и «да» праведности и благочестию (Тит. 2,11–12).

Конечно, освящение – это процесс, который длится с момента возрождения до той славной минуты, когда я войду в присутствие Божье. Но Писание нигде не говорит, что общение со Христом – длится оно несколько лет или несколько месяцев – производит лишь незначительные совершенствования или вообще не производит заметного улучшения. Если кто-то верит в Иисуса Христа, то можно ожидать, что он все чаще и чаще будет одерживать победу над грехом и сатаной.

Точка зрения, согласно которой наше «бессознательное» может как-то блокировать работу Святого Духа, просто отвергает ясно выраженное в Писании обетование для моей жизни во Христе, гарантирующее победу над искушениями и властью греха. Ясно, что без веры Богу угодить невозможно; и, как поясняет нам Дух Святой, вера, и только вера во Христа – то средство, которым мы побеждаем систему этого мира с его искушениями и соблазнами.

Реальность Христа

Это шестая особенность: для человека с угодной Богу верой Иисус Христос чудесным образом реален (Пс. 36,4 и 1 Петр. 1,8). Истинная вера производит и в то же время в какой-то мере утоля-

ет ярко выраженную потребность в Его живом присутствии. Вера вводит нас в живое общение со Христом. Вера дает мне уверенность, что Он именно сейчас присутствует рядом со мной, что Его сила именно сейчас готова укрепить мою веру соответственно насущным потребностям, чтобы я мог прославить Его в этих обстоятельствах. Это не имеет ничего общего с беззаботной, лишенной волнений жизнью. Скорее это означает, что посредством Божьей благодати я понимаю, что значит пребывать во Христе, и с все возрастающей радостью постигаю результаты этого общения.

Я переносу все тяготы не для того, чтобы справиться со своей жизнью. Я делаю это, потому что мой Господь Иисус жив! Как бы сегодняшнее поколение ни понимало суть веры, но если она не признаёт реальности живого присутствия нашего Господа, Который именно здесь и теперь контролирует мои обстоятельства, то это не благоугодная Богу вера. Если непосредственное присутствие живого Иисуса не характерно для нашей веры, то библейское утверждение, что Бог готов указать нам выход из любого искушения, какое постигнет нас, — не что иное, как пустая риторика, не имеющая убедительной силы. Тогда плотские соблазны греховного времяпрепровождения в конечном итоге одержат победу. Именно это случается сегодня с всё большим числом так называемых христиан.

Страстное желание

Седьмой и последней особенностью тех, кто от всего сердца доверяет Иисусу, является страстное желание увидеть нашего Господа. Без такого ожидания любовь никогда не будет верной.

Незадолго до мученической кончины апостол Павел писал:

Подвигом добрым я подвизался, течение совершил, веру сохранил; а теперь готовится мне венец правды, который даст мне Господь, праведный Судия, в день оный; и не только мне, но и всем, возлюбившим явление Его» (2 Тим. 4, 7–8).

Не должно ли наполнять сердце верующего желание быть послушным Господу, иметь с Ним общение и постоянно ощущать Его благодать в жизни, наполненной постоянным свидетельством о Нем? Не должно ли нас наполнять горячее желание увидеть Его? Но, к сожалению, несмотря на то, что мы много читаем и пишем о

Великой скорби и Втором пришествии Иисуса, редко можно встретить подлинную тоску по встрече с Ним.

К. С. Льюис однажды заметил: «Мы обычно мало думаем о небесном, пока не растают наши земные надежды».⁶ Жизнь в западных странах легкая, приятная и интересная. Здесь есть много возможностей для наслаждения и объектов для обладания. При таком обилии чувственных и всегда имеющихся в распоряжении удовольствий потребность в общении со Христом отодвигается на задний план.

По сути, некоторые из нас, кажется, прямо-таки не в состоянии отказаться от благ этого мира ради такой абстракции, как «вечная слава». Смерть и страдания, утраты и жертвы, которые когда-то сделали вечность такой близкой для нашей души, сегодня кажутся такими далекими и нереальными. Это объясняет отсутствие искренней тоски по Иисусу. Мы медлим признать важность Евреям 12,1 и поступать так, как там сказано: «...свергнем с себя всякое бремя и запинаящий нас грех и с терпением будем проходить предлежащее нам поприще».

О, мы и не думаем о том, чтобы отвергать Его или Его пришествие! Просто мы не спешим с этим. Однако такое отношение делает из нас идолопоклонников, которые цепляются за временные удовольствия этой жизни. Неужели мы действительно полагаем, что вечно будем сожалеть, если пришествие Иисуса лишит нас некоторых земных радостей, о которых мы страстно мечтали?

Если мы не тоскуем о нашем Спасителе, то мы не сможем преданно следовать за Ним и наше христианство едва ли будет отмечено крестом и вечностью.

Как нам обрести семь отличительных признаков?

Искренняя благодарность, полная доверия зависимость, страх Божий, радостное терпение, победная жизнь, личная уверенность в присутствии живого Христа и страстное желание увидеть Иисуса отличают истинного верующего, чья вера угодна Богу. Мы не можем приобрести все это собственными усилиями. Мы не можем сами с любовью следовать за Господом. Мы можем лишь умолять Бога, чтобы Он ради Своего великого имени даровал нам верующее сердце. И Бог готов углубить и укрепить нашу веру, если мы приходим к Нему правильным путем.

Каким именно, спросишь ты? Слушай: «А вот на кого Я призрю: на смиренного и сокрушенного духом и на трепещущего пред словом Моим» (Ис. 66,2).

Действительно ли мы знаем, в Кого верим? Готовы ли мы отложить в сторону нашу собственную мудрость, находчивость и методику, призванные восполнить «недостаточность» простого упования на Иисуса, и вместо этого безоговорочно довериться нашему Богу? Автор Послания к Евреям писал:

Итак, мы, приемля царство непоколебимое, будем хранить благодать, которою будем служить благоугодно Богу, с благоговением и страхом, потому что Бог наш есть огонь пожигающий (12,28–29).

Хотим ли мы иметь такую веру или предпочитаем основываться на своих собственных методах? Мы можем придумать собственный вариант христианства, когда наше сердце будет наполнять ледяная холодность к реальному Иисусу, когда мы не будем приносить Ему ничего, кроме самодовольных слов, которые нас ни к чему не обязывают – ни к верности, ни к чистоте, ни к безраздельной, пылкой любви, ни к Его прославлению. Однако Христос достоин того, чтобы все это мы с радостью принесли Ему.

Примечания

1. Не так давно в информационном листке одной из соседних общин появилось объявление, приглашающее членов общины на конференцию «Христиане в период восстановления». Согласно этому объявлению, свыше 90% американцев выросли в «неблагополучных семьях, т.е. в семьях, которые страдали не только от последствий алкоголизма или наркомании, но и от других неверных проявлений, таких, как трудоголизм, перфекционизм, депрессии, маниакальное поведение, сексуальные проблемы и т.д.». Эти проблемы якобы влияют на семейную жизнь в меньшей степени, чем алкоголизм. Далее было сказано так:

Длительное время многие американцы были вынуждены сами справляться с такого рода проблемами. Но времена изменились, и многие люди, среди которых немало хрис-

тиан, победив смущение, воспользовались возможностью обрести эмоциональное и духовное исцеление.

В объявлении конференция была представлена как шанс получить такое исцеление и больше узнать о неблагополучных семьях. Темы главного докладчика были: «Метод двенадцати шагов как путь к исцелению» и «Борьба христианина с созависимостью». Кроме того, были предложены секции, на которых затрагивались такие проблемы, как стыдливость, склонность к перееданию, сексуальная зависимость и т.п.

Из объявления следовало, что мы все больные, все выходцы из «больных» семей и все нуждаемся в помощи для «восстановления своего здоровья». Создавалось впечатление, что никто не родился в семье, где и дети, и родители – прежде всего грешники.

Когда я читаю подобные вещи и вижу, что происходит в церквях, я почти в отчаянии спрашиваю себя: «Что же может сделать в моей жизни Иисус Христос и Его Слово?» Очевидно, всё большее число верующих должно ответить: «Очень мало».

2. Simon J. Kistemaker, *Hebrews* (Grand Rapids: Baker Book House, 1984), p. 318–319.
3. John Piper, *Desiring God* (Portland: Multnomah Press, 1986), p. 108.
4. Там же, с. 109.
5. Helen Roseveare, «The Cost of Loving Jesus», *Christianity Today* (May 12, 1989), p. 45.
6. C. S. Lewis, *Christian Reflections* (Walter Hooper, ed. Grand Rapids: William B. Eerdmans Publishing Co., 1967), p. 37.

12

Тайна Его силы

Думаю, имеет смысл нашу беседу о вере дополнить рассуждениями о силе Божьей. В Писании вера и благодать идут рука об руку. Одного без другого нет. Также мы не можем говорить о Божьей благодати и в то же время не говорить о Его силе.

Иногда эти два слова почти взаимозаменяемы. Мы спасены благодатью Божьей, но Павел называет Евангелие благодати «силой Божьей ко спасению всякому верующему» (Рим. 1,16). Наш Господь Сам показал чудесную взаимосвязь этих двух понятий, когда сказал Павлу: «Довольно для тебя благодати Моей, ибо сила Моя совершается в немощи» (2 Кор. 12,9). Кроме того, Дух Святой дал нам чудесную надежду, когда побудил Петра написать: «Как от Божественной силы Его даровано нам все потребное для жизни и благочестия, через познание Призвавшего нас славою и благодатью» (2 Петр. 1,3).

Цель этих слов – ободрить верующих, дать им в руки нечто прочное и динамичное, чтобы они могли устоять в бедственное время. Однако своими воззрениями «христианская» психология ставит под вопрос надежность этих обетований. Имеет ли она на это право? Если да, то как тогда понимать вышеприведенные стихи?

Основная цель этой книги от первой до последней страницы – показать как явную, так и невидимую силу Божью. Каким образом проявляется сила Божья? Как испытать ее в повседневном хождении верующего со Христом и во Христе?

Сила для всех нас представляет нечто захватывающее. Она необходима в нашей жизни. Невозможно достичь какой-то цели без авторитета и силы, идет ли речь о задаче ограниченного или глобального масштаба. Сила и власть – величайшая движущая сила всего человечества. Что бы ни побуждало людей делать то, что они делают, в основе всегда лежит стремление к власти и силе. Грех вплел эту темную нить в ткань нашей испорченной души, сделав ее доминирующей чертой греховной природы человека. И пока мы искренне не покоримся Христу, все мы без исключения будем неверно использовать предоставленную нам силу.

Мы постоянно подвергаемся искушению строить планы, как обрести власть и как использовать ее для своей выгоды. Нас не нужно учить этому страстному желанию – подчинить других своей власти; уже малое дитя видит себя в роли деспота. Некоторые особенно честолюбивые люди до предела напрягают свой разум, изощряются в хитрости, жертвуют семьей, репутацией, губят других, проливают потоки крови, расходуют средства, время и энергию, чтобы захватить в свои руки скипетр неограниченной власти.

Однако мы должны признать, что такие мужчины и женщины ничуть не хуже нас. Если мы не состязаемся с ними и из зависти не желаем их гибели¹, то одобряем их и подражаем им в нашем собственном ограниченном пространстве. Ничто так не приближается в нашем плотском представлении к божественному, как возможность безраздельно властвовать.

Каков отец, таков и сын

Величайшая зависть сатаны по отношению к Богу стала величайшей завистью человека по отношению к Богу. Человек жаждет власти, чтобы осуществлять свою волю – как хочет, когда хочет и над кем хочет. Там, где некогда он осуществлял власть над творением во славу своего Творца, теперь он делает это как высокомерный, ревнивый эгоист, который восстал против своего Господа. В Едемском саду он осуществлял власть в смирении и любви, сам уверенный в Божьей любви. Теперь же он пользуется властью своевольно, по плоти, с насилием, часто жестоко и всегда эгоистично.

Рэй Брэдбери, известный автор научной фантастики, в своем интервью одной из радиопередач сразу после исторического полета космического корабля «Вояджер» к планете Юпитер сказал:

«Человек был изгнан из Едемского сада; теперь он возвращается туда». Редко человек выражает свои мысли столь откровенно.

Даже нам, верующим, часто трудно преодолеть искушение заменить веру делами. Пока мы не осознаем, как ужасно велика склонность плоти всеми силами стремиться к власти, мы не будем готовы признать, как легко мы заблуждаемся даже в том, что касается собственных рассуждений; нам нелегко сознаться, что своими представлениями и методами мы устраним Божественную власть.

С тех пор, как существует христианская Церковь, христиане пытались человеческими методами осуществить намерения Божьи, как они их понимали. Церковная история изобилует бесчисленными обломками усилий честолюбивых и/или усердных «верующих», которые во имя Христа хотели помочь христианству.

Не обращая внимания на предупреждение Писания, что оружия воинствования нашего не плотские (2 Кор. 10,3–4), несмотря на предостережение нашего Господа, что мы ничего не можем делать, если не пребудем в Нем (Ин. 15,5), верующие продолжают строить свою веру и Божью Церковь на дереве, сене и соломе. Внешний вид такого строения часто весьма впечатляет, но в конечном итоге наша вера начнет опираться на человеческую мудрость, а не на силу Божью. Наше строение возводится на плотском основании, а следовательно, не имеет вечной ценности.

Сила в бессилии

Как печально, что в своем ужасном неблагоразумии мы не сознаём, до какой степени дискредитируем Бога своими поступками и пытаемся лишить Его подобающей Ему славы. Но, исследуя Писание, мы неизбежно придем к выводу, что человек должен добровольно отказаться от всякого стремления к мирской власти, если он действительно хочет познать Бога и через веру в Христа испытать действенность Божьей силы. Он должен быть готовым предстать как перед людьми, так и перед Тем, Кто один всемогущ, полностью сознавая свое бессилие и не претендуя на славу. Он должен уподобиться Иисусу, Который стоял перед людьми беспомощный и беззащитный. Вспомним ответ апостола Павла, когда Господь сказал ему, что его немощь – средство возвеличить силу Христа:

И потому я гораздо охотнее буду хвалиться своими немощами, чтобы обитала во мне сила Христова. Посему я бла-

годушествовую в немощах, в обидах, в нуждах, в гонениях, в притеснениях за Христа, ибо, когда я немощен, тогда силен (2 Кор. 12,9–10).²

Многие ли из нас действительно с доверчивой беспомощностью покоятся в нашем Спасителе? Если бы это было так, то у «христианской» психологии нашлось бы немного защитников и еще меньше приверженцев.

Обрати внимание на то, что Павел не получил никакого облегчения своих мучительных обстоятельств. Нет, ангел сатаны остался. Испытания притаились в уголке его сердца, всегда готовые пленить его волю. Однако он получил то, что гораздо ценнее облегчения: на нем пребывала сила Христова! Действенность Божьей силы укрепляла его, помогая все переносить с радостью. Отныне он благодушествовал в конфликтах, и особенно тогда, когда, как казалось, все было направлено против него.

Обрати также внимание на разного рода противодействия, о которых упоминает Павел: немощи, обиды, нужды, гонения и притеснения за Христа – пять различных понятий, охватывающих спектр проблем, с которыми встречается верующий в своем следовании за Христом. В этот список включены также и причины, которые, по мнению психологов, ведут к расстройствам в поведении, травмированности, разочарованиям, зависимости и к недостаточному самоуважению.

Но на что опирается Павел, чтобы преодолеть свои проблемы? Может быть, на методы, предложенные психотерапией, и на эмоциональный катарсис во время групповых сеансов? Нет! Он опирается на силу и благодать Христа. И у кого Павел ищет силу, необходимую для победы? Может быть, у группы самопомощи с ее методом двенадцати шагов? Или у терапевта, который будет руководить им, помогая выйти из виктимизации? Нет, он обращается непосредственно к Господу Иисусу, Который стал для нас Божьей силой и Божьей премудростью.

При этом мы ни в коем случае не отрицаем церковь или важность ее вклада в зрелость и взаимное укрепление верующих. Церковь – это то место, где мы служим друг другу данной нам от Бога благодатью.

Но, помимо этого, каждый верующий нуждается во все возрастающем более тесном, динамичном и личном отношении с живым Христом, сила Которого непосредственно изливается в его жизнь. Там, в Иисусе Христе, верующий находит прочное и ста-

бильное основание своей победы над миром, плотью и дьяволом. Его стойкость возрастает не через осознание своей ценности или руководство психолога, который применяет методы, зависящие от человеческой силы и полученные человеческой мудростью, и не в группе, которая отождествляется со специфическим грехом.

Важно одно: прославляем ли мы Бога нашим послушанием и нашим смирением? Возвеличивается ли Христос нашим отношением к проблемам? Достаточно ли для нас Его благодати (1 Петр. 1,6--7)? Если у нас другие цели, то мы никому не сможем помочь, даже если будем держать свои грехи на привязи, а поведение под строгим контролем, даже если сами и будем довольны собой.

Божья сила в период благодати

Процитированные выше стихи (2 Кор. 12,9--10) приоткрывают тайну того, как действует Божья сила в наше время благодати. По сути, плотской ум не в состоянии постигнуть тайну силы Божьей. Он не может понять силу, не направленную на то, чтобы сделать кого-то более влиятельным или хотя бы сохранить от личного вреда или оскорбления. Плотское око не может видеть сокрытой за крестом силы Божьей. Но представлена ли сила Божья где-то более ясно, чем на кресте? И кто познал это в тот роковой день, когда люди насмеялись над Тем, Кто только и мог сделать возможным их спасение?

Даже в Своем земном служении, даже перед величественной демонстрацией Своей силы на кресте Христос удивительным образом явил тайну Божественной силы, так что все те, кто считал, что сила служит самопрославлению, и думал, что Бог такой же, как они (Пс. 49,21), остались в смущении и растерянности, досадуя и возмущаясь. Если мы хотим хотя бы отчасти понять действенность силы Божьей, нам нужно посмотреть на земные действия Того, Кто и сегодня опровергает нашу «потребность» в значимости и признании.

Сила в жизни Иисуса

Рассматривая земное служение Иисуса, мы обнаруживаем удивительный феномен. Тот, Кто говорит от имени Бога, Кто об-

ладает уникальной силой Божьей,— всего лишь незаметный ремесленник, а не господин, странствующий проповедник, а не глава философов. В Его внешности нет ничего властного или величественного. В Его окружении нет влиятельных мужей, мудрых советников; Его ближайшие соратники ненадежны, самоуверенны, корыстолюбивы и боязливы. Он не завидует тем, кто у власти, и не стремится к благосостоянию.

Однако сила, исходящая от этого Человека, несравнима ни с чем. Она увлекает нас и заставляет обратить на нее внимание. Она может делать то, что недоступно никакой земной силе. Она сострадательна, совершенна, действенна, безошибочна и готова помочь нам в отчаянных обстоятельствах. Однако она никого не принуждает повиноваться ей и не ограничивает чью-либо свободу. Лишь истинно верующие познают Его силу, лишь им она служит благословением. Этот Человек не эксплуатирует слабых и отверженных, не манипулирует ими. Он ищет не собственной славы, а славы другого.

Он говорит: «Иго Мое благо, и бремя Мое легко». Тот, кто страдает от непосильных требований властителей этого мира, находит покой под Его владычеством. Он не требует дани («Если любите Меня...»,— говорит Он), хотя Сам не перестает давать. Иисус Христос, кроткий и смиренный сердцем, пришел проповедовать Царство Божье, творить знамения и чудеса и проявить такую власть, какую никто другой не проявлял. Начальники, управлявшие народом, завидовали Ему. Обладай они такой властью — весь мир был бы у их ног; они не замедлили бы завладеть им.

У Него не было армии, защищающей Его интересы. Он не был коронован, не провозгласил ни одной победы. В Его честь не развевались флаги. Он не покорял народы и не делал из них рабов. Он, пришедший «взыскать и спасти погибшее», Он, намеревающийся «отдать жизнь Свою для искупления многих», пренебрег регалиями власти, которыми так дорожат люди. Крест был более подобающим и постоянным символом Его славы, более эффективным для становления Его вечного и праведного Царства. Разве есть лучшая возможность восторжествовать над силами тьмы?

Иисус Христос, кроткий и смиренный слуга, полный ни с чем не сравнимого милосердия, ходил среди жителей Галилеи и Иудеи, словом и делом являя силу и власть Бога. Он придал новое значение понятию «сила». Хромые начинали ходить, бесы оставляли свою жертву, мертвые оживали, слепые прозревали и тысячи на-

сышались после короткого слова благодарения. «Он сказал – и явилось». Но никогда Он не переломил трости надломленной и не угасил льна курящегося. Тот, кого касалась Его сила, с радостью следовал за Ним.

Его сила ищет испорченные грехом сердца и очищает их. Она посещает забытые места, где ютятся обездоленные, разрывает цепи греха и освобождает грешников. Она сокрушает власть греха, поднимает грешников к свету и делает их сыновьями и дочерьми Бога. Его сила опровергает долго лелеемое мнение, что Бог нуждается в людях и средствах для осуществления Своей власти в этом мире, если Он вообще хочет что-то сделать. Иисус совершал дело Божье независимо от каких-то человеческих структур и все еще продолжает его совершать.

Ни у кого из людей Он не спрашивал разрешения исцелять слепых и воскрешать мертвых. Он прощал грешников, игнорируя методы и мерки людей. Он даром раздавал Божью благодать, тем самым настраивая против себя правящие круги. Его сила была, есть и будет силой, прославляющей Бога. Такой человек постыжает властителей этого века, выставляет напоказ их невежество и вызывает их негодование. Ведь Его сила много дает, много требует и многое изменяет. Его форма осуществления власти чужда нашему пониманию. Мы отвергаем власть, которая отказывает нам в славе, тем самым отвергая Иисуса. «Его сила от сатаны, – говорили мы. – Она направлена против кесаря». «Распни Его», – требовали мы. Но для всех, кто верует, Иисус Христос – Божья сила и Божья премудрость (1 Кор. 1,24).

Ключ к силе

Ключ такой: мы должны верить Богу. «Сей есть Сын Мой Возлюбленный, Его слушайте» (Лк. 9,35). Столкнувшись с силой, которую они не могли ни объяснить, ни понять, ни подчинить, ни подкупить и использовать для своих целей, видя силу, которая слишком дорого обошлась бы им, чтобы они в нее поверили, власти века сего распяли Господа славы, а их подданные аплодировали им – как тогда, так и сегодня. Грубая, подчиняющая сила человека казалась им более достойной и желанной, чем Божья сила, готовая служить; сила, возвеличивающая собственное «я», казалась им более величественной, чем сила, жертвующая собою.

И в конце концов Он, спасающий от смерти других, не смог или не захотел спасти от смерти Себя. Тот, Кто со знамениями и чудесами провозглашал грядущее Царство Божье, не мог воспользоваться чудом для собственного избавления. Он, единственный истинный Царь всей земли, отдался в руки эгоистичных и ревнивых деспотов, которые обошлись с ним крайне жестоко. Где же была Его сила? Почему Он скрыл ее? Ведь это же никакая не слава. Его собственные последователи, которые на себе испытали Его силу, поверили в Его учение, видели Его славу, — даже они отреклись от Него и рассеялись в ту ночь, когда Он был предан, отвернулись от вечной силы и бежали от насмешек и угроз смертных правителей.

Можем ли мы в таком случае говорить о безмерном величии Божьей силы? Что имеется в виду под ней? Как она действует? Когда мы видим или испытываем ее? Или речь идет только о благочестивых словах и чувствах, которые мы сами внушили себе?

Тайна Божьей силы

Здесь мы имеем дело с тайной. Люди не страшатся умалять значение Божьей силы. А Он позволяет им насмехаться над Собой. Он смирил Себя Самого. Море не расступилось, и с неба не спал огонь. (Когда-то огонь спадет с неба, но еще не теперь.) Иисус не просит о помощи 72 000 Ангелов, горящих святым негодованием при виде богохульства надменных людей. Вместо этого Он просит Отца простить Своих мучителей — и мы не в состоянии постичь силу Его слов.

Так выглядит это в глазах человека неверующего, не имеющего Духа. Человеческая сила кажется ему больше, очевиднее, непосредственнее, действеннее, славнее, желаннее, чем сила Божья, явленная в распятом, обессиленном Иисусе.

О, если бы только с неба спал огонь, мы обязательно поверили бы! Но наше требование остается без внимания. Бог ничего не предпринимает. Царит молчание (за исключением слова: «Совершилось!») Мы ждем знамения, но ничего не видно, кроме тени креста. Так это представляется глазам и ушам неверующих сердец. Их уши не слышат победного возгласа: «Он жив!» Они не в состоянии увидеть Воскресшего, потому что отказываются прийти к подножию креста. Но лишь оттуда виден живой Иисус.

Гордыня препятствует человеку искать Бога. «Во всех помыс-

ла его: "нет Бога!"» (Пс. 9,25). «Человек – мера всех вещей», – вот что наполняет его. Все, что не согласуется с его разумом, он отвергает. Он разрушает все, над чем не может господствовать, и отбрасывает то, что не служит к его славе. «Сказал безумец в сердце своем: нет Бога» (Пс. 13,1). Крест не нужен, воскресения нет – ни для Христа, ни тем более для тебя или меня; нет Божьей любви во Христе, нет новой жизни во Христе, нет Божественной силы во Христе. Пожалей этого безумца! Пожалей мир, управляемый такими безумцами!

Судьба церкви, которая перестает верить в эти истины, которой недостает веры отличить земную силу от небесной, вызывает опасения и сожаление.

Лишь серьезно поразмыслив об этих вещах, мы поймем, как велико упорное сопротивление, врожденная вражда, глубоко укоренившееся отвращение человека, не желающего верить в Божью силу во Христе или покориться Божьим условиям, от которых зависит исполнение этой силы. Это должно потрясти нас до глубины души. Во Христе, Его силой Бог предлагает нам преодолевать все наши трудности, конфликты и несостоятельность. Однако из-за креста человек сознательно отвергает эту силу.

Именно поэтому Бог сокрыл истоки Своей силы в том кресте, который отвергли люди. Она будет явной и действенной в жизни лишь тех, кто готов верить в «немудрое» Божье, кто готов предстать перед крестом и своими ближними с сокрушенным, кротким и смиренным духом, кто готов отказаться от всякого стремления к земной власти. Лишь тот, кто готов быть ничем в глазах мира, поймет силу Божью во Христе и будет жить ею.

О таких людях сказано, что они – то «немудрое мира», которое избрал Бог, чтобы посрамить мудрых, и «немошное мира», которое избрал Бог, чтобы посрамить сильное (1 Кор. 1,27).

Сила креста

Можно постоянно напоминать себе о тысячах накормленных, о всех исцеленных больных, о всех калеках, которые стали здоровыми, о всех изгнанных бесах и даже о всех возвращенных к жизни мертвых, однако все это не идет ни в какое сравнение с необъятным откровением Божественной силы креста, скрытой за личиной смерти.

Но для тех, кто готов прибегнуть ко Христу и с Ним быть распятыми для мира, крест является истинным и совершенным откровением Божьей силы. Именно таким образом наш приход ко Христу и Его кресту становится совершенным выражением нашей веры, фундаментом, на котором основано свидетельство Павла во 2 Коринфянам 12,7–10 и который гарантирует истинность этой веры.

Сила Божья творит нового человека во Христе. Прежний враг становится дорогим другом. Нерадивые слуги и служанки становятся верными сыновьями и дочерьми. Но разве тот, кто вне Христа, может познать во всем этом Божью силу?

О, какая чудесная достаточность креста сокрыта в вести о кресте! Кто может понять ее во всей полноте? Думаю, что никто. Но миллионы из нас испытали ее на себе. Иисус Христос, превознесенный в нашей немощи, прославленный в наших трудностях и скорбях. Эта сила не нуждается в каких-то дополнениях. Ей не присуще ничто человеческое. Никто из людей не может ограничить ее или манипулировать ею. Ничто человеческое не может сравниться с этой силой. Об этом позаботился Бог.

«Ибо слово о кресте для погибающих юродство есть» – для тех, кто держится за иллюзию собственной независимости и силы. До тех пор, пока люди думают, что нужно что-то добавить ко кресту, он не может быть крестом, который спасает и служит прочным основанием нашей святости. В таком случае даже наша вера не покоится на силе Божьей.

Тем не менее сила креста идет навстречу сокровенным желаниям нашего сердца, глубочайшим потребностям нашей сущности – здесь перед нами духовная реальность, которую можно понять лишь духовно (1 Кор. 2,10–16). И хотя эта реальность невидима, она составляет саму сущность нашей жизни. Мир отказывается признать очевидность Божьей силы, но все истинно спасенные знают, насколько она реальна. Изменилась их личность, изменилось их поведение, изменились их мысли и цели. И все это потому, что изменились внутренние побудительные мотивы и понимание действительности:

Ибо любовь Христова объемлет нас, рассуждающих так: если один умер за всех, то все умерли. А Христос за всех умер, чтобы живущие уже не для себя жили, но для умершего за них и воскресшего (2 Кор. 5,14–15).

Из этого корня произрастают все поступки, мысли и слова

верующего. И это становится очевидным как для него самого, так и для окружающего мира.

Верой в силу креста нашего Господа мы становимся гражданами страны, о которой знали лишь понаслышке. Мы доверяем воскресшему Господу и Царю, Которого любим, хотя никогда не видели. И мы радуемся о Нем всей своей жизнью, хотя это нередко приводит к конфликтам с нашим окружением.

Своей жизнью мы ежедневно демонстрируем смерть и воскресение Христа. В теле, которое внешне и немощно, мы словом и делом доказываем, что стали новым творением во Христе. Мир не может верить таким истинам. И хотя мы, пребывающие во Христе, тоже лишь отчасти понимаем их, но ежедневно живем под их благословениями, что не всегда можем доступно объяснить. Только сила Божья делает это возможным, так как «сокровище сие мы носим в глиняных сосудах, чтобы преизбыточная сила была приписываема Богу, а не нам» (2 Кор. 4,7).

Величие Божьей силы

Всё это побуждает нас еще раз поразмыслить о великом откровении Святого Духа, изложенном во 2 Коринфянам 12,7–10. Его цель – объяснить верующему величие Божьей благодати, а также результат его веры. За этими авторитетными словами стоят жизнь, смерть и воскресение нашего Господа Иисуса. Они открыто и ясно, не оставляя места для сомнений, доказывают, что в самых трудных, в самых напряженных ситуациях сила Христова незамедлительно приходит на помощь верующему, чтобы даровать победу. Непосредственное и личное вмешательство Христа позволило Павлу с уверенностью сказать, что он «благодушествует в немощах», скорбях, трудностях и во всем том, что могло бы угнетать его.

Возможно, именно поэтому Павел мог с такой уверенностью сказать, что Бог «при искушении даст и облегчение, так чтобы вы могли перенести» (1 Кор. 10,13). Да, со своей стороны я тоже должен что-то делать (Фил. 2,12; Еф. 6,13), но даже это стало возможным лишь после того, как Бог сделал меня новым творением во Христе и даровал мне Свою силу (2 Кор. 5,17; 1 Кор. 15,10; Кол. 1:11, 29).

Только Божья сила дает мне возможность совершать доверенное мне служение (2 Кор. 3:4–5,7), преображаться в образ Гос-

пода (2 Кор. 3,18), побеждать дьявола (Еф. 6,10–12), с терпением и радостью переносить скорби (2 Кор. 12,7–10) и противостоять искушениям (1 Кор. 10,13). «Христос в вас, упование славы», – писал Павел колоссянам, и эти слова служат гарантией того, что «Царство Божие не в слове, а в силе» (1 Кор. 4,20).

Сопоставляя всё это, мы ясно видим, как противоречит вышеприведенным стихам «христианская» психология. Бог говорит, что нет такого искушения, какого я не смог бы преодолеть с Его помощью. Мой Господь Иисус говорит, что Его благодати достаточно, чтобы провести меня через выпавшие на мою долю испытания. Или Бога можно обвинить в преувеличении? Или я воспринимаю Его слова слишком наивно и буквально? Или «христианские» психологи действительно противоречат Духу Святому?

Не отвергаем ли мы реальность действующей в кресте силы Божьей (Еф. 2,8–9), когда говорим, что верим в весть креста, и в то же время проповедуем, что власть греха не сломлена и не может быть сломлена, пока «неблагоприятные условия» нашего прошлого не будут вскрыты и проанализированы? Освящение означает, что Дух Святой приводит в действие силу Божью, способную защитить, освободить и содействовать возрастанию верующего. Это сверхъестественная работа в нас (Гал. 3,3). Мы тоже, в свою очередь, прилагаем старание и трудимся над завершением нашего спасения. Однако в конечном итоге наше освящение совершается посредством силы Божьей, которая трудится в жертвенном, сознающем свою зависимость христианине. О зрелости христианина свидетельствует не его «соответствующее поведение», а плод Духа.

Даже неверующие люди в состоянии разработать методы, изменяющие поведение и помогающие анализировать свои чувства и обуздывать скверные привычки. Тем самым сегодняшняя психология достигла своей цели. Но в свете вышеприведенных стихов, речь идет не о том, чтобы христианин всего лишь изменил свое поведение или научился развивать в себе позитивные чувства и господствовать над своими греховными наклонностями. Гораздо важнее причина этих изменений. Подумаем над словами Джона Оуэна:

Объявить смерть своей собственной силе и в то же время продолжать идти своими путями, конец которых – самоправедность, – вот лицо и суть всякой ложной религии в этом мире.⁴

Только христианин способен изменяться, оказывать сопро-

тивление, терпеть и ликовать, потому что в его распоряжении сила Иисуса Христа. Конечно, это сверхъестественный процесс, который возвеличивает его Господа. Сам по себе ни один человек к этому не способен. Все попытки подражать этому – не что иное, как самонадеянные и в то же время жалкие потуги. Только христианин может во всем блеске отразить Божье величие, потому что он полностью зависим от этой силы Христа. Она одна делает его победителем в немощах, скорбях, трудностях и преследованиях. Посредством Своей силы Бог дает нам победу, мы становимся живым доказательством Его действительности, и тем прославляется Его имя.

Проповедуя на текст из Псалма 49,15: «И призови Меня в день скорби; Я избавлю тебя, и ты прославишь Меня», Сперджен приводит следующее объяснение:

Здесь Бог и молящийся действуют вместе... Сначала участие человека: «Призови Меня в день скорби». Затем следует участие Божье: «Я избавлю тебя». Затем снова вступает человек: «Ты прославишь Меня». Здесь представлен своего рода договор, союз, который Бог заключает с молящимся Ему. Он говорит: «Тебе нужно избавление, а Я хочу прославиться».⁵

Бог приготовил нам нечто величественное. Для Него недостаточно, если мы просто ведем порядочный образ жизни. Он хочет, чтобы мы знали Его, радовались о Нем и от сердца любили Его. Он хочет слышать наше искреннее свидетельство о прощении грехов и о новой жизни веры – жизни, которая сопровождается действием сверхъестественной силы и которая делает нас способными побеждать врагов – как физических, так и духовных.

Возможно, это происходит и непреднамеренно, но нельзя отрицать тот факт, что в наши дни евангельские общины не научены искать объяснение и разрешение своих проблем в Слове Божьем. Они также не научены ощущать действенность Божьей силы, обещанной нам во Христе и через Христа для победной жизни. Вместо этого им советуют полагаться на слова психолога. Христос сказал: «Моей благодати достаточно». «Христианская» психология говорит: «Но не без моей помощи».

Писание настоятельно призывает нас взирать на Иисуса. Оно советует нам забывать прошлое. Писание хочет, чтобы мы сконцентрировались на Христе и в полной мере могли оценить, что

значит – быть новым творением во Христе и жить для новой цели (Еф. 4,20–24), черпая силы из нового источника, исходящего непосредственно от Христа и побуждающего нашу волю к новому, богоугодному послушанию.

Нельзя позволить прошлому препятствовать нам в следовании за Христом и наносить нам поражение. Что бы ни случилось в нашей жизни до обращения к Христу, это случилось на другом уровне, по другим причинам и питалось другой силой. Но если Христос стал великой целью нашей жизни, то Его благодати более чем достаточно во всех наших немощах, скорбях, гонениях, притеснениях или других трудностях. Помни, что Павел в ангеле сатаны видел препятствие для своей христианской жизни, Христос же смотрел на это, как на необходимость.

Если мы не испытываем в своей жизни реальное присутствие силы Христа, нам необходимо со всей серьезностью проверить свою веру. Не нужно придумывать человеческие ответы, объясняющие нашу несостоятельность, или конструировать методы, помогающие достичь праведности, полагая, что благодать неспособна производить ее в нашей жизни. А тем, кто, несмотря на все попытки и все молитвы, считает невозможным повиноваться Богу, следует искать помощь в Писании и у креста, а не в человеческих средствах, изобретенных в помощь Духу Святому.

Самоуверенность – не гарантия

Ажеучители в Галатии были уверены, что их методы благочестия могли гарантировать, что они устоят перед Богом. Точно так думали и ажеучители в Колоссах. Павел же предал анафеме и тех, и других. Ни одно из их учений, как писал он, не основывалось на возвышенном в Писании и подтвержденном Святым Духом обетовании Божьем, согласно которому во Христе мы имеем всё potřebное.

В таком же затруднительном положении находится сегодня «христианская» психология. И для нее служит преткновением чудо Божьей благодати и великая тайна Его силы.

В 1 Коринфянам 1,17 Павел пишет, что Христос послал Его проповедовать Евангелие «не в премудрости слова, чтобы не упразднить креста Христова». Иисус Христос, и только распятый Христос, явил Божественную силу, которая обратила «мудрость мира

сего в безумие» и лишила человека возможности говорить, что Бог нуждается в его помощи. Наша вера должна основываться исключительно на силе Божьей, а не на силе наших познаний. Поэтому Павел с такой строгостью пишет галатам, порицая их: «Так ли вы несмысленны, что, начав духом, теперь оканчиваете плотью?» (Гал. 3,3).

Возможно, и мы должны задать себе такой же вопрос. Не таковы ли и мы? Если признаком плоти считать популярность и влияние «христианской» психологии, то я очень боюсь, что ответ будет положительный.

Будем остерегаться, чтобы не оказаться в числе тех, кто заменяет силу Божью человеческой подделкой. Всякий, кто ценит и избирает эти ничтожные суррогаты, считает весть о кресте юродством и погибает в своей неверии. Для нас же, спасаемых,— писал Павел,— это сила Божья.

Крест — это сила Божья вчера и сегодня.

Примечания

1. В этой связи припоминается одна фраза из Шекспира, где Цезарь говорит Кассию: «Такие люди вечно недовольны, когда есть человек, что выше их, и потому они весьма опасны». (Вильям Шекспир. Юлий Цезарь. Акт 1. Сцена 2.— СПб.: Кристалл, 2002).
2. Нельзя не сравнить отношение Павла как к труднейшим проблемам, так и к их разрешению, с самонадеянным утверждением «христианской» психологии, согласно которому прежние разочарования и грехи ответственны за нашу теперешнюю неспособность сказать греху «нет».
3. То, что верующие должны помогать друг другу и нести бремена друг друга,— новозаветная заповедь. Христианство не имеет ничего общего с жестоким индивидуализмом. Библейское душепопечительство, осуществляемое верными мужами и женами, во все времена считалось одним из средств Божьей благодати. Верующие могут бороться с грехом, и сознание своей ответственности перед Словом Божиим и другими верующими для многих из них стало помощью в достижении по-

беды. Однако и здесь поощрительная и действенная сила – Дух Святой (Еф. 3,20).

4. Sinclair B. Ferguson, *John Owen on the Christian Life* (Edinburgh: The Banner of Truth Trust, 1987), p. 145.
5. Charles Spurgeon, quoted by John Piper in his book, *Desiring God* (Portland: Multnomah Press, 1986), p. 134.

Эпилог

Вот и конец нашей книги, но не конец дебатов. Боюсь, они только начались. Боюсь, нам предстоит нелегкая борьба, и ее исход сомнителен.

В начале книги я упоминал о том, что обеспокоен, полон опасений, встревожен и разгневан действиями «христианской» психологии. Теперь, по порядку изложив свои доводы, я вынужден признать, что моя антипатия и оппозиция к этим действиям только углубились.

Не знаю, на что надеются христиане, желающие согласовать между собой психологию и Писание. Но, какими бы ни были их намерения, мы подвергаемся опасности подорвать целостность Христа и Его Слова, что, конечно же, повлечет нашу гибель, если мы продолжим идти в этом направлении.

Еще больше меня беспокоит вопрос, готовы ли мы признать, насколько трагичной стала ситуация? Мнение о том, что «христианская» психология помогла многим людям, кажется достаточным, чтобы уклониться от этого вопроса. Или евангельское общество отражает всеобщее мнение, согласно которому наука способна решить все проблемы, включая социальные и личные? Так как наша вера в реальность Христа ослабла и превратилась в своего рода обусловленную культурой духовность, в той же мере возросла вера в психологию.

Но хотя то, что носит на себе ярлык «психология», приобретает все большее влияние и популярность (постоянно растет чис-

ло клиник и консультационных центров, которые занимаются лечением всякого рода зависимостей, болезней и функциональных нарушений), нельзя утверждать, что наше общество становится более привлекательным и нравственным. Напротив, оно всё более и более разлагается.

Умножаются насилие, аборт, жестокость, безнравственность, депрессии, семейные трагедии, самоубийства, венерические болезни, коррупция, жажда наживы и наркомания. И все самоусовершенствования, групповая и профессиональная помощь, вместе взятые, явно не в состоянии сдержать этот поток. Мы превратились в общество индивидуумов, характеризующее себя как «жесту своего окружения».

Как трогательно, если сравнить это с библейским взглядом на человека! Несмотря на это, евангельские христиане тоже решили присоединиться к такому мнению. Мы тоже все чаще смотрим на себя, как на больных, и гонимся за личным счастьем. Всё более и более мы сближаемся с психологией – пусть даже под христианской оболочкой – и думаем, что она скорее и успешнее, чем Писание, поможет нам достигнуть счастья. Христиане очарованы психологией и уверены, что она излечит их сердечные раны и справится с проблемами, о которых даже не упоминается в Писании, и всё это с гораздо большим успехом, участием и пониманием, чем Библия.

Такая ситуация породила в наших общинах непреодолимое и в то же время далеко не всеми осознаваемое противоречие между тем, о чем проповедует и учит Слово Божье, и тем, о чем проповедует и учит «христианская» психология.

В воскресный день я сижу и слушаю Слово Божье, которое говорит о грехе, праведности и суде, о благодати и силе Божьей. В понедельник я участвую в семинаре, где говорят, что в основе моего непослушания Богу лежит не мое плотское состояние, а виктимизация, которой я подвергался в своей семье. И это, к сожалению, сделало из меня дисфункционального человека, который через «неправильные решения» старается достичь соответствующего самоуважения.

Неужели мы действительно верим, что между этими двумя учениями нет никакого противоречия? Куда нас ведут? Знаем ли мы об этом? Но куда бы нас ни вели, я дальше не пойду. Поэт Роберт Фрост как-то написал:

Я на развилке двух дорог стою

И, где народа меньше, избираю...¹

Избирать путь, которым идут немногие, – вот образ тех, кто предпочитает победоносно и радостно жить и умирать со словами, которые передал нам Христос. На этом пути сегодня нет толчеи. Конечно, он узок и порой труден, и мы не должны скрывать этот факт. Но каждый, кто избирает этот путь, знает, что его сопровождает благодать Христова, помогая усталому пилигриму своей безграничной и непобедимой силой. Кроме того, этот путь ведет прямо к городу, «имеющему основание, которого художник и строитель Бог». Поэтому христианин не боится сбиться с пути. Однако этого нельзя сказать о тех, кто заключает брак с «христианской» психологией.

Я знаю, что сегодня рискованно решительно выступать против попыток объединить психологию со Священным Писанием. Но у меня нет выбора; ведь такой союз неизбежно заведет нас в пустыню.

Что же нам делать? Думаю, это очевидно. Церковь должна отказаться от «христианской» психологии. Всех, кто хоть как-то был связан с психологией, церковь должна призвать покаяться, возвратиться к истинной вере в Писание и подчиниться ему, как единственному и надежному путеводителю верующих. Так называемая «познанная истина» не должна быть выше ясного откровения Божьей истины. Необходимо проповедовать чудо Божьей благодати, а не дела человека.

Христос, и только Христос, а не человек, достоин быть превознесенным. В Нем, и только в Нем, «сокрыты все сокровища премудрости и ведения» (Кол. 2,3). Это то, во что должна верить, что должна проповедовать, чему должна учить и чем должна жить церковь. Всё остальное никому не поможет. Всё остальное бесславит нашего Господа. Однако, как кажется, этим путем идет всё меньше людей. Кроме того, между «я должен» и «я хочу» часто лежит широкая пустыня, пересечь которую отваживаются лишь самые мужественные.

Времена действительно изменились. В церковь приходит «больной» человек, который показывает нам раны своей виктимизации, отрицает свою вину, расстилает перед нами рваные и грязные одежды своей самооценки и просит нашего сострадания, требуя, чтобы мы говорили о Христе, о распятом Христе, нейтральным, лишенным эмоциональной окраски языком, лучше соответствующим его самоуважению.